

СТОКГОЛЬМСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
СТОКГОЛЬМСКИЙ НУМИЗМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

На правах рукописи

Кулешов Вячеслав Сергеевич

ПИСЬМЕННЫЕ И НУМИЗМАТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ
ПО ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В IX–XI ВВ.

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Специальность 07.00.09 — Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

Научный руководитель:
доктор исторических наук
Е. А. Мельникова

Москва

2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Источниковедение известий ключевых письменных памятников	
о денежном обращении в Восточной Европе IX — начала XII в.	17
1.1. Нумизматическая лексика и нумизматические ситуации	
в «Повести временных лет»	17
1.2. Источниковедение ранней истории древнерусской платежной гривны . . .	28
1.3. Арабские источники по истории товарно-денежных систем	
в Восточной Европе IX–X вв.	57
ГЛАВА 2. Нумизматические источники IX–XI вв. о денежном	
обращении в Восточной Европе	87
2.1. Историографический очерк изучения денежного обращения	
в Восточной Европе IX–XI вв.	87
2.2. Нумизматические памятники Восточной Европы:	
современный этап накопления источников	109
2.3. Источниковедение истории денежного обращения стран Халифата	
и основные группы монет в восточноевропейских кладах	120
2.4. Хронология (периодизация) восточноевропейского	
монетного обращения второй половины VIII — XI в.	129
ГЛАВА 3. Эмблематические источники по истории монетной регалии	
и символики власти раннегосударственных образований	
Восточной Европы IX–XI вв. (Хазарии, Волжской Булгарии и Руси)	133
3.1. Памятники монетной чеканки и эмблематики Хазарии IX в.	133
3.2. Памятники монетной чеканки и эмблематики Волжской Булгарии X в. . .	134
3.3. Памятники монетной чеканки и эмблематики Руси середины X в.	136
3.4. Геральдические подвески и монетные граффити	
как источник по древнейшей русской эмблематике	143
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	148
Список источников и литературы	152
Приложение.	206

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертации. Вопросы денежного обращения эпохи раннего средневековья требуют комплексного привлечения письменных (наиболее информативных, но неизбежно выборочных), нумизматических (дающих массовый материал) и тесно связанных с ними эмблематических источников (требующих особых методов анализа). Применительно к Восточной Европе IX–XI вв. наиболее актуально последовательное изучение этих трех типов источников, поскольку письменные источники фрагментарны, нумизматические не обобщены и в значительной степени не обработаны, а эмблематико-семиотические системы ранних государств региона недостаточно изучены как самостоятельный источник. За последние десятилетия значительно расширена и пополнена источниковая база, на основе которой делаются новые наблюдения о становлении экономических систем, специфике форм и функций торговых отношений и ранних этапах политогенеза.

Общее направление и базовые тенденции экономического развития Восточной Европы раннего средневековья обозначены в серии работ Е. А. Мельниковой, А. В. Назаренко, И. Г. Коноваловой, Т. С. Нунана¹. В полной мере осмыслить исследуемые группы источников мы можем лишь в широком контексте изучения межкультурных связей и этнополитических процессов, протекавших в Северной и

---

¹ Мельникова Е. А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012. С. 240–269; она же. «Дружиною налѣзу сребро и злато»: военно-торговая экономика древнерусской элиты X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012. С. 181–188; она же. Геополитические и геоэкономические предпосылки образования Древнерусского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 5 (13): Начала древнерусского государства. М., 2012. С. 29–44; она же. Две экономики периода образования Древнерусского государства (постановка проблемы) // Ежегодник аграрной истории. Сб. ст. памяти Н. А. Горской. М., 2013. С. 51–68; она же. Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017. С. 390–440; Назаренко А. В. Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 5–79; Коновалова И. Г. Путь купцов-руссов на Восток // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006. С. 9–28; Noonan Th. S. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence. (Variorum Collected Studies. Vol. 595.) Aldershot, 1998.

Восточной Европе и на сопредельных территориях¹.

Несмотря на длительную традицию изучения, источниковедческий потенциал древнерусских летописных известий второй половины XI — начала XII в., связанных с денежным обращением, обменом и торговлей, все еще не исчерпан. Прежде всего, источниковедческое исследование летописных текстов должно вестись с учетом новейших достижений текстологии. Среди письменных источников наименее исследованы и недостаточно полно введены в научный оборот тексты арабоязычной традиции IX–X вв. Сложность и жанровая разноплановость этих текстов требуют их периодического «перечитывания» с учетом новейших достижений текстологии и современного уровня понимания социокультурных контекстов средневековых феноменов. Именно эти две группы письменных источников — древнерусские и арабские — занимают центральное место в нашей работе.

Памятники монетного обращения (клады и единичные находки) являются основным источником для уточнения хронологии экономических, политических и этнокультурных процессов в раннесредневековой Восточной Европе. Этот тип источников постоянно количественно пополняется, причем на сегодняшний день число зафиксированных памятников значительно превышает число изученных с точки зрения типологии и хронологии. В нашей работе предпринята попытка обобщить источниковую базу на основе опубликованных и архивных данных и обновить методологию обработки и анализа этого типа источника.

Эмблематика (тамги и так называемые «геральдические» (лично-родовые) знаки) является наиболее сложным для интерпретации типом источника, поскольку функциональные контексты эмблем одновременно соотносятся со сферами материальной культуры, письменности и прикладного искусства. В силу этой сложности памятники эмблематики Хазарии IX в., Волжской Булгарии X в. и Руси X–XI

---

¹ *Петрухин В. Я.* Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995; *он же.* Древняя Русь: Народ. Князья. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000; *он же.* Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013; *Назаренко А. В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001; *Мельникова Е. А.* Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011; *Горский А. А.* Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности. М., 2012. С. 7–112; *он же.* Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М., 2014. С. 25–33.

вв. привлекались лишь эпизодически и не изучались как источники по истории возникновения символики власти.

Степень разработанности темы. Изучение письменных и нумизматических источников по истории денежного обращения в Восточной Европе IX–XI вв. имеет давнюю историографическую традицию. На протяжении XIX — первой половины XX в. анализом и интерпретацией нумизматических памятников и сведений письменных памятников по истории Древней Руси и ее соседей, их международных связей, торговли и экономической жизни занимались ведущие востоковеды — Х. Д. Френ, П. С. Савельев, В. В. Григорьев, В. Г. Тизенгаузен, А. К. Марков, позднее, в первые десятилетия советского периода, Р. Р. Фасмер и Н. П. Бауер. Именно они заложили основы комплексного и сравнительного подходов, сочетающих равное внимание как к нарративным и актовым текстам, так и к монетам (арабским, византийским, западноевропейским, а также восточноевропейским «варварским» подражаниям). Особо следует отметить научное наследие Р. Р. Фасмера, с непревзойденной полнотой изучившего корпус восточноевропейских кладов IX–X вв. и реконструировавшего на базе типологического изучения нумизматических памятников и памятников арабской письменной традиции важнейшие этапы композиционной динамики денежного обращения в контексте политической истории исламской цивилизации и ее соседей¹. Не меньший вклад внес Н. П. Бауер, чья содержательная диссертация подвела итоги изучения им объемной совокупности письменных и нумизматических памятников по истории средневековых русских денежных систем, но была опубликована лишь посмертно².

---

¹ *Фасмер Р. Р.* Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. I. Л., 1926. С. 287–308; *он же.* Два клада куфических монет. (Труды нумизматической комиссии ГАИМК. Вып. VI.) Л., 1927. *он же.* Список монетных находок. II // Сообщения ГАИМК. Т. II. Л., 1929. С. 281–324; *он же.* Заваалишинский клад куфических монет VIII–IX в. (Известия ГАИМК. Т. VII. Вып. II.) Л., 1931; *он же.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия АН СССР. Сер. 7. Отд. общественных наук. № 6–7. Л., 1933. С. 473–484; *Vasmer R.* Ein im Dorfe Saryi Dedin in Weissrussland gemachter Fund kufischer Münzen. (Kungl. Antikvitets Akademiens Handlingar. Del. 40:2.) Stockholm, 1929.

² *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Изд. подг. П. Г. Гайдуков. М., 2014. Его же более ранние работы: Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 183–244; *Bauer N.* Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. I. Topographische Übersicht der Münzfunde des Ostbaltikums. II. Topographische Übersicht der

В послевоенное время, опираясь на разработки Р. Р. Фасмера и Н. П. Бауера, общую концепцию истории древнерусских денежных систем домонгольского времени сформулировали в своих монографических исследованиях В. Л. Янин и В. М. Потин¹. Их работы, продолжившие отечественную традицию комплексного и сравнительного источниковедения письменных источников и нумизматических памятников (кладов с куфическими дирхамами и кладов с европейскими денариями) были выполнены на высоком уровне мировой историко-нумизматической науки. В дальнейшем ряд авторов разрабатывали более частные темы и отдельные сюжеты².

Интенсивное накопление нумизматических источников продолжилось во второй половине XX в. и активно продолжается в настоящее время; их публикацией, контекстуальным и корпусным анализом традиционно занимались, главным образом, археологи и нумизматы-источниковеды. После специального свода А. К. Маркова³, суммировавшего данные о кладовых и единичных находках монет VII–XI вв.

---

in den Grenzen des heutigen Rußlands (USSR) gefundenen Münzen // *Zeitschrift für Numismatik*. Bd. XXXIX. Berlin, 1929. S. 1–187; *idem*. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. III. Schlußbetrachtung. IV. Anhang: Einige bisher unedierte Funde aus Polen. [Errata zu S. 1–187.] Register der Fundplätze // *Zeitschrift für Numismatik*. Bd. XL. Berlin, 1930. S. 188–228; *idem*. Nachträge zu den russischen Funden abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts // *Zeitschrift für Numismatik*. Bd. XLII. Berlin, 1935. S. 153–173.

¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; *он же*. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009; Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. Вып. 3. Л., 1967. С. 106–194; *он же*. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

² Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 111.) М., 1962; Кротошкин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967; *он же*. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // Древняя Русь и славяне. М., 1978; Фомин А. В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 171: Славяно-русская археология. М., 1982. *он же*. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX–X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. Л., 1983; *он же*. Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X — начале XI в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV. М., 1984; *он же*. Обращение куфических монет X в. в Восточной Европе // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). М., 1985; *он же*. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70–80-х годах X в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995.

³ Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

на территории Восточной Европы, новые обобщения не публиковались. Вместе с тем, вводились в научный оборот отдельные памятники и данные о монетных находках в археологических контекстах. Опубликовано несколько важных региональных сводок¹. Сейчас уже объем выявленных и опубликованных нумизматических источников многократно превосходит источниковую базу первой половины XX в., хотя уровень источниковедческой обработки и качество соответствующих публикаций разнятся в диапазоне от документально выверенных кладовых списков, выполненных и полноценно прокомментированных ведущими специалистами, до методически и/или содержательно дефектных сообщений, упоминаний и справок сомнительной надежности.

Целый цикл современных работ был направлен на прояснение спорных аспектов происхождения, структуры, функций и территориальной дистрибуции древнерусских денежных систем и их фрагментов².

Характеризуя современную зарубежную историографию, следует упомянуть значительный вклад в систематизацию знаний о нумизматических источниках и в реконструкцию исторической и экономической динамики обществ Восточной Европы VIII–XIII вв. в историко-нумизматической перспективе американских историков Т. С. Нунана и Р. К. Ковалева, чьи работы создали основу для международного каталога кладов Евразии³. Большой интерес вызывают и новейшие разработки

---

¹ См., например: *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII — X в. // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. VIII. Л., 1976. С. 95–110; *Рябцевич В. Н.* Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // *Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология)*. Минск, 1998. С. 66–80; *Рябцевич В. Н.* Денежные депозиты Полоцкой земли конца X — начала XIV вв. // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. № 15. Мінск, 2000; *Зоценко В. Н.* Южный круг обращения дирхемов в Восточной Европе, VIII–X вв. // *Białoruś, Litwa, Polska, Ukraina wspólne dzieje pieniądza: Materiały z I Międzynarodowej konferencji numizmatycznej (Supraśl, 20–22 X 1994)*. Warszawa, 1996. S. 51–76.

² *Pritsak O.* The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems. Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries. (Harvard Series in Ukrainian Studies.) Cambridge (Mass.), 1998; *Кустерев С. Н.* Спорные вопросы начальной истории русского денежного обращения // *Очерки феодальной России*. Вып. 1. М., 1997. С. 197–220; *Бектинеев Ш. И.* Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках. Нумизматические исследования. Минск, 2014.

³ *Noonan Th. S.* Ninth-century dirham hoards from European Russia: a preliminary analysis // *Viking-Age Coinage in the Northern Lands: The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History*. (BAR International Series. No. 122.) Oxford, 1981; *idem.* Ninth-Century Dirham Hoards from Northwestern Russia and the Southeastern Baltic // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 13. No. 3: Relations between Scandinavia and the

европейских специалистов, привлекающих в своих реконструкциях восточноевропейский материал¹.

В рамках комплексного источниковедения письменных памятников, включающего в себя текстологию, лексикографию и вопросы подготовки критических изданий летописных, правовых и актовых источников, историки рассматривали вопросы монетного обращения и денежного счета, а также общих вопросов развития экономики и товарно-денежных отношений. Вопросам интерпретации древнерусских меховых единиц и их места в товарно-денежных системах посвящены статьи С. Н. Кистерева, И. Г. Добродомова, Е. В. Пчелова, А. А. Гиппиуса, П. С. Стефа-

---

Southeastern Baltic/Northwestern Russia in the Viking Age. London, 1982; *idem*. The Regional Composition of Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia // *The Numismatic Chronicle*. Vol. 144. London, 1984; *idem*. Why the Vikings First Came to Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Neue Folge. Bd. 34. H. 3. Stuttgart, 1986; *Kovalev R. K.* Mint Output in Tenth-Century Bukhara: A Case Study of Dirham Production and Monetary Circulation in Northern Europe // *Russian History*. Vol. 28: Festschrift for Th. S. Noonan, Vol. I. Paris, 2001; *idem*. What Does Historical Numismatics Suggest About the Monetary History of Khazaria in The Ninth Century? — Question Revisited // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 13. Wiesbaden, 2004. *Kovalev R. K., Kaelin A. C.* Circulation of Arab Silver in Afro-Euroasia: Preliminary Observations // *History Compass*. No. 5:2. Hoboken NJ, 2007.

¹ *Brather S.* Frühmittelalterliche Dirham-Schatzfunde in Europa. Probleme ihrer wirtschaftsgeschichtlichen Interpretation aus archäologischer Perspektive // *Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. Jahrgang 23/24 (1995/1996). 1997. S. 73–153; *Steuer H.* Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte. (*Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters*. Beiheft 10.) Köln; Bonn, 1997; *Kilger C.* Silver-handling traditions during the Viking Age — Some observations and thoughts on the phenomenon of pecking and bending // *Coinage and History in the North Sea World, c. AD 500–1250: Essays in Honour of Marion Archibald*. (The Northern World. North Europe and the Baltic c. 400–1700 AD: Peoples, Economies and Cultures. Vol. 19.) Leiden; Boston, 2006. P. 449–465; *Gustin I.* Mellan gåva och marknad. Handel, tillit och materiell kultur under vikingatid. (*Lund Studies in Medieval Archaeology*. N. 34.) Stockholm, 2004; *Rispling G.* Ninth-century dirham hoards in Russia and the Baltic region: A report on progress // *Magister Monetae: Studies in Honour of Jørgen Steen Jensen*. (Publications of the National Museum. Studies in Archaeology and History. Vol. 13.) Copenhagen, 2007. P. 101–109; *Łosiński W.* Chronologia napływu najstarszej monety arabskiej na terytorium Europy // *Slavia Antiqua*. Vol. 31. Poznań, 1988. S. 93–181; *idem*. Chronologia, skala i drogi napływu monet arabskich do krajów europejskich u schyłku IX i w X w. // *Slavia Antiqua*. Vol. 34. Poznań, 1993. S. 1–40; *Adamczyk J.* Płaćdła w Europie Środkowej i Wschodniej w średniowieczu. Formy, funkcjonowanie, ewolucja. Warszawa, 2004; *Adamczyk D.* Silber und Macht. Fernhandel, Tribute und die piastische Herrschaftsbildung in nordosteuropäischer Perspektive (800–1100). (*Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Studien*. Bd. 28.) Wiesbaden, 2014; *Jankowiak M.* Wer brachte im 10. Jahrhundert die Dirhems in die polnischen Gebiete und warum? // *Fernhändler, Dynasten, Kleriker. Die piastische Herrschaft in kontinentalen Beziehungsgeflechten vom 10. bis zum frühen 13. Jahrhundert*. (*Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Studien*. Bd. 30.) Wiesbaden, 2015. S. 41–54.

новича¹. В основополагающих работах А. В. Назаренко предложены решения вопросов об истоках древнерусских денежно-весовых единиц и их метрологических стандартов². Данные о лексике денежного обращения и ее этимологический анализ содержатся в монографиях А. С. Львова, Б. Струминского³ и в статьях этимологических словарей.

Целями диссертации являются исследование разных типов источников, отразивших различные аспекты денежного обращения IX–XI вв. в Восточной Европе, и разработка методов получения новой информации о хронологии, типологии и структурной динамике этого денежного обращения. Для достижения этих целей решаются следующие **задачи**:

(1) источниковедческое изучение письменных текстов (древнерусских летописей и памятников арабской классической литературы), содержащих релевантные данные о системах товарно-денежного обращения восточноевропейских обществ IX–XI вв.;

(2) документальное обобщение и разработка методов типологии монет и серииции монетных комплексов (кладов) для создания дробной хронологии (периодизации) денежного обращения IX–XI вв.;

---

¹ *Кистерев С. Н.* Место векши в системе древнерусского денежного счета // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.): Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998. *Добродомов И. Г.* Веверица, векша, белка // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.): Тезисы докладов и сообщений. М., 2000; *Пчелов Е. В.* «Белая веверица» в «Повести временных лет» // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.): Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001; *Пчелов Е. В.* Какую дань «имаху» «варязи изь заморья»? // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2011 г.): Материалы конференции. М., 2011. С. 236–240; *Стефанович П. С.* Гривна как денежная единица: к спору «меховистов» и «металлистов» // Российский рубль. 700 лет истории: Материалы Международной научной конференции (Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г.). Великий Новгород; СПб., 2017. С. 19–24.

² *Назаренко А. В.* Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 5–79; *он же.* Скандинавская марка и древнерусская гривна серебра // Нумизматический сборник. Ч. XV: Нумизматика на рубеже веков. (Труды ГИМ. Вып. 125.) М., 2001. С. 71–84.

³ *Львов А. С.* Лексика «Повести временных лет». М., 1975. *Strumiński B.* Linguistic Interrelations in Early Rus': Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). (Collana di filologia e letteratura slave, nuova serie. Vol. II.) Roma; Edmonton; Toronto, 1996.

(3) анализ известных на сегодняшний день памятников независимой монетной чеканки Хазарии, Волжской Булгарии и Руси, содержащих в своем дизайне и изобразительной программе элементы эмблематики и применение к их интерпретации методов сопоставительной иконографии и исторической семиотики.

Объектом исследования являются системы денежного обращения разных уровней в Восточной Европе IX–XI вв. как в узком, собственно нумизматическом, так и в расширенном, экономико-антропологическом смысле.

Предметом исследования является совокупность письменных, нумизматических и эмблематических источников по истории денежного обращения в Восточной Европе IX–XI вв.

Хронологические и территориальные рамки исследования определяются временем возникновения и регресса систем монетного обращения, представленных корпусом кладов арабского и европейского серебра, обнимающих IX–XI вв. и найденных в географических пределах Восточной Европы — между Балтийским и Черным морями, Кавказом и Уральским хребтом¹. Нижняя хронологическая граница — синхронное появление кладов арабских монет в регионах Хазарии и Прибалтики на рубеже VIII–IX вв., верхняя — существенный спад обращения европейских монет и объемов тезаврации в последние десятилетия XI в.

Хронологически с ранним и средним этапами эпохи викингов (IX–X вв.) соотносится появление сведений о народе *ар-рус* в арабской традиции о Восточной Европе (понимаемой в тех же границах): начиная с книги Ибн Хурдадбиха (середина IX в.) и «Анонимной записки» (конец IX в.), и продолжая памятниками арабской географической литературы классического периода и первыми памятниками собственно древнерусской письменной традиции (древнейшие летописные своды, реконструируемые средствами лингвистики и текстологии в составе «Повести временных лет»). Письменные источники охватывают весь исследуемый период: арабская традиция является синхронной и наиболее репрезентативной, а более поздняя

---

¹ См. географию тезаврации монетных кладов IX–XI вв.: Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. / Автор-составитель В. С. Кулешов // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 387–389; Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты / Автор-составитель А. А. Гомзин // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 390–393.

в рассматриваемом хронологическом контексте древнерусская летописная традиция XI — начала XII в. является интроспективным отражением представлений об экономике и денежном обращении ключевого раннего государства региона — Руси.

Методологической основой исследования является комплексное и сравнительное источниковедение: текстология, лексикография, приемы лексико-семантического анализа контекстов и этимология терминов денежного обращения, позволяющие раскрыть потенциал древнерусских летописных и классических арабских текстов как исторических источников по рассматриваемым вопросам. При анализе нумизматических источников используются методы типологического анализа, статистические методы совстречаемости монетных типов в комплексах, хронологическая сериация. При интерпретации памятников монетной чеканки и эмблематики Хазарии, Волжской Булгарии и Руси используются методы сравнительной иконографии, структурно-стилистического анализа и исторической семиотики.

Источниковую базу диссертации составляют письменные, нумизматические и эмблематические источники.

Из совокупности письменных источников для исследования выбраны сведения «Повести временных лет» начала XII в., содержащей представительный древнерусский текстовый и лексико-фразеологический материал по истории систем денежного обращения X–XI вв. Более репрезентативный материал предоставляют памятники арабской классической литературы IX–XI вв., содержащие синхронные сведения по истории экономики, торговли и товарно-денежных отношений в Восточной Европе.

Нами были использованы следующие оригинальные тексты: «Книга путей и стран» Ибн Хурдадбиха (860-е гг.), «Анонимная записка» о странах и народах Восточной Европы (данные не позднее 890-х гг., цитируются по тексту компилятивной «Книги драгоценных украшений» Ибн Рустаха X в.), «Книга» Ахмада ибн Фадлана (после 923 г.)¹, сочинение «Наилучшее страноведческое обозрение» ал-Мукаддаси (конец X в.), а также сочинения ат-Танухи и ал-Бируни (конец X — XI в.), содержа-

---

¹ Ранее нами был опубликован новый перевод этого памятника на русский язык: Книга Ахмада ибн Фадлана / Пер. с арабск. и примеч. В. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки. М., 2016. С. 18–47.

щие сведения, восходящие к X в. Отдельно нужно упомянуть сочинение ал-Кинди «Книга о мечях и их разновидностях» (890-е гг.), содержащее уникальные сведения о разновидностях важнейшей группы товаров — мечей западно- и восточноевропейского происхождения, известных в Халифате. Все тексты исследуются в арабском (в ряде случаев персидском) оригинале и цитируются в авторских переводах.

Нумизматические источники изучались по публикациям, архивным материалам (рукописный архив ИИМК РАН, архив Государственного Эрмитажа, документальный фонд Отдела нумизматики Эрмитажа) и четырнадцати государственным собраниям (Государственный Эрмитаж, Государственный Исторический музей, Новгородский объединенный музей-заповедник, Псковский музей-заповедник, Исторический музей Татарстана, Национальный исторический музей республики Беларусь, Нумизматический музей Белорусского государственного университета, Полоцкий национальный музей заповедник, Витебский и Могилевский краеведческие музей, Национальный музей Литвы, Исторический музей Эстонии, Королевский минцкабинет Швеции, Центр восточной нумизматики университета в Тюбингене). Ряд архивных материалов и музейных коллекций был впервые опубликован автором¹.

Эмблематические источники, то есть монеты и подвески с тамгами и граффи-

---

¹ Укажем среди них особо: *Кулешов В. С.* Шеховцовский (Усть-Ратский) клад куфических монет: предварительные итоги исследования // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009. С. 214–218; *он же.* Шумиловский клад // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011. С. 191–194, табл. XXXV; *Быков А. А., Добровольский И. Г.* Список монет Шумиловского клада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011. С. 195–230; *Быков А. А.* Безлюдовский клад (по материалам описания монет, выполненного Р. Р. Фасмером) / Подг. текста В. С. Кулешова // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXI.) СПб., 2012. С. 329–343; *он же.* Безлюдовский клад (по материалам описания монет, выполненного Р. Р. Фасмером) / Подг. текста и введение В. С. Кулешова // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. (Археология евразийских степей. Вып. 18.) Казань, 2014. С. 274–288; *Фасмер Р. Р.* Рукописный каталог монет Безлюдовского клада. Факсимиле реконструкции черновика описания монет / Введение В. С. Кулешова // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. (Археология евразийских степей. Вып. 18.) Казань, 2014. С. 167–273; *Добровольский И. Г.* Новые данные о куфических кладах Эстонии X века / Подготовка текста и примечания В. С. Кулешова // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXXVII.) СПб., 2017. С. 411–437; *он же.* Куфические монеты клада Ф. В. Горохова / Подг. текста и предисл. В. С. Кулешова // Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика геральдика средневекового Крыма». (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XCIV.) СПб., 2018. С. 238–245.

ти, собирались по различным (зачастую малодоступным) публикациям и исследовались в музейных собраниях *de visu*; в результате собран корпус сведений о более чем сотне таких памятников, отражающих ранние этапы становления монетной регалии Хазарии, Волжской Булгарии и Руси.

Научная новизна исследования определяется полученными результатами, которые, расширяют, дополняют и уточняют современные представления в области источниковедения экономической истории и денежного обращения восточно-европейского средневековья.

1. Проведен подробный и комплексный анализ отражения нумизматических ситуаций и товарно-денежных систем в древнерусской «Повести временных лет» (начало XII в.) и памятниках арабо-персидской письменной традиции IX–XI вв.

2. На основе новой сводки нумизматических источников методами типологической классификации и сериации создана более детальная хронологическая система (периодизация) денежного обращения IX–XI вв., позволяющая уточнить датировку этапов развития международных связей обществ Восточной Европы¹.

3. Описан историко-нумизматический контекст возникновения прокламативной монетной чеканки в раннегосударственных образованиях Восточной Европы (Хазарии, Волжской Булгарии и Руси времени первых правителей династии Рюриковичей) и проанализированы соответствующие нумизматические памятники и эмблематические (геральдические) традиции, позволяющие, в частности, внести уточнения в генеалогию правителей этих ранних государств.

Теоретическая значимость работы определяется вкладом, расширяющим и углубляющим современные представления об источниковедческом потенциале разных групп письменных памятников IX — начала XII в., методах изучения массовых нумизматических источников и методологии комплексного изучения эмблематических источников.

Практическая значимость диссертации определяется полученными результатами, которые могут быть использованы при подготовке обобщающих моногра-

---

¹ Кулешов В. С. Периодизация монетного обращения середины VIII — начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин // Управленческое консультирование. 2016. № 2. С. 169–179.

фических изданий, учебных пособий, лекционных курсов, постоянных музейных экспозиций и временных выставок. Предварительные результаты нашли отражение при подготовке фундаментального монографического издания «Археологическая панорама», постоянных экспозиций «История денег» (2015 г., Выставочный центр АО «Гознак», Санкт-Петербург) и «Деньги в истории мировой культуры» (2016 г., Государственный Эрмитаж, Санкт-Петербург), временной выставки «Путешествие Ибн Фадлана» (2016 г., центр «Эрмитаж-Казань», Казань)¹. На основе совокупности монет и подвесок с тамгами и граффити готовится база данных изображений, связанных с символикой власти IX–XI вв.

Положения, выносимые на защиту:

1. Основным источником по истории денежного обращения и о представлениях, касающихся структуры хозяйственно-экономических категорий, является «Повесть временных лет» (ПВЛ) начала XII в.

2. Наиболее выразительный контекст ПВЛ, в котором отразилась сумма представлений древнерусских летописцев XI в. о княжеской экономике — список товаров в «прямой речи» Святослава Игоревича под 969 г. — находит аналогии в синхронных литературных памятниках Востока и Запада («Книга царей» Фирдауси и «Песнь о Роланде»).

3. Значительный фактический материал о товарно-денежных отношениях и экономических связях в Восточной Европе содержится в арабских и персидских текстах IX–XI вв.; их высокая ценность и информативность как источника обусловлена тем фактом, что они полностью синхронны описываемым в них реалиям.

4. Важнейшие товарные категории в экономических системах Восточной Европы IX–XI вв. функционировали как платежные средства и денежные единицы. Мы реконструируем гибкую и многоуровневую товарно-денежную систему, состоящую из формальных классов металлических денег (весовое серебро, серебряные монеты, золото), меховых товаро-денег (шкурки драгоценных пушных зверей, главным образом — куницы и белки) и товаро-денег прочих групп (штуки шелка/парчи, франкские мечи, бусы).

---

¹ Кулешов В. С. Эпоха Ибн Фадлана в памятниках нумизматики // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки. М., 2016. С. 512–517.

5. Для обозначения денежных единиц этой системы использовались нумеративные единицы, этимологически связанные с обозначениями металлических украшений (*гривна*), ценных мехов (*куна* и *веверица*) и тканей (*наволока*), а также термины (заимствованные и исконно славянские) для обозначения монетных категорий и концепта 'богатство' (*ногата*, *пенязь*, *щлягъ*, *скоть*).

6. Базовой единицей древнерусских денежно-весовых систем являлась *гривна* (гривна II), предыстория которой связана с культурой древних и ранних славян и с нормами примитивного (архаического) денежного счета Европы эпохи раннего металла.

7. Нумизматические источники (исламские монеты и монетные комплексы Восточной Европы) требуют комплексного подхода, предполагающего рассмотрение их максимально возможной совокупности к контексте истории и хронологии денежного обращения и монетного дела стран исламской цивилизации (Халифата).

8. Наблюдения над совстречаемостью и статистикой монетных типов в восточноевропейских кладах и данные нумизматической истории Халифата, Византии и Европы позволяют сформулировать детальную хронологическую систему (периодизацию) массового монетного обращения IX–XI вв. Эта система состоит из десяти ступеней (обозначены буквенными индексами от А до К), для каждой из которых выделяются доминирующие группы монет и хронологические индикаторы.

9. Выделенные десять ступеней хронологии монетного обращения можно объединить в четыре историко-экономических этапа: первый (вторая половина VIII — конец IX в.), второй (конец IX — середина X в.), третий (середина X — первая четверть XI в.) и четвертый (XI в.). Уточнение хронологии восточноевропейского монетного обращения эпохи раннего средневековья существенно для более глубокого изучения динамики, политогенеза и реконструкции экономических связей народов и государств Восточной Европы IX–XI вв.

10. Совокупность нумизматических источников раннесредневековой Восточной Европы имеет самостоятельное значение для понимания экономической истории и истории монетной чеканки в странах Халифата (Средиземноморье, Ближний Восток, Иран и Средняя Азия).

11. Эмблематика (тамги и граффити-эмблемы) и монеты-подражания являются самостоятельными и чрезвычайно информативными источниками по генеалогии правителей, символике власти и становлению аппарата администрации в ранних государствах Восточной Европы IX–XI вв. Памятники прокламативной монетной чеканки отражают в своей изобразительной программе эмблематику власти и принципы визуальной репрезентации личного и государственного суверенитета.

12. Приемы создания монетных типов, принципы организации легенд и изобразительного ряда этих групп нумизматических памятников изоморфны друг другу и отражают структурно-типологическое сходство политических систем Хазарии, Булгарии и ранней Руси. Во всех случаях наблюдается единая модель возникновения независимой чеканки: производство подражательных монет с эмблемами власти (хазарскими и болгарскими тамгами, тамгами правителей Руси).

13. Привлечение нового сравнительного материала по морфологии, эпиграфике и семантике должностных подвесок в культуре ихшидидского Египта середины X в. позволяет подкрепить гипотезу о функциональной атрибуции древнерусских «геральдических» подвесок X–XI вв. как верительных знаков.

Апробация работы. Основные положения диссертации и лежащие в ее основе источниковедческие исследования опубликованы в 45 научных работах. Они обсуждались на научных конференциях, семинарах и заседаниях в ведущих исследовательских и образовательных центрах России (в Москве, Санкт-Петербурге, Казани) и зарубежья (в Оксфорде, Лидсе, Нью-Йорке, Стокгольме). Это, в частности, конференции «Восточная Европа в древности и средневековье» (ИВИ РАН), «Древняя Русь и германский мир в историко-филологической перспективе» (ИС РАН), «Вспомогательные исторические дисциплины» (РГГУ), а также тематические конференции по нумизматике, истории и культуре Древней Руси, Византии и Востока в Государственном Эрмитаже, круглый стол «Ибн Фадлан и его эпоха» (Казань) и Международный конгресс медиевистов (Лидс, Великобритания).

Структура диссертации определяется целями и задачами исследования: работа состоит из введения, трех глав, заключения и приложения.

ГЛАВА 1. Источниковедение известных ключевых письменных памятников о денежном обращении в Восточной Европе IX — начала XII в.

1.1. Нумизматическая лексика и нумизматические ситуации в «Повести временных лет»

Вопросы истории средств денежного обмена и реконструкции систем денежного обращения в средневековой Руси не теряют актуальности, но при обсуждении этих тем привлекаются главным образом такие письменные памятники, в которых упоминания и исчисления денежных сумм и платежей эксплицированы в тексте и составляют одну из основ содержания (таковы Русская правда, договоры, грамоты)¹. Меньше внимания уделялось повествовательным памятникам, в которых нумизматические ситуации как бы «растворены» в нарративе, затрудняя подходы к реконструкции «денежных систем». Кроме того, в историко-нумизматических публикациях, как правило, не проводится лексико-семантический анализ контекстов, который позволил бы избежать ошибок в понимании ключевых нумизматических терминов. К сожалению, даже среди специалистов распространено ошибочное смешение (неразличение) таких лексических омонимов как злато I ‘золото, металл Au’, злато II ‘золотые предметы, золотые изделия’ и злато III ‘деньги’, куна I ‘шкурка куницы, единица куньего меха’, куна II ‘стоимостный эквивалент куны I в серебре (bullion silver)’ и куны III (pl. tantum) ‘деньги’, скоть I (sg. tantum) ‘деньги; состояние, богатство (wealth)’ (< герм. *skattaz ‘то же’) и скоть II (sg. tantum) ‘домашние животные’ (очевидно, от скоть I, так как собственно славянским обозначением домашних животных было *životь)². Особенно не повезло слову гривна, имевшему

---

¹ См., главным образом: *Бауер Н. П.* Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937. С. 183–244; *он же.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Изд. подг. П. Г. Гайдуков. М., 2014; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; *он же.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

² Последняя ошибка послужила поводом для написания целой книги, незаслуженно обойденной вниманием советских и современных исследователей: *Лучинский М. Ф.* Деньги на Руси IX–XII вв.: против одного ошибочного представления. (Уч. зап. Казанского финансово-экономического института им. В. В. Куйбышева. Вып. XII). Казань, 1958.

на протяжении древнерусской истории четыре диахронически сопряженных, но противопоставленных значения: гривна I ‘жесткое шейное украшение’, гривна II ‘крупная весовая единица (weight unit) денежного металла (bullion)’, гривна III ‘слиток денежного металла весом в гривну II’ и гривна IV ‘счетная единица для мелких денежных единиц’ (последнее значение является связанным, поскольку эта гривна IV выступает только в словосочетаниях); описанные здесь четыре значения составляют эволюционный ряд: I → II → III → IV.

Ниже предлагается описание древнейшего «срезов» древнерусской лексической системы, документирующей денежный обмен (в экономико-антропологическом смысле) и совокупность нумизматических ситуаций раннего этапа (X — начало XII в.) в отражении «Повести временных лет» (1116–1017 гг.) и в трех предшествующих ей повествовательных памятниках — «Начальном своде» (ок. 1093 г.), «своде Никона» (1078–1079 гг.) и «Древнем сказании» (первая половина XI в.), реконструируемых при помощи лингвистических и текстологических средств¹.

При исчислении славянских даней X в. упоминаются в сочетании с единицами обложения (муж, дым, рало) две меховые и одна монетная единица: белая веверица от мужа, черная куна от дыма, щьяг от рала, т. е. соответственно ‘шкурка зимней белки (*Sciurus*)’ (< общеслав. *věverica, др.-рус. диал. векша)², ‘шкурка куницы (*Martes*)’ (< общеслав. *kuna) и ‘серебряная монета’ (< общеслав. *šćьlęgъ — старое заимствование из герм. *skillingaz ‘то же’). При исчислении ежегодной новгородской дани киевскому князю Игорю упоминаются весовые единицы серебра: триста гривен в год от общины (мира дѣля). В тех же единицах (гривнах II) рассчитаны

¹ Мы исходим из системы взглядов, восходящей к работам акад. А. А. Шахматова, в настоящее время плодотворно разрабатываемой А. А. Гиппиусом: *Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 36–63.*

² Об этой белой веверице ~ векше см.: *Кустерев С. Н. Спорные вопросы начальной истории русского денежного обращения // Очерки феодальной России: Сборник статей. Вып. 1. М., 1997. С. 197–220; Кустерев С. Н. Место векши в системе древнерусского денежного счета // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция, Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.: Тез. докл. и сообщ. СПб., 1998. С. 125–126; Добродомов И. Г. Веверица, векша, белка // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция, Москва, 17–21 апреля 2000 г.: Тез. докл. и сообщ. М., 2000. С. 124–125. Пчелов Е. В. «Белая веверица» в «Повести временных лет» // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция, Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.: Тез. докл. и сообщ. СПб., 2001. С. 117.*

единовременная царьградская дань воеводе Олегу — двенадцать гривен на человека (при сорока мужах на одном корабле), окуп варягам (по две гривны от человека), новгородская дань Ярослава Киеву (две тысячи гривен), плата его гридям (тысяча гривен), трофейные дары старостам (по десять гривен), смердам (по гривне) и новгородцам (по десять [гривен] всем).

Пятикратно встречается устойчивое сочетание золото и паволоки ‘золотые изделия и парча’: как персональная (самъ же взя) контрибуция воеводе Олегу от греков, как приношение Олега князю Игорю в Киев (золото и паволоки и овощи и вино и всякое узорочье), как основа царского хозяйства Святослава (золото, паволоки, вино, различные фрукты, серебро, кони, меха, воск, мед, рабы¹) и как взятка греческого цесаря Святославу (искусимъ его любезнив ли есть злату и паволокамъ, послаша къ нему золото и паволоки, положиша предъ нимъ золото и паволоки). Во всех этих контекстах налицо лексема золото II ‘золотые изделия’.

Наконец, в значении ‘деньги’ употреблены две лексемы: куны III (два случая: Пождите, оже вы куны сберуть, за мѣсяць; Святополкъ сѣде в Киевѣ по отци и съзва кыянѣ и нача даяти имѣние имъ, овѣмъ корзна, а другимъ кунами и раздая множество) и золото III (не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ).

Обратим внимание на тот фундаментальный факт, что лексема скоть I ‘деньги’ в тексте «Древнего сказания» отсутствует, а серебро упоминается лишь единожды — в значении серебро II ‘серебряные предметы, серебряные изделия’ (в описании имперской экономики Святослава); в то же самое время денежное серебро (куны III) систематически обозначается указанием сумм, рассчитанных в гривнах II. Кроме того, полное отсутствие в тексте «Древнего сказания» фразеологизованного копулятивного сочетания золото и серебро ‘богатство (wealth)’ (вариант: серебро и золото) позволяет осторожно предположить, что это последнее получило распространение не ранее конца X в. (первая фиксация — текст «свода Никона», прямая речь Владимира Святославича под 6504/996 г.) и может быть добавлено к списку маркеров более поздних слоев древнейшей летописной традиции (см. ниже).

---

¹ См. специально об этом контексте: *Кулешов В. С.* Золото и паволоки, серебро и комони: царская экономика государства Святослава Игоревича в сравнительном освещении // *Средневековая Русь*. Вып. 13. М., 2018. С. 17–22. (См. также ниже по тексту.)

В текстологически более позднем текстовом слое содержится новый материал для описания нумизматических ситуаций и заключены исключительно важные контексты, позволяющие констатировать лексическую инновацию (скоть I ‘деньги’), реконструировать лексико-фразеологическую инновацию (выражение злато и серебро, вариант: серебро и злато) и документировать лексику тернарного контраста ‘богатство’ vs. ‘деньги в форме весового серебра’ vs. ‘деньги в форме ценного меха’.

Перечисление даров византийского императора княгине Ольге (под 6463/955 г.): злато и серебро и паволокы и съсуды разьноличныя (здесь налицо значения ‘золотые изделия’ и ‘серебряные изделия’, точные соответствия в словоупотреблении имеются в текстовом слое «Древнего сказания», см. выше). Ответный (в соответствии с принципом взаимности) дар Ольги, по словам византийских послов, должен был представлять собою челядь и воскъ и скору¹ и вои ‘рабов, воск, драгоценный мех, воинов-наемников’.

Под 6504/996 г. читаем о том, что Владимир Святославич повелѣ всяку нищу и убогу приходити на дворъ княжь и възимати всяку потребу, питье и ядение и от скотницъ кунами, где последнее означает денежные выплаты (кунами III) из княжеских сокровищниц (скотьница < скоть I ‘деньги; сокровище’). Его же прямая речь под этим годом: серебромъ и златомъ налѣсти не имамъ дружинѣ, а дружиною налѣзу злато и серебро, якоже дѣдъ мои и отецъ мои доискашеса злата и серебра дружиною, т.е. ‘не получится у меня добыть себе дружину с помощью богатства, а с помощью дружины богатство я себе добуду, так же как мои дед и отец нашли себе богатство’; настойчивое употребление сочетания злато и серебро (трижды в одном предложении) явственно указывает на его сильную фразеологизацию. Последний факт подтверждается следующим контекстом (рассказ о половецком разгроме Киева под 6576/1068 г.): и дворъ княжь разграбиша, бещисленое множество злата поимаша и серебра и кунами и скорою², т.е. ‘[половцы] разграбили княжеский

¹ *скора* II (sg. tantum) ‘денежный мех’ (из *скора* I ‘единица меха; шкура’); типологически ср. общесев.-герм. *skraha- ‘шкура, мех’ (отсутствует в словаре: *Kroonen G. Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston 2013), откуда общеприб.-фин. *raha ‘деньги’.

² Чтение по Ипат. и Хл.; в Лавр. здесь употреблена лексема бѣль, означающая, очевидно, ‘мех зимней белки’.

двор, взяли несчетное количество богатства в виде денежного серебра и денежного меха', где налицо золото и серебро 'богатство', куны III 'денежное серебро' и скоро II 'денежный мех'.

Лексема *скоть* I 'деньги' дважды встречается в следующем контексте (под 6526/1018 г.): *начаша скоть събирати от мужа по 4 куны, а от старость по 10 гривен, а от боярь по 18 гривен, и приведоша варягы и вдаша имъ скоть*; здесь же упомянуты денежные единицы *куна* II и *гривна* II (о них см. выше); последняя также налицо в контекстах: *и бѣ гладъ великъ, по полугривнѣ голова конячья* (под 6479/971 г.) и *раздаваше 300 гривенъ убогымъ* (под 6504/996 г.).

Исключительно важна запись под 6583/1075 (вставка составителя Начального свода), где дается точное толкование значения слова *богатство*: *Святославъ же величаяся показа имъ богатство свое, они же видѣвше бесчисленное множество злато и серебро и паволокы, т.е. под 'богатством' киевский летописец конца XI в. понимал обладание большим количеством золотых и серебряных предметов и парчи. Под 6559/1051 г. читаем в тексте сказания о создании Печерского монастыря (вставка составителя ПВЛ): Антонии бо не имѣ злата ни серебра, т.е. 'не имел богатства' ('был беден')*.

К тексту ПВЛ (по Лаврентьевской летописи) относятся и следующие два контекста: *Олегу приде из Володимеря <...> и вдахъ отцю 300 грив(енъ) злата, т.е. 'денежную сумму в 300 гривен II' («Поучение» Владимира Мономаха; использована древнерусская полногласная форма ст.-слав. *злато* III 'деньги; денежная сумма')*. Такое же соединение терминов *злато* III 'деньги; денежная сумма' и *гривна* II читаем под 6605/1097 г. (в рассказе о распре 1097 г.): *Ляхове же обѣщашася ему помагати, и взяша у него злата 50 грив(енъ), т.е. помощь поляков была оплачена (князем Святополком Изяславичем) денежной суммой (злато III) в 50 гривен II*.

Наконец, в завершение предпринятого выше и по необходимости сжатого рассмотрения нумизматических ситуаций в текстах древнейшего летописания, следует процитировать следующий «русско-половецкий» контекст начала XII в. (под 6611/1103 г.): *приведоша Белдюзя, к Святополку, и нача Белдюзь даяти на собѣ злато, и серебро, и конѣ и скоть, т.е. речь идет о попытке откупиться с помощью золотых*

и серебряных изделий, коней и домашних животных — всего того, что составляло основу богатства половецкой знати.

Итак, совокупность контекстов ПВЛ позволяет реконструировать фрагменты истории восточноевропейских денежных систем в статике (в виде нескольких последовательных хронологических срезов) и динамике, продемонстрировать их лексическую и лексико-фразеологическую реализацию и преодолеть проблемы, связанные со смысловым разграничением многочисленных омонимов, до сих пор представлявших немалые трудности для интерпретации. Древнерусскому языку древнейшей поры были прекрасно известны концепты ‘деньги’ и ‘богатство’, а денежный и товарный обмен в диалоге обществ X — начала XII в. основывался на гибком и многоуровневом сосуществовании единиц разных функциональных типов, из которых в тексте ПВЛ наиболее полно отразились денежное серебро и денежный мех, а также (товарная и денежная) парча, рабы, воск, кони и овцы (скоть II).

«Прямая речь» князя Святослава Игоревича, зафиксированная в ПВЛ под 969 г., требует отдельного лингвокультурологического анализа как источник по экономическим представлениям древнерусской элиты. В ней с редкой полнотой и отчетливостью и притом «из первых уст» эксплицированы структура княжеского хозяйства и география внешних экономических связей государства Святослава Игоревича.

Оправдываясь перед своей умирающей матерью Ольгой и перед киевскими боярами¹, незадолго до этого (по хронологии ПВЛ, в 968 году) пересидевшими в городе печенежскую блокаду, Святослав говорит: «Не любо ми есть жити въ Киевѣ, нь хоцю жити въ Переяславци и в Дунаи, яко то есть среда земли моеи, яко ту вся благая сходятся: от грекъ паволокы, злато и вино, овощейѣ различнии; а иЩехъ и из угровъ сребро и конѣ, а изъ русѣ же скоро и воскъ и мед и челядь»².

Этот отрывок привлекает внимание во многих отношениях. Опираясь на тот

---

¹ «И ре(че) С(вя)тославъ къ м(а)т(е)ри своєї . и къ боларомъ своимъ».

² Наш перевод на современный русский язык: «Не нравится мне жить в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае, потому что именно он является центром моей земли и потому что именно в него стекается все добро: из Византии — золото, парча, вино и различные фрукты, из Центральной Европы — серебро и кони, из Восточной Европы — меха, воск, мед и рабы».

факт, что перед нами фрагмент прямой речи, передававшийся изустно в течение лишь нескольких десятилетий и зафиксированный, по-видимому, без каких-либо содержательных искажений, отметим ряд противопоставлений, явным образом значимых для самого Святослава. Прежде всего, это контраст «Переяславец vs. Киев», объясняемый самим правителем в терминах центра (ст.-слав. среда, др.-рус. середя) vs. периферии. Периферийный статус Киева в рамках (или за рамками) нового государства Святослава подчеркивается тем, что он более удален от Центральной Европы и Византии и проигрывает Подунавью в интенсивности и характере экономических контактов с этими последними.

Напротив, положение Переяславца, каким его хочет видеть Святослав, моделируется в центре широкой трехвекторной системы его новых интересов: Византия (Юго-Восточная Европа) — Чехия и Венгрия (Центральная Европа) — Русь (Восточная Европа), причем последняя выступает здесь как хоть и равноправная по отношению к Византии, Чехии и Венгрии, но как географически, политически, экономически и эмоционально внешняя по отношению к государству Святослава в Добрудже. Выражаемая им нелюбовь к Киеву¹ (и больше того: разрыв с Киевом, маркирующий его, Святослава, нежелание оставаться на восточноевропейской периферии общеевропейской экономики и политики) подчеркивает эту трактовку.

Наконец, список благ (употреблено старославянское слово, соответствующее др.-рус. и рус. добро, узко-экономическое значение которого неизменно уже больше тысячелетия), «сходящихся» в Переяславце, позволяет говорить о складывающейся системе комплексной царской/имперской экономики и реконструировать несколько функциональных сфер/уровней государственного хозяйства. Этими сферами/уровнями оказываются

(1) накопление денежных металлов (золота и серебра) и драгоценной парчи (для этого времени, как известно из арабских и персидских источников, исключительно византийской),

(2) торговля наиболее ценными и/или востребованными живыми и сырьевы-

---

¹ Об этом же ранее писал А. С. Демин: *Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.)*. М., 2009. С. 248. См. также: *Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X века*. М., 2000.

ми товарами общеевропейского спроса (рабы, меха, воск и мед), поступающими с податных территорий Восточной Европы,

(3) обеспечение собственного дружинного хозяйства (известное из других контекстов летописи внутриэлитное перераспределение золота, серебра и парчи), включающего проведение дружинных пиров (с вином, медом/медовухой и фруктами) и формирование конницы, дополнившей ладейный флот¹.

Подобная организация государственного хозяйства — в структурном и функциональном планах — и описывающий ее текстовый отрезок требуют внимания в свете точных аналогий, зафиксированных синхронными письменными памятниками Востока и Запада в качестве норм царской/имперской экономики раннего средневековья. Ниже мы хотели бы провести ряд сопоставлений «списка Святослава» с материалом двух широко известных литературных произведений — «Книги царей» (*Šāh.nāma*) Абу-л-Касима Фирдауси и старофранцузского песенного эпоса о Роланде (*La chanson de Roland*). Привлечение именно этих двух памятников объясняется их объемом, изученностью, полнотой документации в них реалий царской (и, шире, высокостатусной) экономики (в том числе объектов дипломатии даров) в условиях имперской государственности двух разных типов — позднеантичной (сасанидской) и раннефеодальной (каролингской). В особенности примечательно то обстоятельство, что упоминания драгоценностей функционируют в этих памятниках как устойчивые повторяющиеся формулы — то есть в точности так, как это имеет место и в древнерусской летописной традиции. Последнее открывает путь для прямого отождествления фрагментов культуры (в нашем случае — описаний царских сокровищниц) через призму текстологии и поэтики.

Завершенная в первой трети XI в. «Книга царей» Фирдауси — всемирно известный литературный памятник, вобравший в себя огромное количество мифологических, героико-эпических и исторических преданий древнего и раннесредневекового Ирана и признанный своего рода «энциклопедией» доисламской иранской

---

¹ Об эффективности последнего ср. соответствующие замечания в сообщениях Ибн Мискавайха о взятии русами в 943 г. города Барда'а в Восточном Закавказье и Льва Дьякона о взятии русами в 969 г. города Доростола в Болгарии.

цивилизации и культуры¹. Упомянув золото, серебра, парчи, жемчуга, драгоценных камней, рабов и коней столь многочисленны, что простое перечисление соответствующих контекстов заняло бы многие десятки страниц. Достаточно сказать лишь, что слова *zarr* ‘золото’ и *zarrīn* ‘золотой’ упоминаются в тексте 583 раза, *sīm* ‘серебро’ и *sīmīn* ‘серебряный’ — 166 раз, *dēbāh* ‘парча’ — 218 раз². Наиболее типичные ситуации, в которых употребляются формулы с перечислением сокровищ, относятся к описаниям официальных выездов царей и героев, царских даров, трофеев и караванов, характеристике сокровищниц.

Самыми распространенными устойчивыми формулами являются следующие: *zarr ū gawhar / zarr ū guhar* ‘золото и драгоценные камни’ (и, в частности: *kalīd ī dar ī ganj ī zarr ū guhar* ‘ключ от сокровищницы, [полной] золота и драгоценных камней’), *zarr ū pīrūza(h)* ‘золото и бирюза’, *zarr ū sīm* ‘золото и серебро’, *dēnār ū dēbāh* ‘чеканное золото и парча’ (с эпитетами: *dēbāh ī čīnī* ‘китайская парча’ и *dēbāh ī rūmī* ‘византийская парча’) а также с меной позиций *dēbāh ū dēnār* ‘парча и золото’ *dēbāh ū gawhar* ‘парча и драгоценные камни’, *zarr ū daram* ‘золото и серебряные монеты’ (*ba dēbāh ū dēnār ū zarr ū daram* ‘с парчой, золотыми монетами, золотом и серебряными монетами’), *daram* ‘серебряные монеты’ (для обозначения оплаты войску; устойчивая ритмическая формула: *sərah rā daram dād* ‘он дал войску серебряные монеты’, 11 случаев), *zar ū sīm ū aspān* ‘золото, серебро и кони’ (наиболее обычный эпитет для обозначения самых лучших коней — *aspān ī tāzī* ‘арабские скакуны’), *gūlāmān ū aspān* ‘рабы и кони’.

Структура устойчивых формул определяется фонологическим составом слов, накладывающим ограничения на их сочетаемость в условиях жестко соблюдаемого одиннадцатисложного стихотворного размера (поэтому, например, нет формулы **dēnār ū daram* ‘золотые и серебряные монеты’, поскольку три тяжелых или два легких слога подряд метрически запрещены), семантических же ограничений нет. Инвентарь драгоценных категорий в основе тот же, что и в «списке Святослава», но

¹ Имеется русский перевод: Фирдоуси. Шахнаме / Перевод с персидского Ц. Бану-Лахути. Т. I–VII. (Литературные памятники.) М.: Наука, 1957–1989.

² Подсчеты выполнены по удобному критическому изданию: Абулкосим Фирдавси. Шохнома / Тахияи матн ва луғату тавзеҳот аз Камол Айни ва Зоҳир Ахрорӣ. Ҷ. I–X. (Ахтарони адаб. Ҷ. 3–12.) Душанбе: Адиб, 2007–2010.

шире: помимо золота, серебра, парчи (др.-рус. паволоки), коней и рабов (гуламов) это драгоценные камни (по другим источникам известно, что это главным образом рубины и сапфиры), жемчуг и бирюза; для драгоценных металлов в культуре сасанидского и постсасанидского Ирана было существенно противопоставление формы: в вещах (*zarr/zar* и *sīm*) vs. в монетах (*dēnār* и *dāram*). Последнее противопоставление несущественно для древнерусской культуры, поскольку в общеславянском языке не было соответствующих категорий (в ранних славянских переводных текстах для обозначения золотых, серебряных и медных монет были введены технические термины златница, сребреница и медница), что выразительно засвидетельствовано аутодескриптивными легендами золотых и серебряных монет Владимира Святославича: се его злато и се его сребро¹.

Таким образом, наиболее важная часть «списка Святослава» оказывается лексически и формульно тождественной «списку Фирдауси» — реконструируемому по тексту «Книги царей» перечню компонентов царского хозяйства сасанидской эпохи. (Последняя, как известно, в раннем средневековье играла центральную и системообразующую роль в мире народов и государств Евразии между Византией, Индией и Китаем и служила образцом и моделью организации для окружающих обществ, оседлых и кочевых.) Это позволяет говорить об универсальном значении иранской «имперской модели» царской экономики, без изменений продолжившейся в культуре Халифата, и о ее опосредованном влиянии на формирование царское хозяйство Святослава.

Более определенно можно говорить о влиянии «восточного фактора» на формирование имперских моделей королевского хозяйства в Западной Европе VIII–IX вв., опосредованное контактами с исламскими государствами Средиземноморья. Как памятник этой и следующей за ней эпохи рассматривают позднекаролингский эпос о Роланде². В его тексте формулы *or e argent* ‘золото и серебро’ (*d’or e d’argent*

¹ См. обобщающие исследования И. Г. Спасского и М. П. Сотниковой: *Спасский И. Г.* Золото Владимира Святославича // Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л., 1982. С. 5–47. *Сотникова М. П., Спасский И. Г.* Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983.

² Песнь о Роланде: Старофранцузский героический эпос / Издание подготовили И. Н. Голенищев-Кутузов, Ю. В. Корнеев, А. А. Смирнов, Г. А. Стратановский. М.; Л., 1964. (Литературные памятники.)

quatre cens muls cargiez ‘четыреста мулов, груженных золотом и серебром’, *jo vis durrai or e argent assez | terres et fiefs autant que vous en voudrez* ‘я дарю золото и серебро, земли и уделы — столько, сколько пожелаешь’, *li frein sunt d’or, les seles d’argent mises* ‘поводья из золота, седла из серебра’, *d’or e d’argent* ‘из золота и серебра’ и т. д. — всего две дюжины контекстов) выступают в тех же ситуациях и в том же качестве, что и в «Книге царей» Фирдауси. Что касается коней (*chevals*), то несмотря на то что его формульный ряд несколько изолирован по сравнению с персидским материалом, общее количество упоминаний не оставляет сомнений в том, что обладание ими воспринималось певцами и слушателями этого эпоса как ключевой компонент королевского и аристократического статуса.

Итак, сжатое рассмотрение компонентов «списка Святослава» в перспективе синхронных норм имперской/царской/королевской экономики Востока и Запада не оставляет сомнений в том, что именно эта модель и легла в основу царской экономики государства Святослава и (по крайней мере, отчасти) руководила его стремлением закрепить в Подунавье. Уже в хотя бы этом смысле можно говорить о попытке «имперского поворота» в его политике (помимо того, что этот поворот самым наглядным образом реализовался в амбициозных военных кампаниях против Хазарии и Византии, имевших колоссальные последствия для последующей русской истории и культуры).

Сказанное выше позволяет согласиться с давней и в настоящее время существенно подкрепленной точкой зрения, согласно которой «эпико-героический образ Святослава, сохраненный в византийской и древнерусской исторических традициях, объясняется фольклорным происхождением сказаний о нем, лежащих в основе этих традиций. Исходя из повествования ПВЛ, можно предполагать существование на Руси целого цикла сказаний о Святославе, а судя по оформлению, вероятно, и дружинных лиро-эпических песен»¹. Точные аналогии произнесенному

Мы также пользуемся критическим изданием Вл. Драшковича: *Drašković VI. La chanson de Roland: Text critique, traduction serbo-croate, commentaire et glossaire intégral*. Beograd, 1987.

¹ Козлов С. А. «Святославиада», или Что общего у князя Святослава Игоревича с «героями песнопевца Гомера»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2016. № 1 (19). С. 92. См. также: Козлов С. А. «Росские» экскурсы Льва Диакона и традиции воинских сообществ в славянском мире // *Византийский временник*. М., 2015. Т. 74 (99). С. 102–126.

правителем или же вложенному традицией в его уста «списку товаров и сокровищ» в синхронных эпических памятниках находят очевидное фольклорное объяснение, не противоречащее, однако, историко-экономическим и историко-культурным реалиям X–XI вв., известным по совокупности письменных и материальных источников.

1.2. Источниковедение ранней истории древнерусской платежной гривны

Как известно, др.-рус. гривна соответствует двум омонимичным лексемам (или двум пучкам лексем): (1) ‘шейное украшение’ и (2) ‘весовая и денежная единица’. В словаре И. И. Срезневского соответствующие вокабулы снабжены обобщенными толкованиями (1) ‘ожерелье, torques; кольцо, обруч’ и (2) ‘вес; денежная единица, drachma’¹, в современном академическом словаре древнерусского языка — (1) ‘металлическое украшение (или знак отличия), которое носили на шее’ и (2) ‘весовая и денежная единица’². Для обеспечения точности, которая потребуется в дальнейшем, эти лексемы и группы значений будут всюду обозначаться как *шейная гривна* (*гривна₁*) и *весовая/платежная гривна* (*гривна₂*).

Среди исследователей никогда не было разногласий в том, что весовое/платежное значение гривны₂ вторично по отношению к значению гривны₁ как шейного украшения, однако дальше констатации этого факта не шли, предпочитая не ставить вопроса, когда и каким образом у слова гривна ‘гривна₁’ появилось абстрактное значение ‘гривна₂’. Единственное, что предлагалось для объяснения развития ‘шейное украшение’ > ‘весовая единица’ > ‘платежная единица’ и с чем можно согласиться, — это гипотеза об обращении металлических шейных колец стандартного веса в качестве примитивного платежного средства. Ср. у В. В. Святловского: «Гривна — общеславянская мера, которую знают от муромских лесов до Карпат и от Москвы до Праги. <...> Первоначально гривна была также в реестре тех предметов первобытного уклада, которые служили деньгами. Как в

¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 1 (А–К). СПб., 1893. Стлб. 588–590.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов. Вып. 4. М., 1977. С. 135.

современной Африке золотые обручи определенной величины служат и деньгами и украшением, так и в домонгольской Руси гривна являлась и украшением и деньгами»¹ и — в наиболее четком и концентрированном виде — у Н. П. Бауера: «Гривна — древнерусская денежная, весовая и счетная единица, название которой происходит от слова *griva* и которая первоначально означала ‘шейную гривну’ (*torques*). В связи с этим правдоподобно считать шейные гривны примитивной формой металлических денег России»².

О том же на заре отечественной историко-нумизматической науки писал Станислав де Шодуар: «В России денежное дело шло и развивалось подобным сему порядком: сперва был меновой торг вещами, потом металлами на вес, а наконец введена битая монета»³. Классик этнографии средневековых славян Любор Нидерле отмечает, что «весовой денежной единицей славян была *гривна* серебра, первоначально шейный обруч определенного веса»⁴. Наконец, Ю. П. Воронов говорит в своей замечательной популярной книге: «Предшественника одной из основных денежных единиц Древней Руси — гривны — большинство исследователей усматривает в нашейном украшении»⁵.

Это объяснение, хотя и не находит подкрепления в средневековом археологическом материале и в письменных источниках, выглядит, благодаря аналогиям в некоторых традициях примитивного денежного обращения⁶, вполне

¹ *Святловский В. В.* Примитивно-торговое государство как форма быта. (Зап. ист.-филол. фак-та Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. CXVIII.) СПб., 1914. С. 94; *он же.* Происхождение денег и денежных знаков. М.; Пг., 1923. С. 92.

² «Grivna ist eine altrussische Geld-, Gewichts- und Recheneinheit, deren Name vom Worte griva (Mähne) abgeleitet wird und deren Bedeutung zuallererst „Halsband“ (*torques*) war. Es liegt daher für Rußland recht nahe, Halsbänder für die ursprüngliche Form von Metallgeld zu halten» (*Bauer N.* Grivna // Wörterbuch der Münzkunde / Herausg. von F. Schrötter. Berlin; Leipzig, 1930. S. 237).

³ *Шодуар С., де.* Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен / Пер. с франц. Ч. I. СПб., 1837. С. 2.

⁴ *Нидерле Л.* Славянские древности / Пер. с чеш. Ред. А. Л. Монгайта. М., 1956. С. 364.

⁵ *Воронов Ю. П.* Страницы истории денег. Новосибирск, 1986. С. 59.

⁶ Наиболее известны маниллы — примитивные платежные средства в форме массивных литых бронзовых незамкнутых колец с сильно расширяющимися концами, массово изготавливавшиеся в Британии и Португалии для населения африканских колоний. Изображения манилл см.: *Илтон К., Уильямс Д.* Деньги. История цивилизаций / Пер. с англ. М., 2011. С. 198. Рис. 288-б. Довольно полный обзор традиций примитивного денежного обращения в культурах мира: *Einzig P.* Primitive Money in its Ethnological, Historical and Economic Aspects. Second Edition (Revised and Enlarged). Oxford, 1966.

убедительно. Вместе с тем, оно вряд ли может быть признано успешным без ответов на вопросы: «Когда?», «Где?» и «При каких обстоятельствах?» имело место обращение шейных колец (*шейных гривен* в наиболее специализированном значении) и превращение их названия в название весовой категории. Оказывается, однако, что вопросы датировки, локализации и описания условий обращения шейных гривен₁ как примитивных денег, не говоря уже об анализе их метрологической динамики¹, в историко-нумизматической и археологической литературе XIX–XX вв. почти не рассматривались. Из подводящих итоги предшествующей историографии, но местами путанных и противоречивых объяснений В. В. Святловского следует, что решение этих вопросов мыслилось одновременно в панхронии² и в контексте самой древнерусской культуры и ее внешних источников³.

В отечественной литературе XX в. наиболее интересные рассуждения о предыстории весовой гривны₂ принадлежат В. Л. Янину. Он пишет: «Для решения вопроса о происхождении древнейшей русской гривны важно то, что обозначающий ее термин широко распространен не только у восточных, но и у западных славян. Единство терминологии, несомненно, опирается на древнее единство самой весовой единицы. <...> Родство древнейшей русской гривны с гривнами западных славян убеждает в том, что ее возникновение относится ко времени, более отдаленному, чем начало IX в. В IX в. подобное родство уже не могло возникнуть. <...> Возникновение этой весовой единицы, находящей ближайшие аналогии в единицах некоторых западнославянских народов, а терминологические аналогии — у большинства западных и южных славян, можно относить только ко времени общеславянского взаимодействия с римским миром, т. е. к первым векам новой эры. В эту эпоху на всей территории расселения славян бытовала однообразная по своему типу и весу римская серебряная монета, употребление которой должно было породить

---

¹ Ср. у Н. П. Бауера: «Metrologisch ist <...> dieser Tatbestand noch nicht durchgearbeitet worden» (*Bauer N. Grívna*. S. 237).

² «В Древней Руси употребление гривны [как менового товара] восходит к глубокой доисторической древности» (*Святловский В. В. Примитивно-торговое государство... С. 96; он же. Происхождение денег... С. 93*).

³ «Нет сомнения, что гривна пришла к славяно-руссам с Востока и, вернее всего, из Персии» (*Святловский В. В. Примитивно-торговое государство... С. 96; Святловский В. В. Происхождение денег... С. 93*).

однообразные нормы ее приема. В установлении метрологической связи норм приема римского денария в Восточной Европе с позднейшими нормами принятия дирхема лежит единственная, на наш взгляд, возможность установить древность весовой гривны, бытовавшей у восточных славян в IX — первой половине X в.»¹.

Предположение В. Л. Янина об эпохеримских влияниях как о времени зарождения общеславянской гривны₂, насколько мы знаем, никем не было поддержано. Сама по себе попытка удревнить общеславянскую гривну₂ была важной и прогрессивной, но своей предпосылкой она имела неверное определение этнической принадлежности черняховской культуры (именно в ее ареале в III–IV вв. имело место обращение римского денария) как ранних славян. Эту предпосылку В. Л. Янин не формулирует явным образом, но ее ключевой характер от этого не меняется. Уже в середине 1950-х гг. ошибочность и тупиковость славянской трактовки черняхова — единственно допустимой в сталинские годы — была открыто признана М. И. Артамоновым и М. А. Тихановой в Ленинграде², а позднее и В. В. Кротошкиным в Москве. Таким образом, гипотеза В. Л. Янина лишилась своего единственного основания.

По В. Л. Янину, «очень важным представляется то, что термин „гривна“ применялся не только к денежно-весовой единице, но и к известному виду шейного украшения. При производстве украшений устойчивых форм расход металла постоянен. Поэтому производство украшений должно было иметь дело с традиционными и вполне определенными количествами металла, потребными для изготовления браслета, фибулы или шейной гривны. Единство терминологии в данном случае может указывать на действительное соответствие шейной гривны принятой весовой единице. <...> Окончательное решение этого интереснейшего вопроса может быть достигнуто после систематического изучения весовых данных ранних славянских серебряных украшений. <...> Изучение веса раннеславянских

¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 194–195; Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 218–220.

² См. последние обобщающие исследования черняховской культуры в традициях Ленинградской/Петербургской археологической школы: Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005; Щукин М. Б., Мачинский Д. А., Воронятов С. В. «Готский путь», плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. СПб., 2011. С. 246–291.

серебряных украшений должно стоять поэтому в числе ближайших основных задач советской исторической метрологии»¹.

По прошествии более чем полувека пожелание В. Л. Янина, несмотря на попытки В. Н. Рябцевича² и некоторых других белорусских исследователей³ восполнить этот пробел, остается в силе.

А. В. Назаренко, предложивший до сих пор самые убедительные объяснения фактов древнерусской метрологии, ограничился следующим замечанием: «Архаичность гривны как платежного средства видна из того, что это слово в значении денежной единицы (наряду с этимологически первичным значением ‘обруч, ожерелье’) известно всем славянским языкам за исключением болгарского»⁴.

Таким образом, вопрос об истоках древнерусской весовой гривны₂ до сих пор не решен. Почему? По-видимому, это отчасти связано с широко распространенной верой в то, что весовые единицы суть в первую очередь *весовые значения* и что их история должна изучаться именно как история весовых значений. Только так можно объяснить тот факт, что в наиболее известных и детальных работах по древнерусской метрологии и истории денежного обращения, принадлежащих И. Д. Беляеву, П. С. Казанскому, М. П. Погдину, Д. И. Прозоровскому, П. М. Мрочеку-Дроздовскому, А. И. Черепнину, И. И. Кауфману, В. В. Святловскому, В. Л. Янину, А. В. Назаренко⁵

¹ Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. С. 201–202; Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 227–228.

² Рябцевич В. Н. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. М., 1965.

³ См., например о Козерожских кладах серебряных шейных гривен домонгольского времени: См., например о Козерожских кладах серебряных шейных гривен домонгольского времени: Литвинов В. А., Макушиников О. А., Дробушевский А. И. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии // Советская археология. 1987. № 1. С. 263–266.

⁴ Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 117.

⁵ Беляев И. Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. СПб., 1846. С. 5–28; Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе в XI, XII и XIII веке // ЗРАО. [Т.] III. СПб., 1851. С. 90–156; Погдин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории. Т. VII. М., 1856. С. 322–364; Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII века. СПб., 1865; Мрочек-Дроздовский П. Исследования о Русской Правде. Вып. 1. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды. М., 1881; Черепнин А. И. О гривенной системе по древнимкладам // ТМНО. Т. II. М., 1901. С. 98–215; Кауфман И. И. Русский вес, его раз-

и другим авторам, проблема происхождения ключевых элементов древнерусских денежно-весовых систем — различных типов гривен₂ — трактована, в первую очередь, как проблема происхождения их весовых норм. Поскольку, если следовать логике этих авторов, различные весовые гривны₂ и их фракции оказываются кратны, близки или тождественны нормам многих весовых единиц Старого Света раннего средневековья, античности и даже древности, правдоподобно считать разновидности древнерусских весовых гривен₂ и их фракций заимствованными. Источники древнерусской весовой гривны₂ усматривали в Северной Европе эпохи викингов и в Западной Европе эпохи Каролингов, в Римской империи и Византии, в странах Халифата и даже в Древнем Египте и библейской Месопотамии. У разных авторов предлагаемые сопоставления далеко не совпадают, но переполненная цифрами аргументация у всех примерно в равной степени неотразима. Впрочем, как с удивлением отмечает советский историк-экономист Ф. И. Михалевский, «ни сторонники восточного происхождения нашей древней гривны, ни сторонники ее византийского происхождения не дают вразумительного ответа на вопрос, почему древнерусский вес должен был обязательно быть позаимствован извне и почему он не мог быть продуктом собственной древнерусской экономики и культуры?»¹.

Мы глубоко убеждены в том, что изучение весовых норм и их динамики — ключевая задача исторической метрологии. Мы убеждены также, что в истории нередко имеют место и случаи *полного* заимствования весовых единиц (не только весовых норм, но весовых норм в паре с *названиями* единиц), и случаи «рождения»

витие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. СПб., 1906; Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910; Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956. Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 113–218.

¹ Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. I. Деньги в феодальном хозяйстве. Л., 1948. С. 230. Ключевым (очень удачным и совершенно немарксистским) мне представляется здесь выражение «экономика и культура»: ведь и в самом деле денежно-весовые системы имеют по меньшей мере два плана содержания — план культурных валентностей и аспектов (локально-специфический, почти никогда не принимаемый в расчет экономистами) и план естественных закономерностей и экономических технологий (общезначимый и поэтому часто абсолютизируемый). При анализе историко-экономических и нумизматических ситуаций следует учитывать оба плана, а не стремиться ограничиться только каким-нибудь одним из них.

совершенно новых единиц (примеры подобрать несложно). Тем не менее, *полное* заимствование некоторой весовой единицы или фрагмента метрологической системы из одной культуры в другую нельзя строго доказать или обосновать в рамках «арифметического подхода». Весовая единица есть *знак*, и для оперирования им как целым (а речь идет именно об этом) нельзя отрывать его значение от его имени, правил сочетаемости с другими элементами весовой системы (далеко не во всех случаях арифметически простых) и способов его функционирования в культуре. В большинстве случаев речь должна идти не о заимствованиях, а лишь о *событиях* метрологической или функциональной динамики уже существующих единиц. Сколь угодно резкие изменения весовой нормы некоторой единицы под воздействием внешних и внутренних факторов не дают оснований говорить о заимствовании или появлении новой единицы, если одновременно с этим не меняются ее название, функции в системе и прагматическая оценка.

Тот непреложный факт, что др.-рус. гривна в обоих своих значениях — не заимствованное (как многие ошибочно полагали в XIX в.), а исконное слово, относящееся к общеславянскому лексическому фонду, «с порога» исключает вывод о *полностью заимствованном* характере древнерусской весовой гривны₂ как невозможный (разумеется, в описанном выше смысле).

Сказанное позволяет заменить расплывчатую проблему «происхождения» древнерусской гривны₂ четырьмя более четкими проблемами: (1) проблемой этимологии слова гривна, (2) проблемой истории и метрологической динамики шейных гривен₁, (3) проблемой метрологической динамики весовых гривен₂ и (4) проблемой функций платежных гривен₂ в древнерусских денежных системах. Третья и четвертая проблемы, несмотря на известную недосказанность и естественную рассогласованность показаний письменных и археологических источников, имеют давнюю исследовательскую традицию и хорошо разработаны в специальной литературе (до сих пор сохраняют большое научное значение источниковедческие работы А. В. Орешникова, А. А. Ильина и Н. П. Бауера¹). В то же время первые две

---

¹ Орешников А. Опись серебряным монетным слиткам из собрания Императорского Российского исторического музея // Труды Московского нумизматического общества. Т. II. М., 1901. С. 216–222; Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков // РАИМК. Труды нумизматической комис-

освещены явно недостаточно, а те лингвистические факты и объяснения, которые уже накоплены, не введены в контекст историко-нумизматической науки. Поскольку было бы совершенно недостаточно ограничиться только этимологическими вопросами, рассмотрение этих фактов, по возможности, не отрывается от описания связанных с ними реалий.

Итак, ниже мы хотели бы обратить внимание, во-первых, на специфические функции и семиотический статус шейной гривны₁ в русской культуре X–XI вв., несовместимые с гипотезой о гривнах₁ как о пред- или раннедревнерусских товаро-деньгах, и, во-вторых, на те языковые данные, которые заставляют совершенно по-особому взглянуть на историю слова *grǫ̀inǎ¹ в общеславянской и балто-славянской перспективе. Итак, конечная тема настоящей статьи — датировка, локализация и историко-культурные обстоятельства употребления шейных гривен₁ в качестве примитивного платежного средства, приведшие к «расщеплению» некогда единой лексемы *grǫ̀inǎ на семантически архаичную ‘шейную гривну₁’ как элемент драгоценного убора и семантически инновационную ‘весовую и платежную гривну₂’ как основу товарно-денежной системы. Защищаемая здесь точка зрения, которая, как мы надеемся, не должна показаться чересчур неожиданной, состоит в том, что это расщепление произошло *достаточно рано* – не только вне связи со сложением в конце I тыс. н. э. древнерусской культуры, но и вне связи с событиями предшествующего тысячелетия. Это — «спасенный» праславянским языком след примитивного товарно-денежного счета народов Европы эпохи бронзы и раннего железного века (в целом II–I тыс. до н. э.), усвоенного в лесной зоне Восточной Европы около середины — третьей четверти I тыс. до н. э. под влиянием центральноевропейских культур гальштатского круга.

Рассмотрим три письменных свидетельства о древнерусских шейных гривнах

сии. [Вып.] I. Петербург [sic!], 1921; *Bauer N.* Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. Eine archäologische Studie. Teil I–II // Numismatische Zeitschrift. Bd. 62, 64. Wien, 1929, 1931.

¹ Такова наиболее точная запись общеславянской формы *grǫ̀vьna. Обозначения типов слоговых интонаций следуют нотации В. А. Дыбо: Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. [Вып.] 1. М., 1993. С. 16 (см. также: Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981). У слова *grǫ̀inǎ на первом слоге — доминантный циркумфлекс (серб. *гривна*), на втором — доминантная краткостная интонация, на третьем — доминантный акут.

X–XI вв. Самое раннее из них — описание драгоценного убора *рӯсских женщин* первой четверти X в. в «Книге» Ахмада ибн Фадлāна (этот контекст будет рассмотрен особо). Второе — устное предание об убийстве князей Бориса и Глеба (сыновей Владимира Святославича) летом и осенью 1015 г., отраженное, в частности, в соответствующей погодной статье Повести временных лет (ПВЛ) и положившее начало многочисленным древнерусским литературным произведениям (Сказанию, Чтению, статьям Прόлога и др.) о Борисе и Глебе¹. Третье — текст предисловия к киевскому Начальному своду 1095 г. в составе Новгородской Первой летописи младшего извода (НПЛМ)². В книгах Б. Д. Грекова «Киевская Русь» и Г. Ф. Корзухиной «Русские клады» имеется указание³ еще на один источник — «Веселые висы»⁴ Харальда Сигурдарсона (1015–1066, король Норвегии Харальд Суровый в 1046–1066), как будто бы содержащее выражение «русская девушка в золотой гривне», обращенное к Элицабет/Эллисив⁵, дочери князя Ярослава Владимировича. К сожалению, в последнем случае «золотая гривна» появилась в результате ошибочного перевода оригинального текста (см. об этом в конце раздела).

В текстах, восходящих к преданию о Борисе и Глебе, употреблено слово гривна. В предисловии к НПЛМ значение ‘шейная гривна’ прочитывается в употреблении слова *вбручь*, убедительно поддержанном данными Ибн Фадлāна о гривнах-*атвāк* рӯсских женщин (см. соответствующий раздел). Эта ситуация не только не удивительна, но и в высшей степени естественна: в любом раннем

---

¹ Не так давно по архивным материалам опубликована фундаментальная монография С. А. Бугославского (1888–1945), посвященная вопросам источниковедения этой традиции: *Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. II. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007.*

² Мы глубоко благодарны Д. А. Мачинскому (1937–2012), специально обратившему мое внимание на этот контекст и на то, что ‘шейные гривны’ названы в нем *обручами*.

³ *Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953. С. 489; Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 53.*

⁴ М. И. Стеблин-Каменский переводит *Gamanvisur* как «Забавные висы», отвергая более ранний свой вариант «Висы радости»: *Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984. С. 231, прим. 26.*

⁵ Славянское имя этой Эллисив должно было быть *Олисава Ярославна*, но в древнерусской традиции о ней нет никаких сведений. Известно, что имя *Олисава* носила невестка князя Ярослава – жена Изяслава Ярославича, происходившая из польского королевского дома Пястов, см. о ней: *Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1964. С. 142–164.*

славянском идиоме для выражения одного и того же значения ‘шейное украшение’ одновременно употреблялось по несколько разных лексем из следующего набора: *grivъna, *monisto, *obrōčъ, *obžerdlъkъ/*obžerdlъje, *obgъrdlъkъ/*obgъrdlъje/*obgъrdlica, *našъjъkъ/*našъjъnikъ. Между ними должны были существовать и развиваться прагматические и стилистические различия, но какие именно – сейчас установить трудно или невозможно. Скорее всего, эти лексемы обозначали морфологически и типологически противопоставленные виды украшений (здесь полезно тщательное обследование памятников и современных славянских говоров).

1. В ПВЛ под 1015 г. читаем об убийстве людьми князя Святополка (Путьшей и вышегородскими *болярами*) князя Бориса и его отроков¹: «Подосланные [Святополком Путьша с вышгородцами] пришли на [реку] Лыто ночью. Подойдя ближе, они слышали, как блаженный Борис поет заутреню. Ему уже было известно, что его хотят убить. <...> Они напали, как дикие звери: окружив шатер, проткнули его копьями, пронзили Бориса и с ним пронзили его слугу, закрывшего его [собой]. Он был любимцем Бориса. Этот отрок был по происхождению угрин, звали его Георгий. Борис очень любил его и возложил на него большую золотую гривну, которая и была на нем [в момент], когда он находился рядом. Убили и других отроков Бориса, а этому Георгию, не имея возможности быстро снять гривну с шеи, отрубили голову и [только] так сняли гривну, а голову — выкинули» (перевод

---

¹ Текст ПВЛ цитируется по: Полное собрание русских летописей. Т. I. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. Изд. 2-е. Л., 1926 (имеется репринтное переиздание: М., 2001). Стлб. 133–134. (Соответствующий раздел статьи 1015 г. имеет киноарный заголовок «w оубъении борисове», но повествует об убиении не только Бориса, но и Глеба.) Несколько пространнее и с важными деталями, несомненно восходящими к первичному тексту сказания, этот же эпизод изложен в анонимном Сказании о святых князьях Борисе и Глебе (цитируется в редакции Торжественника, рукопись XVI в.): «послании же ѿ стѣполка тоя ноци приидоша близъ и оуслышаша блѣннаго бориса поюща. ѡалмы заутрення. бяше же вѣсть емоу w оубъении. <...> и абѣ оузрѣтекущи къ шатру клистанѣ wружиа и wбѣнажены мечи. вѣскочивъше и иже. безъ млѣти и насунуца копыи wканнии путша талець словичъ лашко и тако прободоно быѣ чѣтное и мѣногомилостивное тѣло блаженнаго бориса. отрокъ же еѣ гевръгии верѣжеса на тѣло его <...> бѣ бо су оугринъ родом и възложилъ баше гривну злату на нь и бѣ ѿ бориса любимъ ту и сего прободоша копьемъ. <...> избиша же тогда отроки многы съ егоргѣя же не могуще снати гривны ѿсекоша главу и ѿвергоша кромѣ» (*Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. II. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007. С. 399–402*). Из новейших исследований по теме см.: *Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009.*

с древнерусского мой).

Этот контекст позволяет представить в общих чертах, что за гривна злата велика это была. Судя, во-первых, по тому, что убийцы не смогли снять ее вборзэ, она представляла собою жесткое кольцо (значительно) меньшего диаметра, чем голова убитого Георгия. Она должна была быть *достаточно* массивна — иначе бы к ней не применялся эпитет велика. Во-вторых, она была *возложена*, т. е. явилась объектом символического жеста, указывающего на особую отмеченность избранника личным знаком — высоким даром князя. Исключительность этой оценки подчеркнута тем, что эта гривна — злата и велика. Тот факт, что небольшой фрагмент истории этого предмета в его соотнесенности с конкретной личностью и конкретным происшествием попал в устную и летописную традиции, сформировав «текст гривны Георгия Утрина» (ср. с более поздними «текстом золотого пояса Шимона»¹, «текстом золотой луды Якуна»² и некоторыми другими подобными), указывает на значительно более тесную связь предметов такого рода со сферой *индивидуального*, чем предполагает гипотеза о денежном обращении шейных украшений.

2. В реконструированном А. А. Шахматовым вступлении к киевскому Начальному своду читаем о «древних князьях»: «wни бо не въскладаху на своя жены златыхъ wбручь нъ хождааху жены ихъ в серебряныхъ»³. Г. Ф. Корзухина пишет: «Летописец, сетуя на расточительность князей, вспоминает князей старого времени». И далее: «Выражение *вскладаху* от глагола *возлагать* применимо скорее к шейной гривне, чем к браслету»⁴. Если предположить, что речь здесь идет о том же самом предмете драгоценного убора, что подразумевается под гривнами-*атвѣк* в описании рѹсских женщин Ибн Фадлѣна (см. соответствующий раздел), то

¹ *Мурьянов В. Ф.* Золотой пояс Шимона // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева. М., 1973. С. 187–198.

² Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стлб. 148.

³ Цитируется по критическому тексту А. А. Шахматова в приложении к статье: *Шахматов А. А.* Предисловие к начальному Киевскому своду и Несторова летопись // Известия Отделения русского языка и словестности [Академии наук]. Т. XIII. Кн. 1. СПб., 1908. С. 265. В академическом издании НПЛМ 1950 г. читаем: wни бо не складаху на своя жены златыхъ wбручеи. но хожаху жены ихъ в серебряныхъ (Новгородская Первая летопись младшего извода / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950. С. 104).

⁴ *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 55.

трактовка упомянутых *вбручей* как ‘шейных гривен’ оказывается весьма и весьма надежной.

А. А. Шахматов датирует этот текст около 1095 г.¹ Древними князьями оказываются, следовательно, князья IX–X вв. Это совпадает с эпохой интенсивного ввоза и обращения среди рӯсов/руси арабского монетного серебра, из которого и изготавливались (отливались, отковывались) серебряные шейные гривны *древних княгинь*.

З. Г. Ф. Корзухина предлагает рассмотреть еще один контекст употребления слова *вбручь* в XI в. В тексте договора *руси* с греками 945 г. читаем² (стлб. 53): а не крщень русь полагають щиты своя. и мечѣ своѣ наги. вбручѣ своѣ и прочаа вружья. да кланутся w всемь яже суть написана на харатыи сеи. «А некрещеные русы снимают свои щиты, обнаженные мечи, *обручи* и прочие предметы вооружения и клянутся соблюдать все, что написано в этом договоре». Ниже³ читаем: заоутра призва игорь слы. и приде на холмъ. кде стояше перунъ. и покладоша вружье свое и шить и золото. и ходи игорь ротѣ и люди его. «На следующий день Игорь позвал послов и пошел [с ними] на холм, где стоял [идол] Перуна. Сняв предметы своего вооружения, щит и *золото*, Игорь и его люди поклялись».

Как отметила Г. Ф. Корзухина⁴, сопоставление этих контекстов показывает, что упомянутые в договоре *обручи* были золотыми. Она же предположила, что «термин *обруч* в данном тексте мог обозначать как шейную гривну, так и браслет»⁵. «Очень может быть», — пишет исследовательница, — «что в договоре Игоря с греками речь шла именно о [шейных] гривнах, а не о браслетах»⁶. Если, однако, предположить, что под *обручами* здесь скрывается тот же золотой предмет убора-вооружения, который выступает как элемент погребального инвентаря знатного

---

¹ Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 года // Шахматов А. А. 1864–1920: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947. В настоящее время эту точку зрения дополнительно поддержал А. А. Гиппиус: Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. [Вып.] 6 (16). СПб., 1997. С. 51–52 и прим. 139 на с. 54.

² Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стлб. 53.

³ Полное собрание русских летописей. Т. 1. Стлб. 54.

⁴ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 54..

⁵ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 54.

⁶ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 55.

рӯса в тексте «Анонимной записки» — араб. *sivār*, перс. *dast.baranjin* ‘браслет’, то вопрос с гораздо бóльшим правдоподобием решится в пользу браслетов¹.

4. Что касается «девушки в золотой гривне», то это выражение восходит к одному из переводов «Веселых вис» Харальда Сигурдарсона. Согласно Снорри Стурлусону, они сложены Харальдом на пути из Миклагарда (Константинополь) в Хольмгард (Рюриково городище) около 1040 г. Первоначально этих вис было шестнадцать, из них сохранились только шесть, причем две — лишь в виде начальных фрагментов². Четыре висы, полностью дошедшие до наших дней, имеют рефрен: *þó lætr Gerðr í Gørðum gollhrings við mér skolla*³. Снимая обязательную для скальдической поэзии инверсию порядка слов, имеем: *þó lætr Gerðr gollhrings í Gørðum skolla við mér* ‘но только Герд золотого кольца в Гардах равнодушна⁴ ко мне’. Как указывает М.

¹ Ибн Рустах (начало X в.): وإذا مات الجليل منهم حفروا له قبراً مثل بيت واسع جعلوه فيه وأدخلوا معه: «Когда умирает (*māta*) знатный [рӯс] (*ал-джалил мин-хум*), для него выкапывают могилу (*кабр*) наподобие просторного дома (*байт вāси*). В нее помещают умершего, кладут с ним его личную одежду (*сийāб бадани-хи*), **браслет** (*sivār*) **из золота** (*мин захаб*), **который он носил [при жизни]** (*аллази кāна йалбасу-ху*), большое количество еды (*та’ām касīр*), сосуды с питьем (*абārйк шарāб*), а также ценности (*мāl сāmит*)». Арабский текст: Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века / Подготовка текста, пер. с араб. и комм. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869. С. 40; ал-А’лак ан-нафйса / Та’лиф Абй ‘Алй Аҳмад б. ‘Умар б. Рустах. Вада’а ҳавāшийа-ху Ҳалил ал-Мансӯр. Байрӯт, 1419 г. х. (1998). С. 130.

Гардйзй (XI в.): چون مردى بزرگ را بکشند از بهر او گورى بکنند اندر زمين فراخ و بزرگ چون «Когда убивают (*bakušand*) знатного [рӯса] (*mard-ē buzurg*), для него в земле (*andar zamīn*) делают могилу (*gōr-ē*), просторную и большую (*farāx-u buzurg*), наподобие просторного дома (*xāna-yi farāx*). Рядом с умершим помещают всю его личную одежду (*hama-yi jāta-yi tan-i ō*), **браслет** и кувшин (*dast.baranjin-u kūzābar-ē*), питье и еду (*šarāb-u ṭa’ām*) и ценности (*māl-i šāmīt*)». Персидский текст: Бартольд В. В. <Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбār>. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М., 1973. С. 40; Зайн ал-ахбār / Та’лиф-е Абу Са’ид ‘Абд ал-Ҳайй б. Заҳҳāk б. Маҳмуд Гардизи. Бе эхтемām-е доктор Раҳим Резā-зāде Малек. Техрāн, 1384 г. х. С. 399–400.

² Из этих шести вис, приписываемых традицией Харальду, по крайней мере две не принадлежат ему безусловно.

³ Эти две строки взяты в качестве названия работы по истории русских переводов «Веселых вис»: Джаксон Т. Н. «Þó lætr Gerðr í Gørðum gollhrings við mér skolla»: «Висы радости» норвежского конунга Харальда Сигурдарсона в русских переводах и переложениях // Scando-Slavica. Т. 43. 1997. Р. 52–67. Подстрочный перевод дошедших до нас вис см.: Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М., 2000. С. 142. Имеется также художественный перевод, передающий ритмико-интонационные особенности оригинального тонического аллитерационного стиха: Поэзия скальдов / Изд. подготовили С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1979 (имеется репринтное переиздание: СПб., 2004). С. 66–67 (пер. С. В. Петрова), 172 (комм. М. И. Стеблина-Каменского).

⁴ Следую здесь переводу Ричарда Клисби и Гудбранда Вигфуссона: An Icelandic-English Dictionary,

И. Стеблин-Каменский, «Герд – это жена бога Фрейра, Герд золотого обручья¹ — кеннинг (условное обозначение) женщины, Гарды (также Гардарики) — Русь». Приводимые М. И. Стеблиным-Каменским параллели (*gollmens Frið* ‘Фрид золотого ожерелья’, *hringa Hlín* ‘Хлин колец’ и др.²) не оставляют сомнений в том, что здесь налицо кеннинг традиционной структуры. Вот рекомендации самого Снорри по составлению такого канонического кеннинга: «Женщину следует обозначать по всяким женским нарядам, золоту и драгоценным камням <...> А по драгоценным камням либо самоцветам называют ее потому, что в древние времена женщины носили на шее такой убор — ожерелье с камнями <...> Женщину также называют именами всех богинь, валькирий, норн и дис» (пер. с исл. О. А. Смирницкой)³. В нашем случае в позиции «имя богини» выступает Герд (‘покровительница’; имя *Gerðr* употреблено по той причине, что оно фонетически исключительно удачно сочетается с топонимом *Garðar* ‘Восточная Европа’), а в позиции «драгоценный атрибут» — золотое кольцо (*gollhringr*).

«Конечно, в тех случаях, когда слова, обозначающие детали одежды или

---

based on the ms. collections of the Late Richard Cleasby, revised, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson. Oxford, 1874. P. 554 (вхождение *skolla*): ‘she turns a deaf ear to me’.

¹ Семантическая конъектура М. И. Стеблина-Каменского (на мой взгляд, избыточная). Др.-исл. *hringr*, его общегерманский этимон *χrengaz и все продолжения последнего в германских языках значат именно ‘кольцо’ — без какой-либо возможности конкретизировать, о каком именно кольце идет речь: значения ‘кольцо на шею’ (= шейная гривна), ‘кольцо на запястье’ (= жесткий браслет) и ‘кольцо на палец’ (= перстень) выражаются только в составе соответствующих композитов. Их первый компонент может замещаться корнями со значениями ‘золото’ (как в слове *gollhringr* в разбираемом контексте) и ‘серебро’ — с нейтрализацией соматических противопоставлений.

Кажется, впервые в отечественной историографии «Харальдова песнь» как источник привлекалась М. П. Погодиным. Его перевод разбираемого выражения («Но дева, живущая в Гардах, украшенная золотом гривной, пренебрегает мною», см.: *Погодин М.* Норманский период русской истории. М., 1859. С. 114, 214–215) восходит к латинскому переводу Свейнбьорна Эгильссона: «Tamen puella, Gardis quæ est, / annulo aureo ornata, me fastidit» (*Egilssonius S. Historiæ regum magni boni, Harald Severi et filiorum ejus.* (Scripta historica Islandorum de rebus gestis veterum Borealium. T. VI.) Hafniæ, 1835. P. 158). Погодин прибег к семантической конъектуре: на месте ‘колечка’ (*annulus*) внезапно появляется ‘гривна’.

² *Стеблин-Каменский М. И.* Мир саги. Становление литературы. Л., 1984. С. 223. См. также многочисленные примеры в: *Гуревич Е. А., Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 515–516. Приношу благодарность С. В. Воронятову, указавшему мне еще один пример «женского» кеннинга в этой книге: *þella armlinns* ‘сосна обручий’ в виле Бьерна Асбрандссона (*Гуревич Е. А., Матюшина И. Г.* Поэзия скальдов. М., 2000. С. 527).

³ Младшая Эдда / Изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 124–125.

украшений, использованы в кеннингах в качестве определений, их нельзя отнести к описаниям внешности»¹. Таким образом, к самой Эллисив/Элизабет и к древнерусской культуре XI в. эти слова Харальда не имеют прямого отношения.

Рассмотрим теперь контекст, в котором шейные гривны русских женщин упомянуты в Ахмадом ибн Фадлāна. Его «Книга» (после 923 г.) — удивительный памятник арабской письменной традиции аббāсидского периода (вторая половина VIII — первая половина X в.) и кладезь уникальной историко-культурной информации о народах и государствах Центральной Азии и Восточной Европы. Неизвестное современникам и ограниченно востребованное потомками, это сочинение получило должную оценку лишь в XIX–XX вв., обретая славу одного из важнейших источников для изучения раннесредневековой истории Евразийской степи, Волжской Булгарии, Русского государства и Хазарского каганата. В сочинении Ибн Фадлāна содержится непревзойденное по наблюдательности и информативности описание культуры рӯсов, с которыми он столкнулся летом–осенью 922 г. на Булгарском торжище. Следующий контекст представляет собою фрагмент описания драгоценного убора рӯсских женщин (из сводного текста, подготовленного мною на основании факсимиле соответствующих страниц Мешхедской рукописи с учетом всех печатных изданий арабского текста):

وكل امرأة منهم فعلى ثديها حقة مشدودة إمّا من حديد وإمّا من فضة وإمّا من نحاس وإمّا من ذهب على قدر مال زوجها ومقداره، وفي كل حقة حلقة فيها سكين مشدودة على الثدي أيضاً، وفي أعناقهنّ أطواق من ذهب وفضة، لأنّ الرجل إذا ملك عشرة ألف درهم صاغ لامرأته طوقاً، وإن ملك عشرين ألفاً صاغ لها طوقين، وكذلك كل عشرة ألف يزدادها يزداد طوقاً لامرأته، فربّما كان في عنق الواحدة منهنّ الأطواق الكثيرة.

«Что касается [рӯсских] женщин, то у каждой из них на обеих сторонах груди прикреплены коробочки из железа или из серебра или меди или золота — в соответствии с богатством ее мужа и его положением. На каждой коробочке — кольцо, к нему прикреплен нож — опять же, на обеих сторонах груди. На шеях у них — гривны (*атвāк*) из золота и серебра. Когда состояние мужа достигает десяти

¹ Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М., 2000. С. 516.

тысяч дирхамов, он отликает (*сāga*) своей жене одну гривну (*таук*), а если оно достигает двадцати тысяч дирхамов — он отликает (*сāga*) ей две гривны (*таукāн*). Таким образом, каждые дополнительные десять тысяч дирхамов прибавляют его жене гривну (*таук*), поэтому на шеях некоторых из них бывает много гривен (*ал-атвāк ал-касīра*)».

Один из наиболее внимательных археологических комментариев к этому сообщению принадлежит А. Л. Монгайту. В деталях не касаясь всех его рассуждений (с некоторыми из которых невозможно согласиться), обратим внимание на следующее место его полемики с А. П. Ковалевским, переводившим здесь араб. *таук* словами *ожерелье* и *монисто*. Монгайт пишет: «О каких же все-таки ожерельях (монистах) идет речь? Думаю, что не только о монистах, а о тех же шейных гривнах, делавшихся часто из серебра <...> и носившихся женщинами по нескольку штук. А. П. Ковалевский по поводу своего перевода слова *монисто* замечает, что то же слово „переводить *обруч* или *шейное кольцо* формально можно, но, по-моему, нет особого основания“¹. Есть достаточно оснований именно так переводить², потому что, во-первых, *шейное кольцо* или гривна достаточно хорошо

¹ Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Ст., пер. и комм. Харьков, 1956. С. 239, прим. 696.

² Вот случайно подобранные примеры перевода араб. *таук* в вышедших за последние годы изданиях «Книги» Ибн Фадлāна (или фрагментов из нее): англ. *neck-ring* (Ibn Fadlan's Travel-Report As it Concerns the Scandinavian Rūs / Introd. and Comm. by St. E. Flowers. Smithville (Texas), 1998. P. 6) и *neck ring* 'шейное кольцо' (Ibn Fadlan's journey to Russia. A tenth-century traveler from Baghdad to the Volga River / Transl. with comm. by R. N. Frye. Second printing. Princeton (New Jersey), 2006. P. 63), дат. *halskæde* 'шейная цепь' (Vikingerne ved Volga. Ibn Fadlāns rejsebeskrivelse / Resumeret, deloversat og kommenteret af J. Bæk Simonsen. Højbjerg, 1981; 2. udgave: 2004. S. 52), фин. *kaularengas* 'шейное кольцо' (Kitab Ibn Fadlan. Ibn Fadlanin matka Bagdadista volganbolgaarien luo 921–922 / Suomentanut H. Palva. Helsinki, 2008. S. 63), турецк. *gerdanlık* 'ожерелье' (*Şeşen R. İbn Fazlan seyahatnamesi. İstanbul, 1995. S. 69*) или даже совершенно неприемлемое *kolye* 'колье' (İbn Fadlan. Bin Yıl Önce Türkler ve Ötekiler. Seyahatname / S. Şaşar türkçesi [fransızca'dan çeviren]. İstanbul, 2005. S. 56) – того же происхождения и с точно такими же французскими коннотациями в турецком, что и в русском (перевод Шашара сделан с французского перевода Мариуса Канара). Имея ввиду, что финский перевод Хейкки Палва зависит от английского перевода Ричарда Фрая (и поэтому фин. *kaularengas* здесь то же, что и англ. *neck ring*), приходим к выводу, что прагматическое распределение 'гривна' vs. 'ожерелье' в этих переводах оказывается случайным. То же самое можно сказать и о прочих известных мне переводах «Книги» на десяток языков мира. У переводчиков и комментаторов «Книги» почти полностью отсутствует понимание того, какая именно реалия стоит за *атвāк* Ибн Фадлāна. Приятным и весьма неожиданным исключением является новый английский перевод Пола Лунда и Кэролайн Стоун: в соответствии с араб. *таук* имеем здесь *torques* (Ibn Fadlān and the Land of Darkness.

известны в археологических реалиях, относящихся к этому времени и области, о которых говорит Ибн Фадлан. Во-вторых, нужно думать, что в рассказе Ибн Фадлана сохранилось известие о том, как отливались гривны. Чтобы подарить своей жене гривну, рус должен был не только быть богатым, но его богатства должны были быть не в каких-либо иных ценностях, а только в дирхемах, которые нужно было вручить ремесленнику в качестве сырья для отливки серебряных гривен»¹.

Насколько обоснованны эти соображения? Материал, цитируемый в самом полном и авторитетном из европейских словарей классического арабского языка — словаре Э. У. Лэйна², полностью подтверждает трактовку Монгайта. У Лэйна طوق толковано как ‘a neck-ring; a certain ornament for the neck’ — «шейное кольцо; особый вид шейного украшения», т. е. именно как ‘шейная гривна’, а ذات الطوق — как обозначение птицы ‘ringed pidgeon, ringed-dove’ — горлицы³. Подкрепление дают следующие контексты, приводимые Лэйном⁴:

Arab Travellers in the Far North / Transl. with an Introd. by P. Lunde and C. Stone. London, 2012. P. 46). В английском это — терминологический латинизм, обозначающий именно и только массивную металлическую шейную гривну (главным образом — древнекельтскую и древнегерманскую) и превосходно «подхватывающий» и подчеркивающий глубинное/дальнее этимологическое родство производящих корней араб. ṬWQ ‘скручивать’ (→ *ṭawq*) ~ и.-е. **terku-* ‘скручивать’ (→ лат. *torquēs*), равно как и общность принципа номинации этой категории предметов в архаической Европе и на древнем Ближнем Востоке.

¹ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 111–112. В самое последнее время именно такую трактовку *atwāk* поддержала Н. В. Жилина. Ссылаясь на издание А. П. Ковалевского 1939 г., но для нужд собственной интерпретации удачно изменив его перевод, она пишет, что «богатые русы на каждую новую сумму покупают своим женам новую гривну». См.: Жилина Н. В. История древнерусского металлического убора IX–XIII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Мат-лы межд. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб., 2010. С. 182.

² В других европейских словарях (А. Казимирского де Биберштейна, Р. Дози, Ж. Б. Бело) существенных данных на счет шейной гривны нет. В словаре *Lisān al-'arab* Ибн Манзūra *ṭawq* трактовано просто как ‘шейное украшение’ (изд.: Бұлак, 1301 г. х. Дж. 11. С. 101). В современном арабском языке طوق не имеет узкого значения: это и ‘ожерелье’, и ‘обод’, и ‘воротник’, и ‘ошейник’, и ‘жесткая налобная дуга’, и даже ‘мягкий браслет’. Впрочем, и обычное обозначение ‘браслета’ (سوار) может применяться и к ожерелью: например, в рефрене известного стихотворения Низāра Каббāни *ṭawq al-īṣāmīn* «Жасминовое ожерелье» سوار الياسمين و طوق الياسمين выступают как полные синонимы (здесь это не только прекрасный поэтический образ, символизирующий Дамаск, но и вполне реальная гирлянда из жасминовых соцветий, которую юноша дарит своей возлюбленной в знак помолвки).

³ Lane E. W. An Arabic-English Lexicon. Beirut–Lebanon, 1968. P. 1894c.

⁴ *Ibid.* P. 1894c–1895a.

في عنقي طوق مالي بأداء¹, затем 'на мне знак отличия — гривна горлицы'¹, затем 'на моей шее гривна, из-за которой не оказывают мне должного внимания'² и байт ал-Мутанаббй: 'его знаки отличия находятся на шеях: это — гривны, а люди — горлицы'³. К этим примерам можно еще добавить следующий байт из «Книги назидания» Усāмы ибн Мункиза (XII в.; из стихотворения, обращенного к высокому покровителю Усāмы правителю Дамаска Му'йн ад-Дйну 'Анару, или 'Унуру): 'Му'йн ад-Дйн, сколько горлиц (горлиц) (atwāk al-hamām), возложил ты на мою шею!⁴. Дополнительное сходство шейной гривны с «гривной» горлицы — кольчатого голубя, *Streptopelia decaocto*, англ. *collared dove* — сообщает то, что окончания последней, утончаясь на боковых сторонах птичьей шеи, образуют разрыв в области зоба. Это в точности повторяет один из двух возможных способов ношения массивной гривны — разрывом вперед: так носились кельтский и ахеменидский *μανιάκης* и некоторые скифские гривны; традиция сохранялась и позднее⁵. Ключевое значение имеет также следующее сообщение Хилāла ас-Сāбй в его книге, посвященной описанию культуры аббāсидского двора: «Героям

¹ У Лэйна: «I bore the favour as the ring of the pigeon» (*Ibid.* P. 1894c–1895a). В этом выражении, как кажется, иносказательно введен мотив влюбленности, так как طوق الحمامة 'гривна горлицы', может быть соотнесено с названием одного из самых знаменитых произведений арабской литературы — трактата Ибн Хазма о любви (в русском переводе М. А. Салье: «Ожерелье голубки»; см. один из последних в отечественной историко-филологической науке опытов трактовки ключевых элементов поэтики этого удивительного памятника: *Иванов Вяч. Вс.* «Ожерелье голубки» Ибн Хазма и литературные связи андалузско-арабской поэзии в свете исторической семантики // *Слово и мудрость Востока: Литература. Фольклор. Культура. К 60-летию акад. А. Б. Куделина. М., 2006. С. 30–42*). К сожалению, до сих пор малораскрытым остается соотношение выражения 'ожерелье голубки' с концептом 'любовь': особая отмеченность возлюбленных сравнима, с одной стороны, с особой цветовой меткой на шейке голубя — символа любви — и, с другой, — с шейной гривной как наградой (ведь любовь — тоже своего рода даруемая свыше награда).

² У Лэйна: «Upon my neck is a permanent badge or decoration, for which I have not ability to render due acknowledgment» (*Ibid.* P. 1894c–1895a). Вне контекста эта строка выглядит все же не вполне понятно.

³ У Лэйна: «Favours of his have remained upon the necks: they are the neck-rings, and the men are the pigeons» (*Ibid.* P. 1894c–1895a).

⁴ Ousāma ibn Mounkidh. *Texte arabe de l'Autobiographie d'Ousāma (كتاب الاعتبار)* / Par H. Derenbourg. Paris, 1886. P. 4 pag. arab. Русский перевод: Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Пер. [с араб.] М. А. Салье. Под ред. и с прим. И. Ю. Крачковского. М., 1958.

⁵ Благодарю А. Ю. Алексеева и Е. Ф. Королькову за консультацию.

походов и знатокам преданий полагалась металлическая гривна, два браслета, меч и пояс. Это стало правилом для эмиров столицы. Когда пришел и стал править Ираком 'Адуд ад-Даула, он был пожалован упомянутыми почетными одеждами, браслетами и гривной, инкрустированной драгоценными камнями, а на его голову был водружен тюрбан с концами, на которые [были] нанизаны драгоценные камни» (пер. И. Б. Михайловой)¹. Эта-то *почетная гривна*² и называлась *таук*.

Вернемся к отмеченному Монгайтом соотношению шейной гривны и серебряных монет. Десять и двадцать тысяч дирхамов в контексте эпохи викингов — суммы неправдоподобно большие³: ни в Северной, ни в Восточной Европе мы не знаем монетных и монетно-вещевых комплексов, вес которых приближался бы к нескольким десяткам килограммов серебра. Наиболее крупные из известных восточноевропейских кладов первой половины и середины X в. (Киевские, Муромский, Козьянковский, Раковецкий и др.) насчитывают по несколько тысяч дирхамов, т. е. до одного — двух десятков килограммов серебра. А. Л. Монгайт совершенно верно предположил, что упоминание этих сумм «относится к области преувеличений»⁴: «преувеличение» имеет свое текстологическое объяснение. Наблюдения над выписками из «Книги» Ибн Фадлāна у двух более поздних

¹ Хилāl ас-Ṣāбī. Установления и обычаи двора халифов (Русūм дār ал-хилāфа) / Пер. с араб., предисл. и прим. И. Б. Михайловой. (Памятники письменности Востока. [Вып.] LXVII). М., 1983. С. 67.

² Проверая ссылку И. И. Срезневского (*Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам*. Т. 1 (А–К). СПб., 1893. Стлб. 589) на книгу Хосе Антонио Конде, в которой как будто бы имеется указание на шейную гривну как на элемент убора дворцовой стражи умаййадских халифов Кордовы (*Conde J. A. Historia de la dominación de los árabes en España, sacada de varios manuscritos y memorias arábicas*. Т. I. Madrid, 1820. P. 352), мы не обнаружили этого указания. Комплекс вооружения воинов внутренней дворцовой гвардии (*guardia interior in el alcazar*), или, дословно, «славянской гвардии» (*guardia de Eslavos*), согласно Конде и его источникам, состоял из двуручного меча (*espada de dos manos*), щита (*escudo*) и боевой секиры (*maza de armas*).

³ Например, в X в. и позднее сумма в сорок килограммов серебра считалась очень и очень большой: даже в течение всей жизни богатство такого порядка мог собрать далеко не каждый. Именно столько — двести марок серебра — было завещано в наследство одному из героев исландской «эпохи саг» — Хруту, сыну Херьольва и Торгерд. Сага относит это событие ко времени правления в Норвегии конунга Харальда Серая Шкура, т. е. к 960-м гг. (см.: Сага о Ньяле // *Исландские саги* / Ред., вступ. статья и прим. М. И. Стеблина-Каменского. М., 1956. С. 446). Из другого места той же саги следует, что понятие «наследство» включало в себя в первую очередь *весовое серебро*: земля и драгоценные вещи упоминаются отдельно (Сага о Ньяле // *Исландские саги* / Ред., вступ. статья и прим. М. И. Стеблина-Каменского. М., 1956. С. 476).

⁴ Монгайт А. Л. Рязанская земля. М., 1961. С. 111.

персидских авторов — Наджйба Хамадāнй (XII в.), автора космографического трактата *‘Аджā’иб ал-махлūkāt* (‘Чудеса творений’), и Амйна Рāзй (XVI в.), автора биографического компендиума *Хафт иклīm* (‘Семь климатов’), показывают, что в соответствующих контекстах у них налицо не только *дирхамы*, но и *дйнāры* и не только *десятки тысяч*, но и *тысячи*. Есть основания усматривать в этом следы более позднего, чем X в., вмешательства в текст Ибн Фадлāна. Не будет противоречием датировать это вмешательство сельджукским временем: именно во второй половине XI и в XII в. серебряный *дирхам* деградировал до биллонового и медного, функционально заместив медный номинал предшествующей эпохи — *фалс*, а золотой *дйнāр* деградировал до электрового и серебряного, функционально заместив *дирхам*¹. «Стихийное» исправление исчисления стоимостей в оригинальном тексте Ибн Фадлāна выразилось двумя конъектурами: десятикратным увеличением сумм (как в Мешхедской рукописи, исчисляющей состояние рӯсов десятками тысяч дирхамов) и изменением номинала (как у Амйна Рāзй, исчисляющего состояние рӯсов тысячами динаров). Для исходного текста Ибн Фадлāна следует — в соответствии с реалиями X в. — предположительно реконструировать *тысячи дирхамов*.

Важность показаний Ибн Фадлāна невозможно переоценить: это — единственный письменный источник, в котором женская шейная гривна₁ выступает как *знак* — показатель семейного богатства и положения главы семьи. Ношение одной гривны *означает и демонстрирует* владение тысячей дирхамов, т. е. почти тремя килограммами (ок. 2950 г) серебра. Можно подсчитать, что если из тысячи дирхамов на отливку² гривны₁ отпускалась, например, *десятина*, то вес такой гривны₁ соответствовал бы ста дирхамам (ок. 295 г серебра)³, что

¹ См.: *Ходжаниязов Т.* Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков (по данным нумизматики). Ашхабад, 1977. С. 26–28. В государстве Великих Сельджуков серебряные дирхамы практически не выпускались и, как показывает материал кладов не обращались (см., например: *Федоров М. Н.* Клад сельджукских серебряных динаров-шекасте из Южного Узбекистана // Эпиграфика Востока. [Вып.] XVIII. Л., 1967. С. 59–70; *Ходжаниязов Т.* Клад золотых монет XII в. из Куны-Ургенчского района Туркменской ССР // Эпиграфика Востока. [Вып.] XX. Л., 1971. С. 90–94).

² Точнее: на *отливку* заготовки (в тексте Ибн Фадлāна употреблено однозначно интерпретируемое слово *صاغ* ‘отливать металл в форму’) и ее последующую *проковку* в изделие.

³ Может оказаться неслучайным в этой связи то, что вес четырех из восьми козерожских гривен

вполне сопоставимо со значениями весовых единиц типа западноевропейского *фунта*, центральноевропейской *марки*, восточноевропейской *гривны*, *серебра*, византийской *литры* и ближневосточного *ратла*.

Свидетельство Ибн Фадлāна, хотя и единственное в своем роде, явно противоречит предположению о денежной функции шейных гривен: тот факт, что их носили и использовали как экспонент экономического статуса, несовместим с платежным обращением. *Высшие знаковые средства* любой культуры окружены плотной вуалью правил и запретов, ограничивающих свободу движения соответствующих вещей. Нет примеров культурных ситуаций, в которых были бы допустимы, например, легальная купля-продажа королевских корон, царских скипетров, должностных и почетных орденов и цепей и т. п. (можно привести примеры таких запретов из письменных источников I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.). Серебряные шейные гривны *обращались* и *тезаврировались* как драгоценные украшения и как серебряный лом, но это другие функции, которые не должны смешиваться с денежной. Среди древнерусских кладов с серебряными гривнами, можно выделить клады предметов драгоценного убора, клады весового серебра и, возможно, votивные клады, но никак не денежные (характерные, как мы увидим далее, для гораздо более раннего времени).

Итак, на вопрос: «Имели ли в древнерусской культуре шейные гривны, денежную валентность?» — должен быть дан отрицательный ответ. В контексте этой культуры шейные гривны¹ были знаками, украшениями¹ и просто формой

(не ранее XI в.) калиброван по весу ста дирхамов: гривна № 3 — 288,5 г, гривна № 7 — 294,3 г, гривна № 2 — 297,0 г, гривна № 1 — 299,4 г (Литвинов В. А., Макушиников О. А., Дробушевский А. И. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии // Советская археология. 1987. № 1. С. 263–264С. 263–264). Впрочем, вес остальных четырех гривен как будто соответствует другим весовым единицам, в которых «угадываются» гривна серебра — гривна № 4 — 200,3 г, — стандартная серебряная литра — гривна № 5 — 323,0 г — и серебряная литра в 12,5 унций (см. о ней: Назаренко А. В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001. С. 185) — гривна № 6 — 341,5 г (Литвинов В. А., Макушиников О. А., Дробушевский А. И. Клады древнерусских шейных гривен из Белоруссии // Советская археология. 1987. № 1. С. 263–264). Что касается гривен весом в *сто дирхамов*, то для XI в. они с бóльшим правдоподобием должны интерпретироваться как гривны в *сто сребреников*.

¹ См., в частности: Фехнер М. В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ. [Вып.] 43). М., 1967. С. 55–87.

обращения драгоценного металла, но не *денежными единицами*.

Др.-рус. *гривна* в общеславянской и балто-славянской перспективе. Тот факт, что гривна₂ как весовая и денежная единица существовала уже в раннем средневековье у всех славянских народов, неоднократно отмечался в историко-нумизматической литературе, но значение его до сих пор не осознано. В замечательном словаре «Славянские древности» под редакцией Н. И. Толстого статья «Гривна» (не только для ‘гривны₂’, но и для ‘гривны₁’) отсутствует¹. В «Этимологическом словаре славянских языков» (ЭССЯ) значение ‘гривна₂ (весовая и платежная единица)’ у сербскохорватского, словенского, чешского, словацкого, верхнелужицкого, польского и древнерусского продолжений общеславянского **grivъna* никак не отделено от первичного значения ‘гривна₁ (шейное украшение)’, из современных славянских языков сохранившегося только в словенском и чешском², поэтому невольно возникает ощущение, что значение ‘гривна₂’ могло развиваться и в языках-потомках (к сожалению, формат этого словаря не предполагает *систематической* реконструкции и объяснения фактов сильной и слабой омонимии на общеславянском уровне; в нашем случае здесь скорее сильная омонимия). Чтобы показать ошибочность подобного взгляда, обратимся к продолжениям общеславянского **grivъna* в современных славянских языках (пока только по материалам ЭССЯ³, хотя тема, вообще говоря, заслуживает нового сплошного пересмотра лексикографических источников и, в особенности, материалов фольклорных и литературных памятников).

Несмотря на то, что во всех без исключения славянских языках и диалектах сохраняются продолжения общеславянского **griva* ‘грива (длинные волосы на шее и

---

¹ Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1 (А–Г). М., 1995.

² В современном русском словоупотреблении (главным образом, в археологической и этнографической литературе) слово *гривна* ‘жесткое шейное украшение’ со всей очевидностью является не более чем терминологическим палеорусизмом с соответствующими коннотациями.

³ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7 (**golvaśь* — **gyžati*) / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1980. С. 130–132.

по хребту некоторых животных)¹, старого производного и.-е. *g^urīcā ‘шея, хребет’², прозрачно связанная с ним *grivъna почти повсеместно утратила значение ‘жесткое нашейное украшение’. В большинстве современных болгарско-македонских говоров специализировалась область значений (здесь дается обобщенно) ‘железный обод/обруч втулки, ступицы, косовища’ (значение ‘кольцо, которым прикрепляется шейка косы к косовищу’ известно еще и в украинском ареале), а также ‘ограда колодца’. (В славянских говорах прочих зон эти же значения чаще передаются вторичными лексемами, производными от слов *obžerdlъje/*obžerdlъkъ ‘ожерелье’, *pojasъ/*pojasъkъ ‘пояс’, *pъrstъnъ/*pъrstъnъkъ ‘перстень’ и некоторых других.) Обращает на себя внимание то, что все эти реалии – жесткие металлические изделия, что важно для реконструкции семантического компонента ‘жесткость’ у общеславянского *grivъna. Наиболее же значимый вывод, который может быть сделан из наблюдений над теми из его современных продолжений, которые сохранили связь со сферой соматических значений и противопоставлений, состоит в том, что обобщенное значение ‘украшение в виде несомкнутого кольца’ связано не только с ‘шеей’ (хотя, ввиду деривации от *griva ‘задняя часть шеи, шея’, в первую очередь – с ней), но также и с ‘плечом’, ‘грудью’ и даже ‘запястьем’. Таковы, с одной стороны, болгарское и македонское grivъna ‘запястье [украшение], браслет, кольцо’, а с другой – рус. диал. grivъna ‘вставка на плече рубашки’, grivънка ‘обвислая голая кожа в морщинах, под шеей и на груди быка’ (В. И. Даль) и grivънка ‘плечевой шов’.

Что касается запястного украшения, то его основным обозначением с балто-

¹ Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7 (*golvašъ — *gyžati) / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1980. С. 129–130.

² Юлиус Покорный (*Pokorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, 1959. Bd. 2. S. 475–476) восстанавливает и.-е. *g^ur-ī-cā ‘шея, область горла’ (‘Hals, Schlundgegend’) как производное основы *g^uer(ə)- ‘глотать, глотка’ (‘verschlingen, Schlund’) на основании др.-инд. *grīvā- и авест. grīvā- ‘шея, затылок’, а также общеславянского *griva ‘грива’ (‘Mähne’); сюда же он (по данным словаря Мюленбаха–Эндзелина: *K. Mülenbacha Latviešu valodas vārdnīca / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Rīga, 1923–1925. I. sēj. Lp. 658*) отнес латыш. grīva ‘устье реки; участок суши между соединяющимися реками’ (‘Flußmündung; Dreieckland zwischen Flüssen’) и grīvis ‘высокая трава’ (‘langes Gras’). Архаичную семантику сохраняют индоиранская и общеславянская форма, латышская же (без литовского соответствия!) семантически вторична (о последней см. также: *Невская Л. Г.* Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972. С. 327; *Дамбе В. Ф.* Географические термины в топонимии Латвийской ССР // Вопросы географии. Вып. 81: Местные географические термины. М., 1970. С. 131; *Semyonova M. F.* On Russian-Latvian Language Contacts // Acta Baltico-Slavica. Vol. VI. Białystok, 1969. P. 26).

славянского времени было слово **obrǫčь* ‘обруч’ (от **rǫka* ‘рука’), в значении ‘украшение нижней части руки’ в современных славянских языках повсеместно утраченное, но хорошо сохранившееся в балтийских языках (лит. *apì-rankis*, *apù-rankè* и латыш. *ap-rùose* ‘украшение запястья’ при лит. *rankà* и латыш. *rùoka* ‘рука, hand’). Трудно сказать, скрываются ли за толкованиями болгарских и македонских форм *грівна* и *грїбна* (также болг. *грїмна*, *грївн’а*, *грїбн’а*, *грїмн’а*) ‘браслет, запястье (украшение)’ и сербскохорватского *грівна* ‘браслет’ в южнославянском ареале *только* запястные украшения, а не запястные и плечевые *в равной степени*: дело в том, что в культурах поздней древности и раннего средневековья первые в тенденции противопоставлялись вторым как мужские — женским (как лат. *armilla* ‘воинское плечевое украшение в виде массивного кольца’ от *armus* ‘предплечье, рамо’, перс. *bāzūband* ‘плечевой браслет’ от *bāzū* ‘предплечье, рамо’ и др.). К сожалению, следы этого противопоставления практически нигде не фиксируются современными словарями обычного типа. Так или иначе, для ранних славянских диалектов болгарско-македонской и балканской зон у слова **grivьna* как украшения вполне может быть реконструировано именно значение ‘плечевой, раменный браслет’ – вторичное по отношению к значению ‘жесткое шейное украшение’, но имеющее общеславянскую древность. На ‘плечи, рамена’ указывают и приведенные выше русские диалектные данные: *грівна* ‘вставка на плече рубашки’ и *грівенка* ‘плечевой шов’; плечевые украшения одежды вообще функционально сопоставимы с плечевыми украшениями ювелирного убора. Можно заметить, что эта *плечевая гривна* (в противоположность *ожерелью* и *огорлюю*) не имеет второго значения ‘воротник’, которое закономерно ожидалось бы в связи с первичностью ‘шейной’ семантики древнерусской гривны, как элемента ювелирного убора.

‘Весовое’ и ‘денежное’ значение у продолжений общеславянского **grivьna* фиксируются, помимо восточнославянского ареала, в южнославянском (сербскохорв. *грівна* ‘денежная единица’, словен. *grivna* ‘денежная единица, марка’) и западнославянском ареалах (ст.-чеш. *hřivna* ‘марка’, чеш. *hřivna* и словацк. *hrivna* ‘денежная весовая единица (золота, серебра)’, верхнелужицк. *hriwna* ‘марка (монета)’, польск. *grzywna* ‘денежный штраф; единица веса серебра’). Налицо общеславянский

возраст этого значения — т. е. не позднее VI–VII вв. (время закрепления славян на Балканах и в Центральной Европе).

Таким образом, фиксируются два ареала, в которых продолжения общеславянского **grivъna* сохраняют полную омонимию значений ‘шейное украшение’ : ‘весовая единица’ – это славянский Запад (словенский и чешский языки) и славянский Восток (древнерусский язык). Эта омонимия также должна быть датирована общеславянским временем. Для славянского Юга (будущие диалекты болгарско-македонской зоны) аналогичную омонимию следует усматривать в паре ‘раменное украшение’ : ‘весовая единица’.

На основании сказанного можно сделать следующий вывод: ко времени славянской экспансии за Дунай (конец V в.) обозначение славянской ‘весовой гривны₂’ было связано отношением омонимии с ‘гривной₁’ как *общим обозначением* массивных шейных и наплечных колец. Для обозначения последних слово **obrъčъ* ‘украшение запястья’ не должно было тогда употребляться по той причине, что **rъka* ‘рука’ в балто-славянском обозначала в первую очередь ‘нижнюю часть руки’ (англ. *hand*) и лишь позднее — также и ‘руку целиком’ (этимологически **rъka* связана с глагольным корнем со значением ‘хватать, собирать’, продолжающемся в лит. *riñkti* ‘собирать’). Значения ‘шейное кольцо’ полностью (и, видимо, давно) утратилось в южнославянском ареале, а ‘наплечное кольцо’ — во всех остальных, что естественным образом объясняется утратой соответствующих культурных реалий.

Оба реликтовых обозначения ‘шейного украшения’ в говорах общеславянского языка – **grivъna* и **monisto* — являются суффиксальными производными от индоевропейских корней со значением ‘шея’ (о **griva* ‘задняя часть шеи’ см. прим. на с. 164). Образование **monisto* морфологически разложимо только на и.-е. уровне (к и.-е. **monī-* ‘шея’); есть основания реконструировать для него значение ‘мягкое шейное украшение’. Обе эти лексемы противопоставлены описательным префиксальным производным **obrъčъ*, **obžerdlъkъ*/**obžerdlъje*, **obgъrdlъkъ*/**obgъrdlъje*/**obgъrdlica*, **našъjъkъ*/**našъjъnikъ*, до сих пор словообразовательно и семантически прозрачным во многих славянских языках. Они имеют надежные

словообразовательные соответствия в балтийских языках (помимо уже приводившихся выше лит. *apì-rankis*, *apý-rankè* и латыш. *ap-rùose* ‘украшение запястья’, ср. также лит. *aĩtkaklè* ‘шейная гривна’, *aĩtkaklis* ‘ожерелье’) и в балто-славянской перспективе являются инновационными. Обращает на себя внимание следующее. Во-первых, **grivьna* и **monisto* не имеют балтийских соответствий (за исключением изолированных латыш. *grīva* ‘устье реки; участок суши между соединяющимися реками’ и *grīvis* ‘высокая трава’ с давно утраченной соматической семантикой, но имеющими многочисленные восточнославянские параллели в сфере геоморфологической и ландшафтной лексики). Во-вторых, только архаичное **grivьna* связано с «денежно-весовой» семантикой, а инновационные славянские **obrъць*, **obžerdlъкъ*, **obgьrdlъкъ*, **našьjъкъ* и прочие не обнаруживают такой связи. Последнее относится и балтийским названиям шейных украшений, судя по всему, не только никогда не связывавшихся с «денежно-весовой» сферой, но и не обнаруживавших такой тенденции.

Все это заставляет усматривать в слове и концепте **grivьna* ‘гривна₂’ культурный факт, относящийся не к основному массиву фактов балто-славянской эпохи (конец I тыс. до н. э. — первая половина I тыс. н. э.; здесь нет возможности подробно останавливаться на обосновании этой датировки), а к более раннему времени, когда поздние индоевропейские диалекты лесной зоны Восточной Европы (будущие балто-славянские) были в несколько большей степени изолированы друг от друга. Таким временем взаимной изоляции являются эпоха бронзы и ранний железный век.

За рамками нашего рассмотрения остались типологические обоснования изложенной выше точки зрения — не в последнюю очередь по той причине, что сравнительный материал для таких обоснований сам по себе требует уточняющих филологических исследований, которые целесообразнее провести отдельно. И все же одну — безусловно, самую яркую — параллель здесь упомянуть совершенно необходимо. Эта параллель — др.-инд. *niṣkā-* 1. ‘шейная гривна’; 2. ‘весовая единица золота’. — не отмечена в известной мне историко-нумизматической литературе (не только русской, но также инославянской), хотя, как это нередко случается,

в научный оборот она была введена еще в XIX в. Речь идет о названии золотой денежной единицы Древней Индии — *niṣka-*, омонимичном и вторичном по отношению к древнеиндийскому же названию золотой шейной гривны — *niṣkā*¹. В значении ‘гривна₁’ *niṣkā* известна более чем в полутора десятках контекстов ведийской и брахманической литературы; в значении ‘весовая единица золота’ — в несчетном количестве более поздних контекстов. В соответствующей статье «Большого Петербургского словаря» Отто Бетлингга и Рудольфа Рота имеется глухая отсылка² к русской денежной гривне₁, до наших дней должным образом не прочтенная, не оцененная и не усвоенная³. Между тем, сопоставление поразительно сходных и внешне аналогичных древнерусской и древнеиндийской ситуаций, позволяет не только обосновать естественность семантического развития ‘гривна₁’ > ‘гривна₂’ в праславянском, но и по-новому взглянуть на хронологию и социально-экономические аспекты динамики этих же категорий в культурах ведийских ариев и ранних индийских княжеств.

Дело в том, что в индологической традиции до сих пор не вполне разрешен вопрос о том, когда и какими путями из драгоценной нишки₁ категоризовалась весовая, платежная и монетная нишка₂. Так, Г. Ф. Ильин пишет, что «до середины I

¹ Ср.: «Beim *niṣkā-* m. handelt es sich um einen silbernen oder goldenen Halsreif aus Edelmetall, dessen enden nahe beieinander liegen. <...> Man ist an die keltischen *torques* ja noch mehr an die slawischen *grivna* erinnert, zumal solche Halsreifen auch in Indien als Währungseinheit dienten» (*Rau W. Metalle und Metallgeräte im vedischen Indien. (Akademie der Wissenschaften und Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1973. N 8) Mainz; Wiesbaden, 1974. S. 52–53*). Я глубоко признателен П. Б. Лурье, указавшему мне на эту небольшую, но исключительно ценную и содержательную книгу.

² Можно не сомневаться в том, что эта отсылка принадлежит именно Бетлинггу: он родился (в 1815 г.) и учился в Петербурге, а в 1855 г. был избран ординарным академиком Императорской Академии наук. В годы его молодости и зрелости ‘денежное’ значение слова *гривна* было в разговорном русском языке единственным (см. примеры из «Мертвых душ» Н. В. Гоголя и «Обломова» И. А. Гончарова в: *Макаров В. И., Матвеева Н. П. Словарь лексических трудностей художественной литературы. Киев, 1989. С. 84*).

³ Зафиксированы в точности те же два значения, что у и др.-рус. гривна: «**niṣkā-** <...> 1) m. n. ein goldener Hals- oder Brustschmuck <...> — 2) m. n. ein goldener Halsschmuck von bestimmten Gewicht (das mit dem Zeit variirt) und die Stelle von Geld vertritt (vgl. гривна)» (*Sanskrit-Wörterbuch / Herausgegeben von der kaiserl. Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth. 4. Theil. SPb., 1865. Sp. 241*). Те же самые толкования находим в другом авторитетнейшем словаре санскрита: «a golden ornament for the neck or breast; a golden ornament of a certain weight, used as money; a weight of gold varying in value in different times» (*A Sanskrit-English dictionary, etymologically and philologically arranged... / By M. Williams. Oxford, 1872. P. 506c*). Первое значение представлено также в архаичных композитах *niṣkā-grīva-* и *niṣkā-kaṇṭhī* ‘носящий/носящая на шее золотое украшение’ и в атрибутиве *niṣkin-* с тем же значением.

тысячелетия до н. э. роль денег играли коровы, а также наиболее употребительные золотые шейные украшения — *нишка*»¹. Согласно противоположному взгляду Р. Ш. Шармы, они были «золотыми изделиями, использовавшимися высокопоставленными людьми в качестве символов престижа и респектабельности. <...> Очень сомнительно, чтобы в ведийский период ее [нишку] применяли как средство обмена в сделках купли-продажи»². Точка зрения индийского историка, по которой «такие предметы из драгоценных металлов, как *нишка* <...>, использовались, вероятно, для обмена „престижными“ товарами», оказываясь атрибутом натурального обмена³, выглядит, признаться, несколько странно. Негативная оценка *нишки* как *формы*, а золота — как *средства* обращения вытекает из разработанной видным индийским историком марксистски ориентированной концепции типов собственности и оборота материальных благ в обществе ведийских ариев, но противоречит, в частности, тому факту, что именно ‘золото’ (др.-инд. *hirana-*, *hiranya-*, *svarna-*, *suvarṇa-*) вне зависимости от форм его обращения категоризовалось в языке индийской цивилизации в качестве древнейшего обозначения ‘денег’ вообще (др.-инд. *hiranya-*) и в качестве наиболее распространенного названия ‘золотой монеты’ (др.-инд. *suvarṇa-*)⁴.

Конечно, процесс перехода ведийских ариев от товарного (товарно-ориентированного) к монетному обращению не может быть описан без пристального анализа большой совокупности текстовых и археологических источников⁵ (здесь такая задача ставиться не может, а само исследование еще предстоит), но ясно, что этот анализ может быть значительно обогащен привлечением европейского сравнительного материала, в нашем случае — истории праславянской гривны_{1→2}.

Наконец, несомненный интерес в плане типологии нумизматико-метрологи-

---

¹ Ильин Г. Ф. Материальные основы древнеиндийской культуры // Культура древней Индии. М., 1975. С. 53.

² Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество / Пер. с англ. М., 1987. С. 433–434.

³ Там же. С. 360–361.

⁴ В типологическом плане ср. др.-рус. монетный номинал *злато* и тюрк. номинал *altun*: оба слова имеют первичное значение ‘золото’.

⁵ К сожалению, у меня до сих пор не было возможности познакомиться с последней обобщающей публикацией на эту тему: Bhatt S. K. Nishka – the Rig Vedic money. Studies in proto-numismatics in India. Indore, 1998.

ческих ситуаций представляет и особая платежно-весовая категория древней Центральной Европы, реконструируемая на основании

- (1) прибалтийско-финского обозначения ‘весового фунта’ — **nakla* (его продолжения известны во всех прибалтийско-финских языках) и
- (2) его германского источника (общегерм. **naylaz*),
- (3) названия древнегреческой мелкой весовой и платежной единицы — *обола* (ὀβολός/ὀβελός, шестая часть весовой и платежной драхмы) и
- (4) ‘весовой и платежной единицы британцев’ из «Записок о Галльской войне» Г. Юлия Цезаря (лат. *tālĕa ferrĕa* ‘железный колышек, железный пруток’).

Указать на этот материал важно в первую очередь по той причине, что эта единица — *весовой и платежный «гвоздь»* — категоризовалась в кельтском (и далее — в германском и прибалтийско-финском) и будущем греческом ареале точно таким же путем, что и общеславянская гривна₂ — из предметной категории с обобщенным значением ‘кол, гвоздь, штырь, стержень, вертел’ (эти предметы служили одной из форм обращения весового железа).

Сказанное выше может обобщено следующим образом.

1. Древнерусские платежные гривны₂ в основе своей являются весовыми единицами — гривнами₂ серебра, выступавшими в нескольких весовых стандартах и формах обращения (монеты, металлический лом, слитки), а также счетными меховыми единицами (гривнами₂ кун, соболей, драниц). В IX–XIV вв. их метрологическая динамика определялась торговыми связями, внутренними экономическими процессами, культурными влияниями и локальными традициями восточноевропейских обществ — исходно скандинавской *руси* (рӯсов), славян и неславянских народов. С точки зрения славянского населения и славянских языков Восточной Европы древнерусские весовые гривны₂ являлись продолжением общеславянских весовых гривен₂, вероятно, претерпевших в эпоху викингов (вторая половина VIII — первая половина XI в.) метрологическую «встряску» и обновление; считать поэтому вторую половину VIII–IX в. нижним хронологическим рубежом становления древнерусских денежно-весовых систем — полностью оправданно и целесообразно.

2. Существование общеславянских весовых гривен₂, бытовавших в предшествующее время (на «дунайском этапе», VI–VII вв.), надежно документировано общеславянской лексемой *grivъna ‘гривна₂’ — фактом языка и культуры ранних славян. Очаг экспансии ранних славян за Дунай и в Центральную Европу и их исходный ареал IV в. соответствуют археологической культуре корчак в Полесье. Именно с лесной зоной Восточной Европы связаны предшествующие века истории ранних славян и именно на юге лесной зоны в раннем железном веке в процессе *категоризации* весовых стандартов металлических гривен₁ как примитивных товаро-денег выделились весовые гривны₂.

3. Товарно-денежные гривны₁ представляли собою металлические кольца простых в исполнении форм (незамкнутые, замкнутые с заходящими концами, в полтора или несколько оборотов, гладкие и орнаментированные) из бронзы и железа, реже из серебра. Эти гривны₁ являлись одновременно (1) *предметами драгоценного убора* — украшениями шеи, плеч, запястий и щиколоток, — (2) *формой обращения* и (3) *мерой* ценимого и оберегаемого металла.

4. Выделение гривен₂ как весовой категории не помешало гривнам₁ как предметной категории сохраниться до распада славянского единства и «по наследству» перейти во все славянские языки и культуры средневековья в первичном звучании (*grīcъnǎ) и круге значений (‘элемент драгоценного убора’).

1.3. Арабские источники по истории товарно-денежных систем в Восточной Европе IX–X вв.

Свод данных арабских авторов IX–X вв., приводивших оригинальные сведения о культуре народов Восточной Европы («восточноевропейский текст» арабоязычной географической традиции), позволяет документировать и реконструировать пути, характер и подсистемы восточноевропейской торговли и стратегии участия восточноевропейских обществ эпохи викингов в глобальной торговле Западной Евразии¹. Такими подсистемами оказываются торговля предметами вооружения (ка-

¹ См. из важнейшей литературы: *Калинина Т. М.* Торговые пути Восточной Европы IX века (по данным Ибн Хордадбега и Ибн ал-Факиха) // *История СССР.* [№] 4. Июль–август 1986. М., 1986. С. 68–82.

ролингскими мечами), драгоценными мехами и рабами в обмен на серебро, золото, шелковые ткани и стеклянные изделия.

Обращение прежде всего к вопросу о торговле мечами (*суйуф*), диктуется тем обстоятельством, что в предшествующей источниковедческой литературе ему уделялось недостаточное внимание. Сообщения источников указывают на то, что для восточноевропейских русов франкские мечи являлись не только обязательным предметом вооружения, но и *платежным средством* для покупки товаров восточного предложения. (Используя известное определение Аристотеля, согласно которому *платит тот, кто покупает*, мы можем говорить об этом вполне определенно). Трактовка сведений о них связана с задачами интерпретации четырех мест арабской литературной традиции классического периода (IX–X вв.), содержащих сведения о рӯсах (*ар-рӯс*) и упоминания об их товарно-денежных категориях. Имеются в виду следующие четыре памятника:

— сводная «Книга путей и государств» Абӯ-л-Кāсима ‘Убайдаллāха ибн ‘Абдаллāха ибн Хурдāдбиха (сочинение дошло до нас в сильно сокращенной версии; основной массив сведений книги восходит ко второй половине VIII – первой половине IX в.);

— сводная «Книга драгоценных сообщений»¹ Абӯ ‘Алї Ахмада ибн ‘Умара ибн Рустаха (сочинение не имеет надежной верхней даты, но в целом может быть отнесено к первой трети X в.; датировка восточноевропейских сведений книги дис-

---

Калинина Т. М. Торговые связи Восточной Европы по данным арабских ученых IX в. // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции (Москва, 19–21 ноября 1997 г.). М., 1999. С. 243–255. *Калинина Т. М.* Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М., 2000. С. 106–119. *Калинина Т. М.* Меховая торговля в Приволжском бассейне по данным арабских ученых IX–X вв. // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001. С. 194–198.

¹ *Kitāb al-’a’lāq an-naḥīsa*; слово *’илқ* (мн. ч. *’а’лāқ*), буквально означающее ‘драгоценная подвеска’ (на шейной нитке или в составе ожерелья), употреблено здесь метафорически: первоначальная композиция этого семитомного сочинения (от которого сохранился всего лишь один том) задумана как последовательность «драгоценных подвесок-сообщений», нанизанных на «нить повествования». Подобные «технологические» метафоры, строящиеся на сравнении труда литератора (в самом широком смысле, включающем поэтов, сказителей и компиляторов) с ремеслом ювелира, кузнеца, лесоруба, каменщика, ткача, плетельщика и т. п., были широко распространены в архаических и средневековых культурах.

куссионна: высказаны аргументы как в пользу раннего, в пределах второй трети IX в., так и в пользу более позднего – не ранее конца IX в. – времени их фиксации);

— повествовательная «Книга» Ахмада ибн Фадлāна (корпус авторских записей, в состав которого входят главы о рӯсах, датируется 922–923 гг.);

— монография «Наилучшее регионоведческое обозрение»¹ Мухаммада ибн Ахмада ал-Мукаддасй (ок. 945 – после 1000), первая редакция которой была завершена в 985 г.

В трех из указанных сочинений сведения о мечах рӯсов чрезвычайно кратки, а в четвертом мечи вообще упомянуты лишь вскользь, в списке товаров, экспортируемых на территорию исламского мира через Хорезм, вне явного восточноевропейского контекста, поэтому их русский характер следует лишь из того факта, что они ввозятся в Хорезм из Волжской Булгарии (вместе с драгоценными мехами).

По этим четырем упоминаниям (см. ниже соответствующие цитаты) невозможно точно и однозначно понять, о каких мечах идет речь: скудные детали не складываются в ясную картину. Для образованного читателя IX–X вв. такие умолчания были сами собой разумеющимися, ибо знания подобного типа воспринимались как общеизвестные и не требующие пояснений. Таким образом, для нас задача добиться адекватного понимания этих ценных сведений требует привлечения дополнительной информации о классификации и номенклатуре мечей.

Ключевым памятником этой «оружиеведческой» традиции, образцово зафиксированной одним из наиболее известных интеллектуалов исламского средневековья – ученым и философом Йа‘кӯбом ибн Исхāком ал-Киндй, является небольшой трактат (*рисāла* ‘послание’) «Мечи и их разновидности» (*ас-Суййӯф ва ‘аджнāсу-хā*), составленный по заказу халифа ал-Му‘тасим би-ллāха (833–842). Несмотря на то что этот трактат сохранился в трех рукописных списках, два из которых (лейденский и стамбульский) известны европейским востоковедам уже давно, его содержание было недоступно широкому кругу специалистов, поскольку памятник не

¹ *Аҳсан ат-тақāсйм фй ма‘рифат ал-‘ақālйм*; слово *тақсйм* (мн. ч. *тақāсйм*), буквально означающее ‘разделение’, является калькой с греч. ἀνάλλοσις и строго соответствует этому последнему в метаязыке арабской рационалистической науки; композит *ма‘рифат ал-‘ақālйм* буквально означает ‘знание о климатах’ (регионах мира).

был должным образом опубликован. К настоящему времени ситуация изменилась: появились критические издания – египетское ‘Абд ар-Рахмāна Закй¹ и английское Роберта Хойланда и Брайана Гилмора². Последнее сопровождается английским переводом и в высшей степени содержательным комментарием. Эти обстоятельства позволяют подойти к интересующим нас сведениям о рӯсских (и, шире, европейских, *афранджийа* или *фаранджийа*) мечах, так сказать, «во всеоружии» необходимых филологических сопоставлений.

Дальнейшее изложение строится следующим образом. Анализируются сведения о торговле рӯсов в сочинениях Ибн Хурдāдбиха, Ибн Рустаха, Ибн Фадлāна и ал-Мукаддасй. Содержащиеся в этих текстах сведения, в частности, о мечах, сопоставляются с текстом сочинения ал-Киндй, затем приводятся сведения о мечах рӯсов, славян и византийцев (*рӯмов*) из главы о железе в «Минералогии» Абӯ-р-Райхāна ал-Бйрӯнй (973–1048).

Свидетельство Ибн Хурдāдбиха о рӯсских купцах является одним из самых ранних упоминаний об этом обществе в памятниках арабской литературы, дошедших до нас. Оно выглядит следующим образом (сводный текст дается по изданиям Мишеля де Гусе и Тадеуша Левицкого³):

فأما مسلك تجار الروس، وهم جنس من الصقالبة، فإنهم يحملون جلود الخرز وجلود الثعالب السود والسيوف من أقصى صقلبة إلى البحر الرومي، فيعشرهم صاحب الروم. وإن شاءوا، ساروا في تنيس نحر الصقالبة، مرّوا بمخّليخ مدينة الخزر، فيعشرهم صاحبها. ثم يصيرون إلى بحر جرجان، فيخرجون في أيّ سواحله أحبّوا. وقطر هذا البحر خمس مائة فرسخ. وربّما حملوا تجارتهم من جرجان على الإبل إلى بغداد، ويترجم عنهم الخدم الصقالبة، ويدعون أنهم نصارى، فيؤدّون الجزية.

«Что касается пути купцов [из народа] рӯсов, [который является] одной из разновидностей славян, то они привозят бобровые меха, меха черных лисиц и мечи

¹ ас-Суйўф ва-аджнāсу-хā ли-л-Киндй / Тахқйқ ад-дуктўр ‘Абд ар-Рахмāн Закй; аҭ-таб‘а ал-ўлā. [ал-Қахира], 1421 х. / 2001 м. (Расā’ил нāдира.)

² Hoyland R. G., Gilmour B. Medieval Islamic swords and swordmaking : Kindi’s treatise “On swords and their kinds”: edition, translation, and commentary. [Cambridge, UK; Oxford, UK; Warminster, Wiltshire, UK], 2006.

³ Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny / wydał i opracował T. Lewicki. Wrocław; Kraków, 1956. T. 1. S. 76.

из самой отдаленной [страны] славян к Рӯмийскому морю, [где] государь [страны/народа] рӯмов берет с них десятину. Если они пожелают, [то] могут поехать по Танайсу – реке, [протекающей через страну] славян, и проехать Хаммалйх¹ – укрепленный город [страны/народа] хазар, [где] государь [этого города] берет с них десятину. Затем они приезжают в Джурджанское море и высаживаются на том [из] его берегов, [где] им понравится. (Береговая линия этого моря [имеет протяженность] пятьсот фарсахов.) Иногда они могут доставлять свои товары из Джурджана на верблюдах в Багдад. Их [устную речь] переводят [имеющиеся в Багдаде] слуги-славяне. [Рӯсы] претендуют [на то, чтобы считаться] христианами и [поэтому] выплачивают *джизйу*».

В сообщении Ибн Хурдādбиха рӯсы выступают в качестве мирных торговцев мехами (указываются некоторые их виды) и мечами (но без уточнений, какими именно).

Свидетельства анонимного путешественника-купца IX в. (или несколько более позднего времени), сохраненные Ибн Рустахом, представляют собой подробный комплект маршрутных схем и этнографических очерков о народах и государствах Восточной Европы². О народе рӯсов (*ар-рӯсийа*) анонимный автор сообщает среди прочего следующее:

وهم يغزون الصقالبة، يركبون السفن حتى يخرجوا إليهم، ويسبوهم ويخرجوهم إلى خزران وبلكار يبيعونهم منهم. وليس لهم مزارع، إنّما يأكلون مما يهتملون من أرض الصقالبة. وإذا ولد لرجل منهم مولود، قدّم إلى المولود سيفاً مسلولاً، فألقاه بين يديه وقال له: «لا أورثك مالاً، وليس لك إلّا ما تكسبه لنفسك بسيفك هذا». وليس لهم عقار ولا قرى ولا مزارع، إنّما حرفتهم التجارة في السّمور والسنجاب وغير ذلك من الوبر، فيبيعونه من مبتاعهم. ويأخذون بالأثمان الصامت من المال، فيشدّونه في أحقائهم. ولهم نظافة في لباسهم، ويتسوّر الرجل منهم بأسورة الذهب. ويحسنون إلى رقيقهم. ويتنوّقون في ثيابهم لأنّهم يتعاطون التجارة. ولهم مدائن كثيرة، ويوسعون على أنفسهم. <...> ولهم السيوف السليمانية. <...> ومع كل واحد منهم سيفه لقلّة أمانتهم <...>

¹ Читаю в соответствии с предполагаемым хазарским этимологом *χammaly ‘город на большой реке’.

² См. введение в проблему: *Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter : Die Ğayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ĥudūd al-‘Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī)*. Wiesbaden, 2001. (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica ; Bd. 54).

«[Рӯсы] совершают военные походы [против] славян. Они путешествуют [на] кораблях, до тех пор пока им не [захочется] взять в плен [каких-нибудь славян]. Они выходят на берег, [угоняют пленных] в Хазарāн и Булгār и [там многих из них] продают. У них нет пахотных земель, они питаются только тем, что привозят из земли славян. Когда у какого-нибудь мужчины-рӯса рождается сын, он подходит к новорожденному с **обнаженным мечом**, кладет его [младенцу] на руки и говорит: „Я не оставляю тебе в наследство денег, у тебя будет только то, что ты сам добудешь **этим своим мечом**“. У рӯсов нет постоянного имущества, деревень и пахотных земель. Поистине, единственным их занятием является торговля соболем, белкой и прочим подобным [пушным] мехом, который они продают всем желающим. Вырученные монеты они крепко держат в своих поясах. Они любят красивую одежду. Некоторые их мужчины носят на руках золотые обручи. Они берегут своих рабов и следят за своей одеждой, поскольку занимаются торговлей. У них много укрепленных городков, в которых они размещаются [для временного проживания]. <...> Они [пользуются] **сулаймāнийскими мечами**. <...> У каждого из них [с собой есть] **меч**, поскольку они не доверяют [друг другу]».

Из этого сообщения следует, что рӯсы не только купцы мехом, но и воинственные работорговцы. Как видно из обряда «мечевания новорожденных», меч оказывается символом и важнейшим инструментом жизнеобеспечения и, согласно процитированному ритуальному тексту, является единственным видом имущества, передаваемым по наследству. Однако современному читателю совершенно не ясно, что такое *сулаймāнийские мечи*: ясно лишь, что этот вид мечей был достаточно известен в Халифате IX–X вв.

Немного более развернутый, хотя по-прежнему краткий пассаж о мечах рӯсов дает Ибн Фадлāн, своими глазами видевший рӯсов на болгарском торжище на Волге осенью 922 г.:

ومع كل واحد منهم فأس وسيف وسكّين لا يفارقه جميع ما ذكرنا. وسيوفهم صفائح مشطّبة أفرنجية.

«У каждого рӯса [при себе имеются] **топор, меч и нож**, они не расстаются со всем упомянутым. Их мечи широкие (*сафā'их*), снабженные долом (*мушаттаба*),

франкские (афранджийа)»¹.

Здесь мы сталкиваемся с конкретной спецификацией, хотя и осложненной проблемами понимания терминов *дольный* (здесь: частное значение прилагательного *мушаттаб*, общей семантикой корня связанного с понятиями ‘борозда, черта, линия’) и *франкский*, за которым должен скрываться особый тип мечей, знакомый арабам в обыденной речи.

У ал-Мукаддаси² в перечне товаров, привозимых из регионов Средней Азии, читаем:

فأما تجارات، فترتفع <...> من خوارزم: السمور والسنباب وقاقون وفنك ودله الثعالب وخزبوست وخركوش ملون وبزبوست والشمع والنشاب والتوز والقلائس وغرا السمك وأسنان السمك وخزميان وكهروا والكيخت والعسل والبندق وأبوز والسيوف والدروع الخنج والرقيق الصقالبة والأغنام والبقر، كل هذا من بلغار.

«Что касается товаров, то привозят [следующее]: <...> из Хорезма: [мех] соболя, белки, куницы, фенека, мех лисицы, бобровые шкурки, заячьи шкурки разных цветов, козьи шкуры, воск, стрелы, [древесный] луб, высокие [войлочные] шапки, рыбий клей, рыбью кость, бобровую струю, янтарь, [меха/ткани типа] *кимухт*, мед, лесные орехи, соколов, **мечи и [прочее] оружие**, древесину березы, славянских рабов, овец и крупный рогатый скот. Все это [привозят] из Булгара».

Ряд элементов из этого списка документирует посредническую роль Волжской Булгарии в торговле между рӯсами и Средней Азией: это меха, рабы, янтарь и предметы вооружения, в том числе мечи.

Итак, требуется понять, что же такое «сулайманийские» и «франкские» мечи рӯсов, которые среди них высоко ценятся, которыми они ежедневно пользуются и которыми они торгуют с Багдадом, Булгаром и Хорезмом. Данные ал-Киндй позволяют убедительно ответить на эти вопросы.

Структура трактата ал-Киндй может быть описана посредством следующего оглавления-классификатора:

¹ Книга Ахмада ибн Фадлана / Пер. с арабск. и примеч. В. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки. М., 2016. С. 38.

² Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M. J. de Goeje; editio secunda. Lugduni Batavorum, 1906. Pars tertia: Descriptio imperii moslemici auctore Al-Moqaddasi. P. 324, 325.

I. Преамбула.

II. Общий раздел:

Ж. Две разновидности железа: (Ж.1) рудничное и (Ж.2) нерудничное (сталь, *фулад*).

Ж.1. Две разновидности рудничного железа: (Ж.1.1) *шабуркан* и (Ж.1.2) *нармахан*.

М.1. Три разновидности мечей из рудничного железа: (М.1.1) мечи из *шабуркана*, (М.1.2) мечи из *нармахана* и (М.1.3) составные мечи.

Ж.2. Три разновидности стали (*фулад*): (Ж.2.1) благородная сталь, (Ж.2.2) обычная сталь и (Ж.2.3) особая сталь.

М.2. Три разновидности мечей из стали: (М.2.1) *благодные мечи*, (М.2.2) *обычные мечи* и (М.2.3) *особые мечи*.

М.2.1.а. Три разновидности благородных мечей: (М.2.1.1) *йаманийские мечи*, (М.2.1.2) *калабийские мечи* и (М.2.1.3) *индийские мечи (факиры)*.

М.2.3. Две разновидности особых мечей: (М.2.3.1) *импортные мечи (импортные салманийские и импортные сарандибские)* и (М.2.3.2) *местные мечи*.

М.2.3.2. Пять разновидностей особых местных мечей: (М.2.3.2.1) *хурасанские мечи*, (М.2.3.2.2) *басрийские мечи*, (М.2.3.2.3) *дамасские мечи*, (М.2.3.2.4) *египетские мечи* и (М.2.3.2.4) *куфийские мечи*.

М.2.2. Три разновидности обычных мечей: (М.2.2.1) *обычные салманийские мечи*, (М.2.2.2) *обычные сарандибские мечи* и (М.2.2.3) *обычные белые мечи*.

М.2.2.1. Четыре разновидности обычных салманийских мечей: (М.2.2.1.1) *баханг*, (М.2.2.1.2) *расус*, (М.2.2.1.3) *обычные салманийские малые* и (М.2.2.1.4) *собственно обычные салманийские*.

М.2.2.2. Четыре разновидности обычных сарандибских мечей: (М.2.2.2.1) *обычные сарандибские собственно сарандибского производства*, (М.2.2.2.2) *обычные сарандибские хурасанского производства*, (М.2.2.2.3) *обычные сарандибские мансурийского производства*, (М.2.2.2.4) *обычные сарандибские фарсийского производства, также называемые имперскими*.

М.2.2.2.4. Две разновидности обычных сарандибских мечей фарсийского про-

изводства (имперских): (М.2.2.2.4.1) те, что несут на себе растительные и животные орнаменты и (М.2.22.4.2) простые.

М.2.2.3. Де разновидности обычных белых мечей: (М.2.2.3.1) обычные белые мечи куфийского производства (они же зайдийские) и (М.2.2.3.2) обычные белые мечи фарсийского производства.

М.1.1. Недостатки мечей из шабуркана (твердого/мужского железа).

М.1.2.а. Мечи из нармахана (мягкого/женского железа), которыми пользуются византийцы и хариджиты.

М.1.3. Две разновидности составных мечей (из шабуркана и нармахана): (М.1.3.1) франкские мечи (*ал-фаранджййа*) и (М.1.3.2) сулайманийские мечи.

М.2.1.б. Достоинства и морфологические параметры благородных мечей.

III. Раздел, содержащий более подробные описания основных разновидностей мечей.

М.2.1.1. О благородных йаманийских мечах и разновидностях, близких к ним.

М.2.1.2. О благородных калабийских мечах.

М.2.1.3. О благородных индийских мечах.

М.2.2.1. Об обычных салманийских мечах.

М.2.2.2. Об обычных сарандибских мечах.

М.2.2.3. Об обычных белых мечах.

М.1.3.1. О франкских мечах.

М.1.3.2. О сулайманийских мечах.

М.2.3.2. Об особых местных мечах.

М.1.2.б. О мечах из нармахана, которыми пользуются хариджиты, византийцы, а также индийцы.

IV. Заключительная фраза, обращенная к заказчику трактата («Таковы [сведения], которые ты повелел собрать [воедино]. Аллах знает лучше»).

Интересующие нас *сулайманийские* и *франкские* мечи рӯсов, производившиеся из композитного железа (т. е. в *технике пакета*), занимали присущее им место в классификации мечей арабского мира.

Эксерпты из текста ал-Киндй *in extenso* (опущены фрагменты, избыточные

для нашей темы). Заголовок сочинения — более позднего происхождения. Текст не разделен на главы, тематическое разделение следует решениям Р. Хойланда.

رسالة يعقوب بن إسحاق الكندي إلى بعض الخلفاء في جواهر السيوف. أمر مولانا الإمام أن أرسم أوصاف السيوف بقول يعم أجناسها. وقد رسمت أطال الله بقاءك في كتابي هذا جميع ما سألت عنه من أمرها مع الفراسات الكاشفة عن أسرارها والمخرجة في علم وأجناسها والقواطع والكل منها بقدر ما بلغه علمي وأحاط به فكري وبالله التوفيق. اعلم أن الحديد الذي تطبع منه السيوف ينقسم قسمين أوليين: إلى المعدني وإلى الذي ليس بمعدني. والمعدني ينقسم قسمين: إلى الشابرقاني، وهو المذكر الصلب القابل للسقي بطباعه، وإلى الزماهن، وهو المؤنث الرخو الذي ليس بقابل للسقي بطباعه. وقد يطبع في كل واحد من هذا الحديد مفرداً ومنهما معاً مركبين. فجميع أنواع السيوف المعدنيّة ثلاثة: الشابرقانيّة، والزماهنيّة، والمركبة منهما. وسنحدها نوعاً نوعاً، ونأتي على جميع ما يلزم الحاجة إليه من وصفها في موضع ذلك، إن شاء الله. فأما الحديد الذي ليس بمعدني، فهو الفولاذ، ومعناه المصفي. ويصنع من المعدني بأن يلقي عليه في السبك شيء يصفيه، يشدّ رخاوته، حتى يصير متيناً لدناً، يقبل السقي، ويظهر فيه فرنده. وهذا الفولاذ ينقسم إلى ثلاثة أقسام: إلى العتيق، والمحدث، وإلى لا عتيق ولا محدث. وقد تطبع من هذه جميعاً السيوف. فأنواع السيوف الفولاذيّة ثلاثة: عتيق، ومحدث، ولا عتيق ولا محدث. <...> والعتيق ينقسم <إلى> ثلاثة أقسام: أولها وأجودها اليماني، ثمّ ثانيها القلعي، ثمّ ثالثها الهندي، وهو المسمى الفاقرون. فأما التي ليست بعتيقة ولا محدثة، فتقسم قسمين: أحدهما المسمى عند الصياقلة غير مولّد، وهي سيوف تطبع باليمن من الحديد السرنديبي، والسلماني، فيقال غير مولّد السلماني وغير مولّد السرنديبي، وتسمى المعتوقة لأنها تعمل من السرنديبي والسلماني الصغار أعنى الدقاق، فتعتوق عرضها أعنى تعرض، ويحكي بعها اليماني، فتسمى معتوقة. <...> <والسيوف> الفرنجيّة عراض الأسافل، دقاق الرؤوس في قد اليمانيّة العتق بشطبة واحدة عريضة في وسطها كالنهر الظاهر. وجوهرها شبيه بصنعة غريب الثياب الطبري وتركيب جلق الدرع أبيض الوشي أحمر الأرض بعد الطرح لا يظهر منها شيء. <و> في صدورها أهلة محشوة بشبة أو بذهب أو صليب محشو كذلك <بشبة أو ذهب>. ومنها ما في أحد تركيبه ثقب قد عمل فيه مسمار ذهب أو شبة. وربّما كان ذلك المسمار في اليمانيّة العدلي مسماراً أيضاً بالذهب في تركيبه أو طرفه. وله حدة تشبه الداسكتين مما يلي الشطبة لا يخرج فيه فرند. والشطبة مقصرة عن طرف الذباب بقدر ثلاث أصابع وأقل. وله شبيه. بالثقب في <تلك>

الثلاث أصابع <وفي تلك الثلاث أصابع> لا يظهر لها فرند وهي أحرط رؤوساً من اليمانية. فأما <السيوف> السليمانية فإن حديدتها على مثال حديد الفرنجي إلا أنه أصفر وشياً وأجلى وأغرب صنعة. وأول السيف وآخره مستويان ليس بمخروط. فإن دق الرأس عن الأسفل فقليل ما. وليس فيه تمثال ولا صليب. وسيلاناتها تشبه سيلانات اليمانية. وكذلك سيلانات الفرنجية <إلا أن الفرنجية> أوفر سيلانات وجميع معانيها سواء.

«Послание Йакуба ибн Исхака ал-Кинди, [преподнесенное] одному из халифов, [в котором говорится] о типах мечей (*джавахир ас-суйуф*).

Наш господин имам (*маула-на ал-имам*) повелел мне собрать [данные] о характеристиках мечей, которые были бы применимы [для описания] всех их типов. Поэтому я собрал для тебя, да продлит Аллах твою жизнь, в этом моем послании [все] понятия, которые раскрывают секреты [мечей] и позволяют познакомиться с их типами, будь они острые или тупые, в той степени, в которой это доступно [исходя из] моих познаний и [может] быть усвоено [посредством] моего разума.

[Тебе] следует знать, что железо (*ал-хадид*), из которого выковываются (*тутба'*) мечи, [делится] на два основных вида: рудничное (*ма'дани*) и нерудничное (*лайса би-ма'дани*). Рудничное само по себе [делится] на два вида: *шабуркан* — мужское, твердое и способное закаляться (*сакй*) при проковке, и *нармахан* — женское, мягкое и неспособное закаляться при проковке.

Мечи выковываются из любого [из этих] двух видов, а также из обоих видов одновременно. Таким образом, существуют три вида мечей из рудничного железа: сделанные из *шабуркана*, сделанные из *нармахана* и составные (*мураккаба*). Мы определим каждый [из этих] видов последовательно и упомянем все необходимое для их описания в своем месте, если будет на то воля Аллаха.

Что [касается] нерудничного железа, то это сталь (*фулад*), что значит [по-персидски] 'очищенная' (*мусаффа*). Она изготавливается вручную (*йусна'*) из рудничного железа посредством добавления в нему при плавке того, что очищает его и усиливает его мягкость, чтобы оно стало [одновременно] упругим и гибким, способным закаляться и чтобы на нем появились разводы (*фиринд*).

Этот *фулад* бывает трех видов: благородный (*ал-'атик*, досл.: древний), обычный (*ал-мухдас*, досл.: традиционный) и особый (*ла 'атик ва-ла мухдас*, досл.: не

древний и не традиционный). Мечи могут выковываться из любого из этих видов. Таким образом, [существует] три вида стальных мечей: благородные (*'атик*), обычные (*мухдас*) и особые (*ла 'атик ва-ла мухдас*). [...]

Благородные мечи делятся на три категории (*аксам*): первая и самая превосходная из них — это йаманийские мечи (*ал-йаманийя*), на втором месте — кала'ийские мечи (*ал-кала'ийя*), на третьем месте — индийские мечи (*ал-хиндийя*), которые также называются *факирами* (*ал-факирун*).

Что касается особых мечей, то они делятся на две категории: первая из них называется кузнецами иностранная (*гайр муваллад*), это мечи, которые выковываются в Йемене из железа, [привозимого] из Сарандиба или Салмана (и поэтому называемые иностранные салманийские и иностранные сарандибские мечи). Эта категория мечей называется «облагороженной» (*ма'тука*), потому что они изготавливаются из сарандибских и малых — в смысле превосходно сделанных — салманийских мечей. [...]

Что касается франкских мечей (*ас-суйуф ал-фаранджийя*), что они имеют широкие клинки и превосходно сделанные навершия. Они имеют форму благородных йаманийских мечей с широким долем посередине, подобным чистой реке. Их узор напоминает облик иностранной табаристанской ткани и построен как [переплетение] колец кольчуги. Они белые по декору, красные по фону после заточки (до заточки ничего не видно). На их передних частях полумесяцы, заполненные желтой медью или золотом, или кресты, таким же образом заполненные желтой медью или золотом. Среди них попадаются такие, которые имеют насечку в каком-то месте [клинка], в которую вставлен гвоздь из золота или желтой меди. Иногда йаманийские мечи самой лучшей работы инкрустированы золотом по клинку или острию. Иногда самые лучшие йаманийские мечи также инкрустированы золотом по клинку или острию. Они имеют искривление (?), напоминающую [такое у мечей типа] дасакун, вблизи дола, где нет разводов. Дол заканчивается около острия, [на расстоянии] трех пальцев от него, и на этом участке также нет разводов. Навершия этих мечей более узкие, чем навершия йаманийских.

Что касается сулайманийских мечей, то их железо подобно железу франкских

мечей, с тем исключением, что их разводы желтого цвета, более светлые и иностранного [способа изготовления]. Верхняя и нижняя части клинка простые, без сужений. Если навершие имеет хорошо сделанное основание, на нем имеются легкие разводы. На этих мечах нет изображений или геометрических орнаментов (досл.: крестов). Характер их звона напоминает таковой йаманийских мечей. Встречаются мечи такого звона, что он даже богаче обычного, но по остальным своим качествам они они такие же (т. е. не лучше)».

Сопоставление данных ал-Киндй с «глухими» случаями словоупотребления более поздних авторов IX–X вв., позволяет установить, что рӯсы Ибн Хурдәдбиха, Ибн Рустаха и Ибн Фадлāна пользуются и торгуют мечами, сделанными из *мужского и женского железа* в технике пакетирования и относящимися к двум близким импортным разновидностям, франкской и сулаймāнийской, хорошо известным в Халифате. Приведенные ал-Киндй их характеристики хорошо коррелируют с тем, что известно (по археологическим данным) о каролингских мечах скандинавов Северной и рӯсов Восточной Европы.

В главе о железе «Минералогии» ал-Бйрӯнй находим следующие сведения¹:
والحديد، معدنه ينقسم إلى صنفين: أحدهما لين، يسمى الزماهن ويلقب بالأنوثة، والآخر صلب، يسمى الشابرقان ويلقب بالذكورة لصرامته. وهو يقبل السقي مع تأبئة لقليل انثناء. <...> ومن الشابرقان سيوف الروم والروس والصقالبة. <...> وكان الروس يعملون سيوفهم من الشابرقان والشطب في وسطها من الزماهن لتكون اثبت على الضرب وأبعد عن الكسر إذ الفولاذ لا يقاوم برد شتواتهم وينكسر في الضربة.

«[Что касается] железа, то [как] минерал оно бывает двух видов: один из них – мягкое [железо], именуемое *ан-нармāхан* и называемое женским, второй [вид] – твердое [железо], именуемое *аш-шāбуркāн* и называемое мужским из-за его твердости. Оно поддается закалке (*ас-са'й*) и не поддается ни малейшему сгибанию <...>.

Из шāбуркāна [сделаны] мечи византийцев (*ар-рӯм*), рӯсов и славян.

Рӯсы изготавливали свои мечи из [железа] шāбуркāна, а доли в средней их

¹ См.: Беленицкий А. М. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1950. [Вып.] 33. С. 139–144. *ал-Бируни*. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / пер. А. М. Беленицкого. СПб., 2011. С. 279–291.

части – из нармахана, чтобы придать им прочность при ударах и предотвратить их поломку, так как *фу́лāз* не переносит холода их зим и ломается при ударе».

Итак, ал-Бйрүнй сообщает нам тот же самый факт: что мечи рӯсов изготовлены из пакетного железа. По археологическим данным, лучше всего обобщенным А. К. Антейном¹, а в наше время — А. Н. Кирпичниковым², именно такие изделия были характерны для стран Балтийского региона эпохи викингов, откуда они и поступали на товарные рынки Халифата³.

Как мы видим, введение в научный оборот малоизвестных данных сочинения ал-Киндй позволяет значительно уточнить понимание кратких упоминаний о мечах рӯсов в памятниках арабской литературы классического периода. Сулайманийские и франкские мечи, по этим данным, — высококачественные мечи (они постоянно сравниваются с благородными мечами эталонного качества — йаманийскими), изготовленные в технике пакета из мягкого и твердого железа, обладающие узорчатой (булатной, дамаскированной) поверхностью, инкрустированной вставками желтого металла.

Возвращаясь в данным «Книги» Ахмада ибн Фадлана (после 923 г.) мы находим ценный материал о меховой торговле и работоторговле русов, приезжавших в Булгар (булгарское торжище на Волге) «по своим торговым делам»⁴ и торговавших в течение летних «ярмарок» с хорезмийскими купцам. В качестве источника по истории товарноденежных отношений и торговли наиболее важны следующие контексты:

وأجل الحلي عندهم الخرز الأخضر من الخرز الذي يكون على السفن يبالغون فيه

¹ Антейн А. К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига, 1973.

² Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. М. ; Л., 1966. Вып. 1 : Мечи и сабли IX–XIII вв. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–36). Кирпичников А. Н. Каролингские мечи на «Восточном пути» // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLIX). С. 173–178.

³ См., например, работы по этой проблеме на археологических материалах Восточной Европы, которые проводит С. Ю. Каинов: *Kainov S. Yu. Swords from Gnëzdovo // Acta Militaria Mediaevalia. 2012. T. VIII. P. 7–68. Каинов С. Ю. Начальные этапы формирования древнерусского комплекса боевых средств // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014. С. 97–101.*

⁴ Ср.: ورأيت الروسية، وقد وافوا في تجارتهم ونزلوا على نهر آتل Я видел рӯсов, прибывших по своим торговым делам и расположившихся на [берегу] реки Атил.

ويشترون الخرزة بدرهم، وينظّمونه عقوداً لنسائهم.

«Самым красивым украшением у них считаются зеленые бусы из тех бус, что [привозятся] на кораблях. Они прикладывают все усилия для обладания ими, покупают одну бусину за один дирхам и нанизывают их в ожерелья своим женщинам».

Следующий фрагмент *in extenso* показывает значение торговли и обогащения в религиозно-обрядовой практике русов. В цитируемой Ибн Фадланом прямой речи упоминаются ключевые товарные категории, которые вымениваются на серебро и золото, указаны и их счетные единицы (*шкур*ы и *голова*ы):

وساعة توافي سفنهم إلى هذا المرسى يخرج كل واحد منهم ومعه خبر ولحم وبصل ولبن ونبيد حتى يوافي خشبة طويلة منصوبة لها وجه يشبه وجه الإنسان وحوها صور صغار وخلف تلك الصور خشب طوال قد نصبت في الأرض فيوافي إلى الصورة الكبيرة ويسجد لها، ثم يقول لها: «يا رب، جئت من بلد بعيد ومعني من الجوّاري كذا وكذا رأساً ومن السمور كذا وكذا جلدًا» حتى يذكر جميع ما قدم معه من تجارتها، ثم يقول: «وجئتك بهذه الهدية»، ثم يترك الذي معه بين يدي الخشبة ويقول: «أريد أن ترزقني تاجرًا معه دنانير ودراهم كثيرة فيشتري مني كل ما أريد ولا يخالفني فيما أقول»، ثم ينصرف. فإن تعسر عليه بيعه وطالت أيامه عاد بهدية ثانية وثالثة، فإن تعذر ما يريد حمل إلى كل صورة من تلك الصور الصغار هدية وسألها الشفاعة وقال: «هؤلاء نساء ربنا وبناته وبنوه»، فلا يزال يطلب إلى صورة صورة يسألها ويستشفع بها ويتضرع بين يديها، فربما تسهل له البيع فباع فيقول: «قد قضى ربي حاجتي وأحتاج أن أكافيه فيعمد إلى عدّة من الغنم أو البقر فيقتلها ويتصدّق ببعض اللحم ويحمل الباقي فيطرحه بين تلك الصورة الكبيرة والصغار التي حولها ويعلق رؤوس البقر أو الغنم على ذلك الخشب المنصوب في الأرض، فإذا كان الليل وافت الكلاب فأكلت جميع ذلك، فيقول الذي فعله: «قد رضي ربي عني وأكل هديتي».

«Как только корабли русов прибывают к месту стоянки, каждый [рус] выходит с хлебом, мясом, луком, молоком и брагой, подходит к вертикально поставленному длинному бревну с лицом, похожим на лицо человека; вокруг этого бревна меньшие идола, а за этими идолами — длинные бревна, вертикально вкопанные в землю. Он подходит к большому идолу и кланяется ему, затем говорит ему: «Господи! Я приехал из далекой страны, у меня рабынь столько-то и столько-то голов, соболей столько-то и столько-то шкур», — так он описывает все товары, прибывшие

с ним, затем говорит: «И я пришел к тебе с этим даром!». Он оставляет принесенный дар перед этим бревном и говорит: «Я хочу, чтобы Ты ниспослал мне купца с многочисленными динарами и дирхамами и чтобы он купил у меня все, что я захочу, и не прекословил бы мне в том, что я скажу!» Затем он уходит. Если у этого [руса] трудности с продажей и время его [пребывания] затягивается, он приходит с даром во второй и в третий раз. Если [у него по-прежнему] затруднения в том, что он хочет, он приносит дары каждому из меньших идолов, просит их о заступничестве и говорит: «Это жены, дочери и сыновья нашего господа!» Он не перестает обращаться к этим идолам одному за другим, прося и моля их о заступничестве и пресмыкаясь перед ними. Бывает, что продажа идет легко и он распродает [все, что привез]. Тогда он говорит: «Мой господь исполнил мою нужду и мне следует вознаградить его!» Он берет несколько овец или коров, убивает их, раздает часть мяса, а оставшееся приносит и бросает перед большим и окружающими его меньшими идолами, а головы убитых коров или овец вешает на вертикально вкопанные в землю бревна. Когда наступает ночь, прибегают собаки и съедают все это. И говорит принесший жертву: «Мой господь доволен мной: он съел мой дар!»».

Прямая речь руса, представляющая собою последовательность заклинаний (заговоров), обращенных к господу, не оставляет сомнений в том, что центральным персонажем пантеона является бог торговли и богатства. Таким образом, сведения Ибн Фадлана позволяют констатировать высокий уровень сакрализации индивидуального обогащения и обладания ценным имуществом и денежными средствами в любой форме.

Народ ар-рус, красочно описанный Ибн Фадланом, не являлся единственным контрагентом исламских купцов в Восточной Европе IX–X вв. Мы хотели бы привести малоизвестный и совершенно не изученный как исторический источник фрагмент арабской письменной традиции, в котором в развлекательной форме (со ссылкой на рассказ анонимного купца) описывается караванный путь от Дербента до Среднего Поволжья в IX веке и сообщаются интересные сведения о торговле по нему.

В своде занимательных историй «Нишвар ал-мухадара ва ахбар ал-музакара»

(«Устная традиция, [поддерживаемая в] кружках, и рассказы, [почерпнутые в] беседах»), принадлежащего каламу арабского автора второй половины X века Абу ‘Али ат-Танухи, содержится малоизвестное сообщение о Восточной Европе, до сих пор не привлекавшее к себе внимания специалистов. Ситуация не изменилась и после публикации сокращенного русского перевода сочинения¹. Интересующее нас сообщение почерпнуто молодым ат-Танухи у катиба Абу ‘Али ал-Хасана ибн Мухаммада ал-Анбари не позднее 960-х годов и восходит к рассказу некоего анонимного купца, побывавшего в Восточной Европе, судя по хронологии *иснада*, где-то в последней трети IX века. По форме и содержанию этот рассказ в целом не представляет самостоятельного интереса: его цель сводится к морализаторству в духе этики мудрого правителя, оформленному в соответствии с традиционными лексико-фразеологическими шаблонами. По-настоящему важное значение имеет ряд вкрапленных «между делом» любопытных подробностей путешествия².

«Я отправился в [страну, расположенную] далеко за Дербентом (*Бāб ал-’Абвāб*) со [своим] товаром (*митā’*) и достиг земли (*’ард*), люди которой светлокожи (*бūd*), светловолосы (*шукр*), безусы и безбороды (*мурт*), тонки телом (*дикāк*), низкорослы (*кур*), ходят обнаженными (*’урāt*) и не имеют ногтей (*калīлū л-’азфār*). Их язык (*луга*) отличается от персидского (*ал-фāрисийа*) и тюркского (*ат-туркййа*), он непонятен. В их стране нет серебряных монет (*варик*) и золота (*’айн*), у них в обращении [только] предметы имущества (*йата’āмалūна л-’амти’а*), главным образом — овцы (*ал-’аглаб ’инда-хум ал-ганам*)».

Далее сообщается о торге между купцом и царьком (*маликом*) этого народа: купец просит за шелковую ткань в горошек большую сумму, но по отсутствию монет малик предлагает оценить каждую «горошину» в одну овцу, после чего купец, получивший за свои шелка стадо овец, благодарит малика за «мудрое» решение. Заслуживает внимания следующая подробность:

¹ *Абу Али аль-Мухассин ат-Танухи*. Занимательные истории и примечательные события из рассказов собеседников / Перевод с арабского, предисловие и примечания И. М. Фильштинского, М.: Главная редакция восточной литературы, 1985.

² Все выдержки даны в моем переводе по новейшему изданию: *Нишвār ал-мухāдара ва ’ахбār ал-музāкара* / Та’лйф ал-кадй ’Абй ‘Алй ал-Хасан б. ‘Алй б. Мухаммад ат-Танухй ал-Басрй. Тахкйк Мустафā Хусайн ‘Абд ал-Хādй. Байрūt: Дār ал-кутуб ал-’илмййа, 1424 х. — 2004 м. Дж. 2. С. 66–67.

«У [малика] было два переводчика (*тарджуманн*), с первым из которых он говорил (*йукаллиму*) на своем языке (*би лугати-хи*); тот говорил со вторым переводчиком на втором языке (*би лугати 'ухра*), а последний говорил со мной на понятном мне персидском языке (*ал-фāрисийа*)».

Итак, народ, описанный в сообщении, живет в отдаленной стране, путь к которой начинается от Дербента и проходит, скорее всего, караванным маршрутом по Волге, обладает специфическим антропологическим типом (сублапоноидным), сугубо примитивным денежным обращением (вместо металлических монет — овцы), примитивной социальной организацией типа простого вожества (имеется лидер — малик), непонятным и малоизвестным языком. На основании этих четких и выразительных деталей можно высказывать более или менее обоснованные предположения о локализации и этнической атрибуции этой страны. (Наибольшей убедительностью, на наш взгляд, обладали бы трактовки, связывающие реалии рассказа с расположенными в южной полосе лесной зоны территориями Верхнего и Среднего Поволжья, населенного в раннем средневековье волжско-финскими и пермскими группами.)

Подчеркнем важность следующих элементов сообщения: указание на отсутствие у описываемого народа в обращении денежных металлов, домашний скот как деньги и платежное средство, ценная ткань как товар спроса, включенность локального (в терминах А. В. Головнева) общества в евразийскую систему торговых коммуникаций.

Наконец, в заключительной части этого раздела мы хотели бы подробнее рассмотреть уже цитировавшийся (в связи с анализом источников о ранней истории гривны) контекст древнейшей арабской традиции — сообщение «Анонимной записки» о золотых браслетах русов. Дело в том, такие массивные браслеты с несомкнутыми или «завязанными» концами хорошо известны в восточноевропейских монетно-вещевыхкладах. Классическими следует считать находки из Киева¹, села

---

¹ Клады у Пустынно-Никольского монастыря 1851 г., в усадьбе Гребеновского 1889 г., в усадьбе Бродского 1899 г. и в усадьбе Сикорского 1913 г. См.: Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. Кат. 12; 99; 30; 13. Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014. С. 197; 256–259; 218.

Великоселецкого Полтавской губернии¹, Чернигова² и Полоцка³. По совокупности аналогий и данным контекстов наиболее ранние из таких браслетов должны быть датированы второй половиной IX — началом X в., наиболее поздние — серединой XI в. Браслет из Киевского клада 1889 г. — в точности того же типа, что и пара браслетов из Киевского клада 1913 г. — недавно экспонировался на выставке памятников древнерусского ювелирного искусства в Русском музее⁴.

Какова функциональная атрибуция золотых браслетов? Предлагаемый ниже ответ основан на сопоставлении фактов, ранее уже многократно приводившихся и анализировавшихся в публикациях, посвященных семиотике (формам реализации, семантике и прагматике) института *клятвы/роты* древнейших русов в том виде, в каком этот институт отражен в летописных текстах русско-византийских договоров X в. Наибольшее значение имеют исследования последних полутора десятилетий⁵; сюда же следует добавить новейшие рассмотрения скандинавского

¹ Клад в усадьбе Игнатко 1903 г.: *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. Кат. 38.

² Клад у Елецкого монастыря 1848 г.: *Корзухина Г. Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. Кат. 35. *Жилина Н. В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014. С. 219.

³ Клад 1984 г. на Нижнем Замке: *Еремеев И. И.* Полоцкая земля // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 292–295; *он же.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки истории и археологии Псковско-Белорусского Подвинья). (Труды ИИМК РАН. Т. 44.) СПб., 2015. С. 102–108; *Жилина Н. В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014. С. 215. Кат. 238.

⁴ *Новаковская-Бухман С.* Клады Древней Руси в собрании Русского музея. СПб., 2015. С. 8; 37. Кат. 54.

⁵ *Фетисов А. А.* Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Славяне и их соседи: XX конф. памяти В. Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья. М., 2001. С. 113–119; *он же.* Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Славянский альманах 2001. М., 2002. С. 36–46; *Stein-Wilkeshuis M.* Scandinavians swearing oaths in tenth-century Russia: Pagans and Christians // *Journal of Medieval History*. Vol. 28. 2002. P. 155–168; *Стефанович П. С.* Клятва по русско-византийским договорам X в. // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М., 2006. С. 383–403; *Введенский А. М.* Договоры Руси с греками X в.: клятва Святослава Игоревича. Проблемы интерпретации выражения «колоти яко золото» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57. СПб., 2006. С. 916–926; *Губарев О. Л.* О клятвах русов и славян // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 239–245; *Еремеев И. И.* Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки истории и археологии Псковско-Белорусского Подвинья). (Труды ИИМК РАН. Т. 44.) СПб., 2015. С. 102–108; *Роменский А.* Клятва на золоте в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием // *Ruthenica*. Вып. 13. Киев, 2016.

материала¹ и особенно — объемные синтезы Е. А. Мельниковой, выполненные в сравнительном и историко-генетическом аспектах².

Золотые браслеты как атрибут воинского убора и знак принадлежности к высшему слою дружинной аристократии до сих пор не получили общепринятой и однозначной интерпретации в свете письменных свидетельств о культуре русов IX–X вв.³ Так, Н. Г. Жилина не выделяет золотые браслеты из общей массы ювелирных изделий⁴, при том что золотых вещей IX–X вв. в Восточной Европе эпохи викингов по сравнению с серебряными известно вообще чрезвычайно мало⁵. В то же время, свою точку зрения (чрезвычайно верную) формулирует на широком сравнительном материале И. И. Еремеев: «Золотые украшения играли большую роль в обрядовой языческой жизни представителей высшей социальной страты Руси»⁶. Между тем, после сопоставлений М. Стейн-Вилькесхейс, А. М. Введенского⁷, работы Е.

---

¹ *Eriksen M. H. The Powerful Ring. Door Rings, Oath Rings, and the Sacral Place // Viking worlds: things, spaces and movement. Oxford, 2014. P. 73–87; Губанов И. Б. Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества древней Скандинавии: исследование, тексты и переводы. СПб., 2016. С. 38; 67–68; 78; 171; 190; 205.*

² *Мельникова Е. А. Заложники и клятвы. Процедура заключения договоров с норманнами // Именослов. История языка. История культуры. (Труды Центра славяно-германских исследований. Т. 2.) М., 2012. С. 114–183; она же. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // Средние века. Вып. 75 (3–4). 2014. С. 176–192.*

³ Ср., однако, важные высказывания Г. Ф. Корзухиной (*Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 54–55*) с нашими замечаниями (*Кулешов В. С. К предыстории древнерусской платёжной гривны // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. [Т.] LXI.) СПб., 2012. С. 151–174. С. 157*).

⁴ *Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014.*

⁵ *Ениосова Н. В. Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического исследования Новгородского Рюрикова Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 307–315. См. также: *Eniosova N. Viking Age Gold from Old Rus' // Cultural interaction between east and west: Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe. (Stockholm Studies in Archeology. N. 44.) Stockholm, 2007. P. 175–179.**

⁶ *Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки истории и археологии Псковско-Белорусского Подвинья). (Труды ИИМК РАН. Т. 44.) СПб., 2015. С. 104.*

⁷ *Stein-Wilckshuis M. Scandinavians swearing oaths in tenth-century Russia: Pagans and Christians // Journal of Medieval History. Vol. 28. 2002. P. 155–168; Введенский А. М. Договоры Руси с греками X в.... С. 924.*

А. Мельниковой о «клятвенных кольцах» скандинавов и русов эпохи викингов¹ и глубоких и убедительных комментариев И. И. Еремеева к фрагментированным предметам из Полоцкого золотого клада 1984 года² имеются все основания считать вопрос о значении и функциях таких золотых браслетов полностью решенным. Искомое решение обосновывается на пути мелких уточнений к выводам, сделанным Е. А. Мельниковой в заключительных абзацах ее статьи и И. И. Еремеевым в соответствующем месте его монографии.

В летописных текстах интересующая нас категория вещей обозначена двумя способами. Прочитируем в этой связи наблюдение Г. Ф. Корзухиной: «Впервые термин *обруч* встречается в „Повести временных лет“ в договоре Игоря с греками в 945 г. <...> Термин *обруч* в данном контексте мог обозначать как шейную гривну, так и браслет. Из дальнейшего текста „Повести временных лет“ видно, что эти обручи были золотыми»³.

Речь идет о следующих местах (по тексту Лаврентьевской летописи, в нашем переводе): «А некрещеные русы снимают свои щиты, обнаженные мечи, *обручи* и другие предметы вооружения и клянутся соблюдать все, о чем написано в этом списке. <...> На следующий день Игорь призвал послов и пошел [с ними] на холм, где стоял [идол] Перуна. Сняв предметы своего вооружения, щиты⁴ и *золото*, Игорь и его люди поклялись»⁵. Первое место относится к принесению клятвы в Константинополе, второе — в Киеве.

Я полагаю, что вопрос о значении слова *обручь* в первом контексте должен с большим правдоподобием решаться в пользу браслетов⁶ на основании

(1) этимологии слав. **obrъčь* — описательного обозначения ‘украшения, обни-

¹ Мельникова Е. А. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // Средние века. Вып. 75 (3–4). 2014.

² Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли... С. 102–108.

³ Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954. С. 54.

⁴ В тексте — в ед. ч. *щитъ* (с утратой вертикальной черточки буквы **ѣ** перед последующей гласной буквой: *щиты* > *щитъ*), что явно требует исправления по аналогии с предшествующим контекстом и ввиду смыслового множественного числа (*Игорь и его люди*).

⁵ Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. 1.) М.: Языки русской культуры, 2001. Стлб. 53–54.

⁶ Кулешов В. С. К предыстории древнерусской платёжной гривны... С. 157

мающего нижнюю часть **руки**’, имеющего балтийские соответствия лит. *apìrankis*, *apúrankė*, лтш. *apriose* ‘то же’¹,

(2) и в соответствии с показаниями анонимного арабского источника второй половины или конца IX в. о помещении в могилу умершего русского нобиля² «его **золотого браслета**, который он носил [при жизни]»; Ибн Рустах: араб. *сивāру-ху аллазй кāна йалбасу-ху мин захаб*, Гардизи: перс. *даст.баранджйн* ‘запястный браслет’ без указания металла³.

Согласно И. И. Еремееву, «есть все основания полагать, что в описании первой клятвы, принесенной русскими послами в Константинополе в 944 г., под упомянутыми летописью „обручами“, которые полагалось по русскому обычаю снять с себя во время обряда, подразумеваются золотые браслеты, подобные украшениям из полоцкого и киевского кладов. <...> Но утверждать это с полной уверенностью мы, разумеется, не можем — ведь о материале, из которого изготовлены „обручи“-браслеты, в летописи на этот раз ничего не сказано прямо»⁴. Этот вывод требует единственного уточнения в следующем: как раз то, что *обручи* были именно *золотыми*, мы можем утверждать с полной уверенностью и определенностью, ибо такова точка зрения составителя ПВЛ, внесшего данные о договоре Игоря с византийцами и его клятве в летописный текст. Упоминания *обручей* и *золота* входят в памятнике в единый текстовый блок: в Лаврентьевском списке, например, их разделяют всего лишь 22 строки на одном листе.

Таким образом, золотые браслеты в XI–XII вв. назывались по своей форме и месту ношения — *обручами*. Однако уже во втором из приведенных летописных контекстов такие браслеты названы просто *золотом*. Тот же самый способ обозначения налицо и в следующем фрагменте (договор Святослава Игоревича с византийцами 971 г., текст клятвы, в моем переводе): «Если же мы нарушим [какие-то] из вышеупомянутых [обязательств], да буду я, мои [дружинники] и мои [вассалы] прокляты богом, в которого веруем <...>, расколоты, как *золото*, и зарублены сво-

¹ Там же. С. 164–165, где можно найти прочую литературу.

² Ибн Рустах: араб. *ал-джалил мин-хум* ‘один из их благородных [мужей]’; Гардизи: перс. *мард-ē бузург* ‘один из больших мужей’.

³ Кулешов В. С. К предыстории древнерусской платёжной гривны... С. 157–158, примечание.

⁴ Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли... С. 105–106.

им [же] оружием», т. е. расколоты, как *золотые браслеты* (ср. др.-исл. *gullhringar* ‘золотые кольца’).

Всестороннему анализу летописного выражения *колоти яко золото* посвящена специальная статья А. М. Введенского¹, в которой, однако, недостаточно полно проведена следующая линия рассуждений: что *золото* здесь следует понимать в первую очередь как ‘золотые предметы’, и лишь во вторую — как ‘золото вообще’². Правдоподобна реконструкция прототипа *χρυσός ‘золото’ — с теми же значениями ‘золото; золотые предметы’³ — или (менее ожидаемо) *τὰ χρυσία ‘золотые изделия’ в греческом оригинале договора.

И. И. Еремеев пишет по этому поводу следующее: «У археолога, хорошо знакомого с практикой использования а Руси и в Скандинавии золотых украшений, возникает вопрос: не следует ли нам действие *колоти золото* воспринимать буквально в смысле ‘разрубать, раскалывать’ золото?⁴ Ведь, сопоставив, формулировки всех клятв, можно догадываться, что речь идет именно о золотых кольцах — браслетах и, вероятно, гривнах. Представителями дружинной верхушки они носились на теле и играли роль оберегов, приравниваясь к защитному вооружению. Эти украшения, как и щиты, положено было слагать с себя на время принесения клятвы. В том, что киевский князь и высокопоставленные члены его свиты, расплачиваясь с приближенными, за свою жизнь разрубали (кололи) множество золотых колец — не может быть никаких сомнений. Вряд ли следует сомневаться и в том, что в представлениях русов-язычников, превращаясь в обычное средство платежа, расколотое,

¹ Введенский А. М. Договоры Руси с греками X в. ...

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1: А–К. М.: Знак, 2003. (Репринт издания 1893 г.). Стлб. 996–996 sub **золото**; Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2: Д — Копье / Виноградова В. Л. (сост.). Л., 1967. С. 132–133, sub **злато 1**; Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6: зипунь — иянуарий / Бархударов С. Г. (гл. ред.). М., 1979. С. 57–58, sub **золото 3**; Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3: доброд тельно — изжечис / Аванесов Р. И. (гл. ред.). М., 1990. С. 401–402, sub **золото**.

³ Ср., например, сходное словоупотребление в известном месте у Геродота: χρύσεια ποιήματα ‘золотые изделия’ этиологической легенды скифов — плуг с ярмом, секира и фиала — в последующих строках пятикратно названы ὁ χρυσὸς ἱρός ‘это священное золото’ или просто ὁ χρυσός ‘это золото’ (Herod. Hist. 4.5.1–4.7.2; см. также: Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982. С. 100–101).

⁴ Можно добавить, что и современном русском языке *колоть* в этом значении сохранилось в выражениях *колоть дрова* и *колоть орехи*.

потерявшее свою целостность кольцо теряло и свою охранительную силу, как бы умирало. Не говорит ли нам клятва Святослава о том, что в языческом мифологическом сознании руси образу „изсеченного“, расчлененного мечом мертвого тела соответствовал образ *колотого*, рассеченного „обруча“-оберега, потерявшего свои магические свойства? Не нашел ли этот дружинный мифологический образ отражения в клятвенном ритуале? Святослав и его окружение, как мне кажется, зарекаются быть расколотыми, разрубленными, как свои золотые запястья и гривны»¹.

Продолжим линию рассуждений И. И. Еремеева конспективным сравнением контекстов, относящихся к ситуациям летописных русских клятв/рот X в., и решительно поддержим структурно-функциональный подход А. А. Фетисова². Договоримся считать сведения об этих клятвах воспроизводящими некую единую (инвариантную) структуру с нормативным набором элементов, представленную текстовыми фиксациями разной природы (древнерусская устная традиция vs. перевод с греческого) и разной полноты.

Клятва Олега («рота по русскому закону») под 907 г.: клянется оружием, Перуном («богом своим») и Волосом («скотыим богом»); налицо устная традиция в чистом виде³.

Клятва Олега под 912 г.: клянется по закону «нашего народа»⁴.

Клятва Игоря в Византии 944 г.: (а) крещеные клянются верой («да не имуть помощи ѿ Бога»), свободой («да будет рабъ въ весь вѣкъ в будушии») и жизнью, отнятой собственным оружием («да заколень будетъ своимъ вружьемъ»); (б) некрещеные снимают свои щиты, обнаженные мечи, *обручи* (браслеты) и другие предметы вооружения (т. е. браслеты прямо трактованы в одном ряду со щитами и мечами как элементы воинского комплекта) и клянются жизнью, отнятой собственным оружием («да будетъ достоинъ своимъ вружьемъ вмрети») и верой («да

¹ Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли... С. 107.

² Фетисов А. А. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Славяне и их соседи: XX конф. памяти В. Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья. М., 2001. С. 113–119; *он же*. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Славянский альманах 2001. М., 2002.

³ Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Т. 1.) М.: Языки русской культуры, 2001. Стлб. 32.

⁴ Там же. Стлб. 37.

будеть клать ѿ Бога», вставка из устной традиции: «и ѿ Перуна»¹.

Клятва Игоря на святилище Перуна: князь и его дружина снимают свое оружие, щиты, *золото* и клянутся².

Клятва Святослава в Доростоле в 971 г.: клянутся верой («да имѣемъ клатву ѿ Бога въ его же вѣруемъ»), вставка из устной традиции: *в Перуна и в Волоса, скотья бога*), сакральными кольцами и жизнью, отнятой собственным оружием («да будемъ колоти яко золото и своимъ вружемъ да исѣчени будемъ»)³.

Ритуал имеет обычную трехчастную структуру:

- (1) прибытие на сакральное место,
- (2) чтение перечня обязательств, заключаемое произнесением формулы клятвы над отделенными от владельцев личными браслетами и предметами вооружения,
- (3) выход из ритуала (с надеванием снятого и оставлением места принесения клятвы).

По общим основаниям правдоподобно предположить, что произнесение клятвы одновременно должно было сопровождаться знаками невербальной связи со снятыми личными предметами (протягиванием к ним руки, ладони, пальца и/или взглядом) либо знаками подчеркнутого разрыва с ними (отворачиванием и/или закрытием глаз).

Наиболее важным представляется соответствие между элементами «вещного» плана выражения клятвы и ее нормативным текстом. В последнем налицо четыре высших ценности, утрата которых понимается как тяжелейшая санкция за нарушение клятвы:

- (1) божественная благодать и ее утрата — божественное проклятье (настойчивые упоминания имен Перуна и Волоса добавлены из устного предания; в греческих оригиналах договоров 944 и 971 гг. здесь, несомненно, читались только ὁ Θεός ‘Бог’ и/или ὁ Κύριος ‘Господь’: ср. др.-сканд. рунич. **guf** ‘Бог’ на многочисленных монетных граффити эпохи викингов);

¹ Там же. Стлб. 53.

² Там же. Стлб. 54.

³ Там же. Стлб. 73.

(2) свобода и ее утрата — вечное рабство (с пометкой, что этим клянутся крещеные русы);

(3) целостность (физическое здоровье?) и ее утрата — уничтожение кольца (с пометкой, что этим клянутся некрещеные русы), соответствующее, по объяснению И. И. Еремеева, расчленению тела клятвopреступника;

(4) жизнь и ее утрата — смерть от собственного оружия (т. е. либо самоубийство, либо смертный приговор, приводимый в исполнение специальным лицом, контролирующим изъятие у приговоренного личного оружия и применение его для казни).

Последним двум ценностям соответствуют предметы — клятвенные кольца-браслеты, символизирующие защиту целостности, в том числе и целостности клятвы, и режуще-рубящее оружие (в первую очередь, обнаженные мечи, а также, по-видимому, топоры и скрамасаксы — араб. *сиккйн* ‘нож’) и щиты, символизирующие защиту жизни. Все эти предметы являются такими же неотъемлемыми актантами ритуала, как и сами клянущиеся. Предметные актанты клятвы (браслеты и оружие) входят в личное и сакральное пространство агентов и на время произнесения клятвы должны быть отделены от них, дабы удостоверить ритуал и служить порукой наказания за клятвopреступление.

Обратим внимание и на логику связи и последовательность введения упоминаемых ценностей, возможно, отражающую их иерархию: самое страшное, чего может лишиться клятвopреступник, — божественного покровительства, затем — личной свободы, затем — телесной целостности (подобной целостности круга и символизируемой поэтому кольцевидными предметами) и, наконец, самой жизни, причем через самую бесславную смерть — не от оружия противника, а от своего собственного. Не исключено, что свобода и целостность (здоровье) понимались как близкие или равноправные ценности: судя по тексту, они распределены в зависимости от признака ‘крещеный vs. некрещенный’ (впрочем, это может быть и позднейшая реконструкция летописца). Из описания культуры русов начала 920-х гг., принадлежащего Ибн Фадлану, мы узнаем, что свободному русу вменялось в обязанность быть физически здоровым. Вообще это соответствие мужественности

— свободы — физического здоровья нужно считать нормативным и обязательным для малых коллективов дружинного типа.

Рассматривая русские клятвы, следует обратить самое пристальное внимание на сложное переплетение реалий и фрагментов культуры X в., документированных переводными текстами и подтверждающихся аналогиями, и позднейших вставок и пояснений летописца, коренящихся в известной ему устной традиции и представлениях его эпохи.

А. Роменский предположил, что упоминание золота в контексте клятвы Святослава отражает тюрко-монгольский обычай «клятвы на золоте» (точнее все же — клятвы на воде, в которую окунают золото), и что этот «обряд <...> русы, очевидно, заимствовали у соседних тюркских народов (скорее всего печенегов)»¹. Признавая, что такое же упоминание золота (т. е. золотых браслетов) в клятве Игоря 944 г. не может быть объяснено столь же просто, автор пишет: «По нашему мнению, нельзя исключить сочетания в ритуале клятвы русов и скандинавских, и восточных, тюркских элементов, явственно проявившихся в княжение Святослава Игоревича. Варяжская клятва с помощью оружия, золотых колец или обручей в 971 г. дополнилась восточным обычаем „питья с золота“, поскольку интенсифицировались контакты с номадами, [фиксируется] их воздействие на правящую верхушку клана днепровских русов»².

Это сопоставление интересно и потенциально важно для понимания летописного выражения *золоти яко золото*, с которым оно в ряде отношений хорошо коррелирует³, но которое, вне всяких сомнений, вторично по отношению к исходному выражению *колоти яко золото*⁴. Тем не менее, объяснение А. Роменского должно быть отвергнуто по ряду причин.

¹ Роменский А. Клятва на золоте в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием // *Ruthenica*. Вып. 13. Киев, 2016. С. 145–146, со ссылкой на материал, приведенный в статье: Юрченко А. Г. Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // *Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран*. М., 2009. С. 410–423.

² Роменский А. Клятва на золоте в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием. С. 146

³ Мы согласны со следующим замечанием А. М. Введенского: «Семантика выражения „золоти яко золото“ намного глубже» [семантики выражения *колоти яко золото*] (*Введенский А. М. Договоры Руси с греками X в.* С. 926).

⁴ Там же. С. 921–926, там же историография

Во-первых, нигде в летописных текстах нет намека на присутствие в русском ритуале воды. Во-вторых, в тюрко-монгольском материале как будто бы нет примеров на сочетание клятвы золотом, оружием, божественным благом, свободой и жизнью в рамках одного ритуала. В-третьих, семантика *связи с золотом* и его актантные роли в русской и тюрко-монгольской клятве существенно различаются. «Русская стратегия» предполагает снятие золотых браслетов на время клятвы, т. е. «сакральный разрыв» с золотом как магической субстанцией и кругом как магической формой, моделирующий опасность лишиться удачи и целостности (здоровья), тюрко-монгольская же основана на символическом «питии золота», т. е. приеме его внутрь как залога приверженности истине, как опасного яда, противоядием от которого будет лишь соблюдение клятвы¹. Представляется, что это совершенно разные стратегии использования.

Таким образом, казус с русской клятвой должен быть исключен из сферы древнерусско-тюркских сопоставлений. Хочу подчеркнуть, что это в общем случае никак не отменяет справедливости тезиса о «широкополосном» тюркском (хазарском, печенежском, половецком, несколько позднее — сельджукидском) влиянии на культуру ранней руси эпохи викингов и Руси домонгольского времени.

Как убедительно показал О. Л. Губарев, в русской клятве X в. нет и славянских следов². В основе своей она чисто скандинавская³.

Итак, золотые браслеты — *обручья* и *золото* летописных текстов — являлись индивидуальной принадлежностью русских нобилей и высокопоставленных дружинников, ритуальным атрибутом принесения клятвы и элементом погребального инвентаря. В этом наборе функций они неотличимы от предметов наступательного

---

¹ В пользу именно такой трактовки имеется прямое свидетельство из текста Остяцкой шерти 1484 г. — русско-мансийского мирного договора (сторонами соглашения выступают вымичи и вычегодцы-вычегжане с одной стороны и князя югорские и кодские — с другой): «А после того всего с золота воду пили; а приговор их так же: „Кто изменить, а ты, золото, чюй“» (*Бахрушин С. В.* Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. (Научно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. Известия. Вып. 3.) Л., 1935. С. 86).

² Губарев О. Л. О клятвах русов и славян // *Stratum plus*. 2013. № 5. С. 239–245.

³ *Stein-Wilkeshuis M.* Scandinavians swearing oaths in tenth-century Russia: Pagans and Christians // *Journal of Medieval History*. Vol. 28. 2002; *Мельникова Е. А.* «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // *Средние века*. Вып. 75 (3–4). 2014.

и защитного вооружения, роль которых в клятве уже анализировалась¹.

По заключению Е. А. Мельниковой, «„обручья“, на которых языческая Русь приносит клятву соблюдать договор с Византией в 944 г., соответствуют „кольцам клятвы“ скандинавской правовой традиции. Как и Гутрум в Англии, Игорь и его воины должны были ратифицировать договор максимально значимым — в их системе ценностей — способом, каковым являлась клятва на сакральном кольце»². С этим выводом Е. А. Мельниковой и уже процитированными замечаниями И. И. Еремеева необходимо полностью согласиться.

Последнее, что хотелось бы уточнить, это ряд формулировок в принадлежащей Е. А. Мельниковой реконструкции взглядов летописца начала XII в. — редактора-составителя ПВЛ — на *обручи-золото*. Она пишет: «Однако кольцо как такое не являлось предметом вооружения, и его включение в эту категорию требует объяснения. Думается, что причиной интерпретации летописцем начала XII в., а скорее, переводчиком договора с греческого языка в конце XI в. было незнание ими скандинавской обрядовой практики столетней давности и, соответственно, отсутствие четкого представления об использованном при принесении клятвы предмете. <...> Поскольку „кольца клятвы“ могли быть различного размера и надеваться на руку, то для представителей иной культуры, видевших их воочию, было естественно воспринимать их как браслеты-украшения; для летописца же или переводчика, уже не встречавших их в реальной жизни, но описывавших клятву на предметах вооружения (мечах, щитах), было естественно связать их с браслетами-наручами, „обручьями“ их времени, которые являлись частью воинского доспеха»³.

В свете данных о хронологии наиболее поздних золотых дружинных браслетов (встречаются в кладах середины XI — первой трети XII в.: Киев 1899 г., Велюковское 1903 г., Чернигов 1848 г.), невероятно, что летописцу была малознакома

---

¹ Фетисов А. А. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Славяне и их соседи: XX конф. памяти В. Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья. М., 2001. С. 113–119; *он же*. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Славянский альманах 2001. М., 2002.

² Мельникова Е. А. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции. С. 189.

³ Там же. С. 189

эта категория предметов. Главную неопределенность вносил эквивалент, читавшийся в оригинальных текстах договоров (χρυσός ‘золото; золотые предметы’ или нечто подобное), а также столкновение устной традиции (к концу XI в. уже значительно преобразованной) об обрядовой стороне русо-византийской «дипломатии» с документально скуными и канцелярски точными греческими текстами. По существу, летописец вынужден был решать, опираясь на доступный ему круг источников, ту же задачу реконструкции исторического нарратива, которую мы — на более широкой материале — решаем в наше время. Но, повторюсь, с точки зрения функционального ряда и места в структуре ритуала, золотые браслеты в середине — третьей четверти X в. выступают как один из конститутивных элементов комплекта наступательного и защитного вооружения, а также (вновь отметим правоту И. И. Еремеев) как амулет и символическое вместилище здоровья и жизни.

ГЛАВА 2. Нумизматические источники IX–XI вв. о денежном обращении в Восточной Европе

2.1. Историографический очерк изучения денежного обращения в Восточной Европе IX–XI вв.

Денежное обращение в Восточной Европе VIII–XI вв. — традиционная тема отечественной историко-нумизматической науки, имеющая длительную историографию. Собираание нумизматических памятников началось одновременно с началом Российской империи в годы правления Петра I: первый документально засвидетельствованный клад куфических монет поступил в государственное музейное собрание — петровскую Кунсткамеру — и частично сохранился до наших дней¹.

Начало подлинно научного источниковедческого исследования кладов связано с именем академика Петербургской Императорской академии наук Х. Д. Френа²; ему же принадлежит первая сводка кладов исламских монет в Восточной Европе³. Формировавшееся Френом на протяжении десятилетий работы в Петербурге нумизматическое собрание академического Азиатского музея в своей исламской части создано в значительной степени из кладовых находок на территории европейских губерний Российской империи. Часть таких находок (к сожалению, меньшая) документирована им в небольших публикациях и рукописях, сохранившихся в архивах Петербурга.

---

¹ Кулешов В. С. О судьбе и составе Киевского монетного клада 1706 г. // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: Збірка наукових праць. Ч. 18: Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Перші (міжнародні) Ястребовські читання» (Кіровоград, 20–22 жовтня 2011 р.). Київ, 2011. С. 115–121; *его же*. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // Первые каменные храмы Древней Руси: Материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 г. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXV). СПб., 2012. С. 162–184.

² См. о нем, в частности: *Савельев П. С.* О жизни и ученых трудах Френа // Записки Археологического общества. Т. VI. СПб., 1855. С. 339–405; *Федоров-Давыдов Г. А.* Х. М. Френ — нумизмат и эпиграфист. К 200-летию со дня рождения. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV. М., 1984.

³ *Fraehn Ch. M.* Neue Sammlung kleiner Abhandlungen die muhammedanische Numismatik betreffend. Leipzig, 1844.

Преемниками Френа стали петербургские востоковеды П. С. Савельев¹ и В. В. Григорьев². Их интересы не ограничивались нумизматическим источниковедением, но включали в себя весь спектр вопросов истории исламского мира и изучения письменного наследия арабских и персидских авторов, касающегося отношений России и (широко понимаемого) Востока в эпоху средневековья³. Особое значение имеет выдвинутая ими программа исследования кладов с исламскими монетами как базового источника по экономической и политической истории древнейшей Руси, позволившая вкуче с прочтением ранних арабских свидетельств о Восточной Европе создать в середине XIX века не потерявшую своего значения до сих пор модель древнерусского политогенеза и культурно-экономической динамики⁴.

С нашей точки зрения, работы указанных авторов сохраняют свою актуальность по сей день — в меньшей степени в своей источниковой базе и в большей степени по сформулированным в них подходам, взглядам и выводам. К сожалению, труды и достижения были в XX в. почти совершенно (и незаслуженно) забыты.

Применение топографического подхода при анализе нумизматических памятников было продолжено на материале монетного обращения XI в. Б. В. Кёне, сводка которого⁵ сохраняла свое значение более века (до работ Н. П. Бауера и В. М. Потина).

В 1871 г. В. Г. Тизенгаузен опубликовал обновленный, расширенный и допол-

---

¹ См. о нем биографическую книгу: *Григорьев В. В.* Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861.

² См. о нем, в частности: *Веселовский Н. И.* Некролог В. В. Григорьева (читан в заседании Восточного отделения Археологического общества 26 февраля 1882 года). СПб., 1883.

³ *Григорьев В. В.* Об отношении России к Востоку: Речь, произнесенная исправляющим должность профессора В. Григорьевым. Одесса, 1840.

⁴ *Григорьев В.* Описание куфических монет X века, найденных в Рязанской губернии в 1839 году. СПб., 1841; *его же.* О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории. Одесса, 1842; то же в издании: *Записки Одесского общества истории и древностей.* Т. I. Одесса, 1844. С. 115–166; *Савельев П. С.* Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России и прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы в эпоху основания и утверждения Русского государства. (Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Т. 1). СПб., 1846.

⁵ *Кёне Б.* Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России // *Записки Императорского археологического общества.* Т. IV. СПб., 1852. С. 1–224.

ненный свод находок монет Халифата в водном разделе своей классической монографии по их типологии¹. Позднее, уже будучи экспертом Императорской Археологической комиссии, Тизенгаузен определял куфические клады и фиксировал их в виде списков².

Итоги работ В. Г. Тизенгаузена и его предшественников были подведены А. К. Марковым, хранителем эрмитажного Минцкабинета и крупнейшим нумизматом своего времени. Его «Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических)»³ до сего дня остается незаменимым источником и пособием для исследователей, несмотря на присущие ей недостатки (некоторую нечеткость документального изложения, неформальность представления данных, мелкие фактографические неточности). Основную и непреходящую ценность этого издания составляет введение в научный оборот значительного массива труднодоступных архивных данных, поданных в компактной и удобной для восприятия и использования форме. Кроме того, эта монография стала на многие десятилетия своего рода образцом работы в жанре составления нумизматических сводов. Принадлежат Маркову и ценные монографические статьи по отдельнымкладам⁴.

Труды специалистов XIX — начала XX века очертили круг нумизматических источников и исторических проблем, плодотворно разрабатывавшихся и позднее. Историография этого периода, ознаменованного расцветом отечественной историко-нумизматической науки, еще ждет современных исследователей⁵.

¹ *Тизенгаузен В. Г.* Монеты Восточного халифата. СПб., 1873.

² Эти материалы составляют сейчас основу нумизматического раздела дореволюционного архивного фонда ИАК, хранящегося в архиве ИИМК РАН в Санкт-Петербурге.

³ *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

⁴ Особо отметим его публикацию монет Крещено-Барановского клада начала XI века: *Марков А. К.* О кладе куфических монет, найденном в селе Крещеный Баран Спасского уезда Казанской губернии // Записки Нумизматического отделения Императорского Русского археологического общества. Т. I. Вып. II–III. СПб., 1909. С. 79–92. Этому кладу посвящены статьи: *Добровольский И. Г.* Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (б. Крещеный Баран) в Татарстане: новые данные // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.): Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001. С. 64–65; *Добровольский И. Г., Шагурина Г. Б.* Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (б. Крещеный Баран) в Татарстане: новые данные // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 246–255.

⁵ Лучший историографический очерк по этому периода см.: *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Изд. подг. П. Г. Гайдуков. (История русской науки: материалы и иссле-

Мощный толчок отечественная историко-нумизматическая наука получила после завершения Гражданской войны (1918–1922) в годы государственного и культурного строительства середины — второй половины 1920-х годов. Ведущими научно-практическими центрами стали отдел нумизматики Эрмитажа и комиссия (позднее — секция) по нумизматике и глиптике новообразованной Академии истории материальной культуры. Наиболее активными и талантливыми сотрудниками этих научных центров являлись А. А. Ильин, Р. Р. Фасмер и Н. П. Бауер.

Работы первого из названных авторов были связаны с вопросами русской нумизматики древнейших периодов¹. Н. П. Бауер специализировался по западноевропейской, византийской и древнейшей русской нумизматике.

Наибольшее внимание в контексте нашей темы привлекает фигура Р. Р. Фасмера (Richard Vasmer, 1888–1938)². Начав свой научный путь еще в Императорском Эрмитаже помощником А. К. Маркова и опубликовав работу о куфических монетах Денисовского (Переяславского) клада³, в которой он выступил как последователь направления Х. Д. Френа, В. В. Григорьева, В. Г. Тизенгаузена и А. К. Маркова, Фасмер продолжил специализацию по исламской нумизматике. Основной его интерес оказался прикован к восточноевропейским монетнымкладам и проблемам типологии и классификации исламских монет VIII–XI вв. Для стиля научной работы Фасмера, остающегося труднодостижимой вершиной восточной нумизмати-

---

дования. Вып. II.) М., 2014. С. 24–25, 37–38. Отметим здесь также имена А. А. Куника и И. И. Толстого — авторов, наследие которых в области источниковедения древнейших русских монет невозможно переоценить. Исчерпывающий анализ их работ дан в историографическом разделе монографии: Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983.

¹ Им изданы своды находок платежных слитков (Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. (РАИМК. Труды нумизматической комиссии. Вып. I.) Петербург, 1921) и кладов с древнерусскими монетами (*его же*. Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода. РАИМК. Труды нумизматической комиссии. Вып. V.). Л., 1924); работу над их подготовкой он начал еще до революции. Обновленный свод слитков был позднее издан (на немецком языке) Н. П. Бауером в двух частях: *Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters // Numismatische Zeitschrift. Bd. 62, Wien, 1929; Bd. 64. Wien, 1931.*

² О нем: *Свердлов М. Б.* Р. Р. Фасмер — исследователь восточной нумизматики // *Народы Азии и Африки.* 1973. № 6. С. 216–218.

³ *Фасмер Р. Р.* Куфические монеты Переяславского клада // *Известия Императорской археологической комиссии.* Вып. 51. Петроград, 1914. С. 17–66.

ки в России и в мире, характерно тесное переплетение задач фиксации монетных комплексов и типологического определения монет с вопросами источниковедения истории исламских государств, династий и регионов, отраженных в памятниках нумизматики и арабоязычной историографии¹. В даже еще большей степени, чем Х. Д. Френ, Фасмер виртуозно привлекал факты арабской письменной традиции для прояснения вопросов нумизматической истории городов (монетных дворов), династий (эмитентов) и государств (регионов чеканки) ‘аббасидского и постаббасидского времени. Эти факты оказываются необходимы для максимально точного определения монет в восточноевропейском обращении эпохи викингов. Не случайно самые ценные публикации Фасмера посвящены вопросам типологии монет и истории малоизвестных династий². Документальное направление в его творчестве представлено сводками кладовых находок и информационными сообщениями³. Что касается аналитических сводок, то их материал как бы «растворен» в комментариях к анализу отдельных кладов⁴.

---

¹ *Фасмер Р. Р.* Новые приобретения Эрмитажа в области куфической нумизматики // Известия РАИМК. Т. III. Л., 1924. С. 305–328; *он же.* К нумизматике халифов // Записки коллегии востоковедов. Вып. V. Л., 1931. С. 451–480; *Vasmer R.* Die Eroberung Tabaristāns durch die Araber zur Zeit des Chalifen al-Mansūr // *Islamica*. Vol. III. Fasc. 1. Leipzig, 1927. S. 86–150.

² *Фасмер Р. Р.* О монетах Волжских Болгар X века // Известия Общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXXIII. Вып. 1. Казань, 1926. С. 29–60; *он же.* О монетах Саджидов // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Вып. 5. Баку, 1927. С. 22–51; *Vasmer R.* Beiträge zur muḥammedanischen Münzkunde. II. Über die Münzen der Wolga-Bulgaren. I. Die Münzen der Abū Dā’udiden. II. Über die Münzen der Wolga-Bulgaren // *Numismatische Zeitschrift*. Bd. 58. Wien, 1925. S. 49–84. *idem.* Zur Chronologie der Ġastāniden und Sallāriden // *Islamica*. Vol. III. Fasc. 2. Leipzig, 1927. S. 165–186; *idem.* Zur Geschichte und Münzkunde von ‘Omān im X. Jahrhundert // *Zeitschrift für Numismatik*. Bd. XXXVII. Heft 1/4. Berlin, 1927. S. 274–287; *idem.* Über die Münzen der Šaffāriden und ihrer Gegner in Fārs und Ĥurāsān // *Numismatische Zeitschrift*. Bd. 63. Wien, 1930. S. 131–162; *idem.* Zur Münzkunde der Qarāḥāniden // *Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin*. Jahrgang XXXIII. Abteilung II: Westasiatische Studien. Berlin, 1930. S. 83–104.

³ *Фасмер Р.* Васьковский клад // Восток. Кн. 5. М.; Л., 1925. С. 273–274; *он же.* Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. // Известия РАИМК. Т. IV. Л., 1925. С. 242–276; *он же.* Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. I. Л., 1926. С. 287–308; *он же.* Список монетных находок. II // Сообщения ГАИМК. Т. II. Л., 1929. С. 281–324. *Vasmer R.* Über dreizehn in Privatbesitz verbliebene Münzen des Friedrichshofer Fundes // *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*. 1928. Dorpat, 1930. S. 84–88; *idem.* Ein neuer Münzfund des elften Jahrhunderts in estnischem Privatbesitz // *Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft*. 1934. Tartu, 1936. S. 155–223.

⁴ *Фасмер Р. Р.* Два клада куфических монет. (Труды нумизматической комиссии ГАИМК. Вып. VI.)

Самым существенным недостатком наследия Р. Р. Фасмера в области нумизматического источниковедения является его высоко специализированный и концентрированный стиль, малодоступный для понимания неспециалистов. К созданию монографического исследования на историческую тему, заявленного им в 1933 г.¹, ему помешали подойти арест и последовавшая в 1936 г. гибель.

Будет ошибкой сказать, что результаты работ Р. Р. Фасмера не сказались на последующей историографии. В 1930-е годы основные выводы исследований Фасмера, касающиеся композиционной динамики монетного обращения IX–X веков, обобщенные им лишь тезисно (в одном единственном абзаце статьи 1933 г.) были инкорпорированы в состав докторской диссертации Н. П. Бауера и получили более полную формулировку. Согласно Р. Р. Фасмеру — Н. П. Бауеру, обращение куфических монет в эпоху викингов проходит четыре периода, для каждого из которых характерен свой типологический состав и особенности локального распределения кладов. I период датируется концом VIII — началом IX века², II период — 825–905 годами³, III период — 905–960 годами⁴, IV период — 960–1020 годами⁵.

Несмотря на то что эта периодизация не предполагала интерпретации в тер-

---

Л., 1927; *он же*. Завалишинский клад куфических монет VIII–IX в. (Известия ГАИМК. Т. VII. Вып. II.) Л., 1931; *Vasmer R.* Der kufische Münzfund von Friedrichshof in Estland // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1925. Dorpat, 1926. S. 26–118; *idem.* [Rez.:] E. A. Pachomow. Monetyne klady Azerbaïğana (Die Münzfunde von Azerbaïğan). Baku, 1926 (Trudy obščestva izučeniya i obsledovaniya Azerbaïğana III). 100 Seiten. 8° // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XXXVI. Heft 3/4. Berlin, 1926. S. 272–279; *idem.* Der Münzkund von Peuth // Beiträge zur Kunde Estlands. Bd. XII. Heft 4–5 (Doppelheft Februar 1927). Reval, 1927. S. 65–100; *idem.* Die kufischen Münzen des Fundes von Luurila, Kirchspiljel Hattula. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXXVI, N:o 3. Eripainos.) Helsinki, 1927; *idem.* Ein im Dorfe Staryi Dedin in Weissrussland gemachter Fund kufischer Münzen. (Kungl. Antikvitets Akademiens Handlingar: Del. 40, h. 2. Motsvarar III F., 7: 2.) Stockholm, 1929.

¹ *Фасмер Р. Р.* Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия Академии наук СССР. [Сер. 7.] Отд. общественных наук. № 6–7. Л., 1933. С. 473–484. Важные для истории древнейшей Руси выводы, намеченные в этой статье, сформировались у Р. Р. Фасмера в ходе острой полемики с работой П. Г. Любомирова (Любомиров 1923), явившейся неудачной попыткой профессионального саратовского историка «прочитать» нумизматические находки как исторический источник.

² *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Изд. подг. П. Г. Гайдуков. (История русской науки: материалы и исследования. Вып. II.) М., 2014. С. 104. Карта 1. Список кладов: с. 99–101 (11 позиций).

³ Там же. С. 105. Карта 2. Список кладов: с. 106–109 (25 позиций).

⁴ Там же. С. 116. Карта 3. Список кладов: с. 117–120 (40 позиций).

⁵ Там же. С. 124. Карта 4. Список кладов: с. 125–128 (37 позиций).

минах исторической динамики обществ, монетное обращение которых она описывала, она закрепились не только в историко-нумизматических исследованиях, центральным из которых стала книга В. Л. Янина (см. ниже), но и широко используется в археологических и историко-археологических исследованиях по эпохе викингов — эпохе сложения древнейшей русской государственности.

Диссертация Н. П. Бауера не была защищена и вплоть до недавнего времени не была опубликована¹. Тем не менее, она была известна специалистам (по экземпляру из архива Государственного Эрмитажа) — И. Г. Спасскому, В. Л. Янину и В. М. Потину, опиравшимся на нее и по мере возможностей развивавшим ее выводы в послевоенное время.

В. Л. Янину, окончившему эрмитажную аспирантуру у И. Г. Спасского, принадлежат проблемные и обобщающие работы по источниковедению и истории русского денежного обращения домонгольского времени². Они построены на базе нумизматических и письменных памятников в рамках комплексной исследовательской стратегии, продолжающей подходы Н. П. Бауера. Монография В. Л. Янина, содержательная и разноплановая³, на многие десятилетия утвердилась в историографии как образцово полное и скрупулезное исследование историко-нумизматических проблем денежного обращения IX–XIII веков и в целом никем до сих пор не превзойдена. Последнее, правда, не означает, что со всеми ее выводами сейчас

---

¹ Подготовка ее публикации с обширным биографо-библиографическим и критическим аппаратом принадлежит П. Г. Гайдукову. Актуальная задача прочтения этого объемного и содержательного произведения в контексте текущего этапа развития отечественной историко-нумизматической науки.

² Янин В. Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в древней Руси // Вопросы истории. 1955. № 8. С. 135–142; *он же*. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; *он же*. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. III. Л., 1970. С. 150–179; *он же*. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 3. С. 67–78; *он же*. Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь: Город, замок, село. (Археология СССР) М., 1985. С. 364–375. Монография 1956 г. переиздана в составе книги: Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 7–232.

³ Что отмечено и в рецензиях: Монгайт А. Л. [Рец.:] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Изд-во Московского университета. 1956. 295 стр. + 2 табл. Тираж 10 000. Цена 9 руб. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 183–188; Федоров-Давыдов Г. А. [Рец.:] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Изд-во Московского университета, М., 1956, 208 с. + 2 табл. Тираж 10 000. Цена 1 р. // Советская археология. 1958. № 2. С. 318–321.

следует соглашаться. В частности, данью полемике 1950-х гг. являются взгляды В. Л. Янина на роль римского денария черняховской эпохи в предыстории денежно-весовых единиц конца I тысячелетия. Также в свете современных представлений устарел взгляд, согласно которому Хазарское государство не сыграло существенной роли в истории, политике, экономике и культуре народов средневековой Восточной Европы¹.

В. М. Потин (1918–2005), специализировавшийся в Эрмитаже по средневековой западноевропейской нумизматике, развил компоненты наследия Н. П. Бауера², связанные с обращением западноевропейских денариев и с вопросами источниковедения нумизматической истории Восточной Европы начала II тысячелетия. Потину принадлежат источниковедческие и аналитические статьи и книга по этим вопросам³, в основном сохраняющие свое значение по сию пору (особенно это касается его «Топографии находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси»⁴), хотя взгляды автора на характер, этническое и социальное содержание эпохи древнерусского политогенеза отчасти наивны и противоречивы, отчасти же — ошибочны. Он избегал острых вопросов этнической и этнокультурной маркировки нумизматических памятников и связанных с ними исторических процессов, сохраняя за ними ярлык «восточнославянских» (как, например, это сде-

---

¹ См., в частности, современные работы по истории Хазарии, в которых глубоко проанализировано историческое значение Хазарского каганата: *Новосельцев А. П.* Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990; *Калинина Т. М.* Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.

² Достаточно сказать в этой связи, что клады с западноевропейскими денариями, поступившие в собрание Эрмитажа в первые десятилетия XX века, были определены Н. П. Бауером.

³ *Потин В. М.* О серебряных монетовидных пластинках в кладах X–XII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. II. М., 1960. С. 61–79; *он же.* К вопросу о составе и датировке Скадинского клада // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XVII. Л., 1960. С. 71–74; *он же.* Дегтянский клад денариев середины XI в. // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IV. Нумизматика. Вып. 2. Л., 1961. С. 23–29; *он же.* Французские и итальянские монеты из кладов X–XI вв. на территории СССР // Советская археология. 1963. № 1. С. 61–74; *он же.* Редкие английские денарии // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. М., 1965. С. 161–171; *он же.* Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968; *он же.* Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: Сб. ст. Л., 1970. С. 64–80; *он же.* Два новых клада западноевропейских денариев XI в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. М., 1974. С. 148–153.

⁴ *Потин В. М.* Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. Вып. 3. Л., 1967. С. 106–194.

лано в книге «Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.» 1968 года) и не вдаваясь в полемику по существу этих сложных вопросов.

Не меньшее значение имеют и работы В. М. Потина в области истории и нумизматической хронологии культурных процессов: назовем здесь статьи о монетном обращении на древнерусских поселениях, о монетах в погребениях, о дендрохронологии и о монетах в быту, обычаях и верованиях¹.

Дело регистрации и определения куфических кладов после Р. Р. Фасмера продолжил его ученик и младший коллега А. А. Быков (1896–1977)². В области восточноевропейской нумизматики и истории монетного обращения он не оставил после себя работ сводного или монографического уровня, следуя исключительно документальным задачам или проясняя частные (но от этого не менее важные) нумизматические сюжеты³. В его наследии особое место занимают наблюдения над

---

¹ *Потин В. М.* Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусские поселения // Нумизматика и эпиграфика. Т. III. М., 1962. С. 183–211; *он же.* Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XII. Нумизматика. Вып. 4. Л., 1971. С. 49–119; *он же.* Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XXI. Нумизматика. Вып. Л., 1981. С. 78–89; *он же.* Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья: Межвуз. сб. Л., 1982. С. 127–134.

² См. о нем: *Добровольский И. Г., Потин В. М. А. А. Быков* — выдающийся нумизмат-востоковед // Нумизматический сборник 2003: Памяти А. А. Быкова (1896–1977). СПб., 2003. С. 5–13..

³ *Быков А. А.* Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. // Известия РАИМК. Т. IV. Л., 1925. С. 133–139; *он же.* Новая находка куфических монет // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. Вып. VIII. М.; Л., 1940. С. 119; *он же.* Аббасидский памятный дирхем начала IX в. // Советское востоковедение. 1947. № 4. С. 83–90; *он же.* Дайсам ибн Ибрāхīm ал-Курдī и его монеты: (Из истории Азербайджана и Армении X в.) // Эпиграфика Востока. Вып. X. М.; Л., 1955. С. 14–37; *он же.* Монеты Дайсама ибн Ибрāхīма ал-Курдī. (XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР.) М., 1960; *он же.* Восточные монеты Дегтянского клада // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IV. Нумизматика. Вып. 2. Л., 1961. С. 30–35; *он же.* О хазарском чекане VIII–IX вв.: Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XII. Нумизматика. Вып. 4. Л., 1971. С. 26–36; *он же.* Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М., 1974. С. 26–71; *он же.* Куфические монеты из клада, найденного в Саркеле // Палестинский сборник. Вып. 25 (88): Культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени. Л., 1974. С. 136–143; *он же.* Безлюдовский клад (по материалам описания монет, выполненного Р. Р. Фасмером) / Подг. текста В. С. Кулешова // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXI.) СПб. 2012. С. 329–343; *Быков А. А., Добровольский И. Г.* Список монет Шумиловского клада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011. С. 195–230; *Bykov A. A.* Finds of Indian Mediaeval Coins in East Europe // The Journal of the Numismatic Society of India. Vol. 27. N. 2. 1965. P. 146–156.

хазарскими подражательными монетами. Они впервые были выделены Р. Р. Фасмером, предложившим читать на одном из типов подражаний Фридрихсгофского (Кохтельского) клада место чеканки «земля хазар» (араб. *ард ал-хазар*). В исследованиях А. А. Быкова над монетами Девицкого¹ и, отчасти, Добринского² кладов концепция развития хазарского подражательного чекана IX века приобрела вполне определенный и законченный вид³. В этом виде она была принята И. Г. Добровольским, А. В. Фоминым⁴, Г. Рисплингом и более молодыми исследователями и сейчас подкреплена результатами штемпельных сравнений.

К середине 1950-х годов относится начало научной и хранительской деятельности в Эрмитаже И. Г. Добровольского (1930–2005), выпускника Восточного факультета Ленинградского университета и профессионального арабиста (его неопубликованная дипломная работа была посвящена исследованию астрономического трактата ал-Фаргани, автора IX века). Добровольский стал учеником и младшим коллегой А. А. Быкова и, среди прочего, продолжил документальное направление в области источниковедения куфических кладов⁵, восходящее к Френу, Маркову и

¹ Быков А. А. Девицкий клад куфических монет // Тезисы докладов научной сессии Гос. Эрмитажа (ноябрь 1967 г.). Л., 1967. С. 66–69. См. об этом кладе подробнее: Noonan Th. S. A ninth-century dirham hoard from Devitsa in southern Russia // American Numismatic Society Museum Notes. Vol. 27. New York, 1982. P. 185–209.

² См. об этом кладе: Рябцевич В. Н. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. М., 1965. С. 121–160, табл. I–IV. В настоящее время Добринский клад хранится в Витебском краеведческом музее.

³ Быков А. А. О хазарском чекане VIII–IX вв.: Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XII. Нумизматика. Вып. 4. Л., 1971. С. 26–36; он же. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М., 1974. С. 26–71

⁴ Фомин А. В. Подражательные дирхемы «Ард ал-Хазар» IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти В. Т. Пашуто (Москва, 18–20 апреля 1990 г.). М., 1990. С. 136–138.

⁵ Добровольский И. Г., Молвыгин А. Н., Потин В. М. Новые данные о кладе Вылла (Велла) // Экономика, политика и культура в свете нумизматики: Сб. науч. трудов. Л., 1982. С. 175–193; Добровольский И. Г., Потин В. М. Колодезский клад монет XI в. // Нумизматика в Эрмитаже: Сб. науч. трудов. Л., 1987. С. 136–155, 187; они же. Куфические дирхемы и западные денарии XI в. на о. Вайгач // Исследования, поиски, открытия: Краткие тез. докл. науч. конф. и к 225-летию Эрмитажа (14–16 ноября 1989 года). Л., 1989. С. 34–35; Добровольский И. Г. Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (б. Крещёный Баран) в Татарстане: новые данные // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.): Тез. докл. и сообщ. СПб., 2001. С. 64–65; Добровольский И. Г., Шагурина Г. Б. Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (б. Крещёный Баран) в Татарстане:

Фасмеру; как правило, он не готовил свои ранние работы к печати (некоторые из них после его смерти были опубликованы мною). Привлекали его и частные сюжеты средневековой истории и нумизматики исламского и христианского Востока¹.

На долю И. Г. Добровольского выпала работа с крупнейшими куфическими кладами Восточной Европы — Шумиловским² и Тимеревским 1973 года (также называемого Большим Тимеревским кладом), поступившим в собрание Эрмитажа из раскопок И. В. Дубова у деревни Тимерево в Ярославском Поволжье³. Анализ граффити на монетах этого клада привел И. Г. Добровольского (в соавторстве с И. В. Дубовым и германистом Ю. К. Кузьменко) к созданию обобщающих работ по этой важной теме⁴.

В последние годы жизни И. Г. Добровольский в сотрудничестве с Г. Б. Шагуриной (1949–2002) и В. Н. Седых актуализировал задачу подготовки моногра-

---

новые данные // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 246–255; *Добровольский И. Г.* Новые данные о куфических кладах Эстонии X века / Подг. текста и примеч. В. С. Кулешова // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXXVII.) СПб., 2017. С. 411–437; *он же.* Куфические монеты клада Ф. В. Горохова / Подг. текста и предисл. В. С. Кулешова // Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика геральдика средневекового Крыма». (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XCIV.) СПб., 2018. С. 238–245.

¹ *Добровольский И. Г.* Самаркандский фельс Исхāка ибн Ахмеда // Эпиграфика Востока. Вып. XV. М.; Л., 1963. С. 88–89; *он же.* Памятный алидский серебряный динар середины XI в. (Доклад на Всесоюзном совещании арабистов 15 мая 1959 г.) // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. Вып. 3. Л., 1967. С. 89–91; *он же.* Редкие грузинские монеты в собрании Эрмитажа // Прошлое нашей родины в памятниках нумизматики: Сб. ст. Л., 1977. С. 161–168; *он же.* Редкая полудрахма сасанидского типа в собрании Эрмитажа // Эрмитажные чтения 1995–1999 годов памяти В. Г. Луконина. СПб., 2002. С. 159–161.

² *Быков А. А., Добровольский И. Г.* Список монет Шумиловского клада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011. С. 195–230.

³ *Добровольский И. Г., Дубов И. В.* Комплекс памятников у деревни Большое Тимерёво под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2: История, язык, литература. Вып. 1. Л., 1975. С. 65–70. *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н.* Новые монеты Тимерёвского клада, поступившие в Эрмитаж в 1986 г. // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Л., 1987. С. 24–25.

⁴ *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К.* Новые источники по истории Древней Руси // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2: История, язык, литература. Вып. 1. Л., 1978. С. 40–45; *они же.* Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах (коллекция Эрмитажа) // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XXI. Нумизматика. Вып. 5. Л., 1981. С. 53–77; *они же.* Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991; *Добровольский И. Г., Дубов И. В., Рождественская Т. В.* Новая находка граффити на куфической монете // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2: История, язык, литература. Вып. 1. Л., 1982. С. 29–32.

фического свода памятников сасанидской и куфической нумизматики из находок в Восточной Европе¹, но решающее продвижение в этом направлении еще только предстоит.

Итак, можно сказать без преувеличения, что Петербург (Ленинград) на протяжении XX и начала XXI века оставался лидирующим центром историко-нумизматической науки в России (СССР), а работавшие в эрмитажном отделе нумизматики специалисты поддерживали стандарты источниковедческой работы на высоком уровне. Тем не менее, единственный по-настоящему важный опыт использования нумизматических данных (помимо работ И. Г. Спасского и М. П. Сотниковой по древнейшим русским монетам), нацеленный в конечном итоге на постановку и решение ключевых вопросов о началах древнерусской экономики и государственности (здесь мы имеем ввиду периодизацию древнейшего русского монетного обращения Р. Р. Фасмера — Н. П. Бауера — В. Л. Янина), не получил должного отклика среди историков и не стал общим достоянием, хотя и был поддержан московскими, беларусскими и украинскими специалистами (С. А. Яниной, В. В. Кропоткиным, А. В. Фоминым, В. Н. Рябцевичем и Н. Ф. Котляром).

За пределами имперской столицы и «колыбели Революции» историко-нумизматическая наука и нумизматическое источниковедение до середины XX века не имели прочного статуса, оставаясь делом немногих интересующихся. Это, однако, не означает, что вне Петербурга не появлялись интересные и важные работы в этой области. В первую очередь должны быть названы исследования рязанского историка и краеведа А. И. Черепнина² и эстонского нумизмата Вальтера Андерсона, плодотворно сотрудничавшего с Р. Р. Фасмером³.

¹ Добровольский И. Г., Шагурина Г. Б., Седых В. Н. О топографии находок восточных монет на территории России // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002. С. 141–144; *они же*. О топографии находок сасанидских и куфических монет региона Поволжья // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003. С. 66–67.

² Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденными в Тульской и Рязанской губерниях // Труды Рязанской учредительной археологической комиссии. Т. 7. Рязань, 1892. С. 92–136; *он же*. Коростовский клад. Рязань, 1892.

³ Anderson W., mit Beiträgen von R. Vasmer. Der Chalifenmünzfund von Kochtel. (Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. Ser. B: Humaniora. Vol. VII.2.) Dorpat, 1926; Anderson W., Vasmer R. Elf weitere Dirhems aus dem Chalifenmünzfund von Kochtel // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft.

Совершенно особым явлением в истории отечественной восточной нумизматики было творчество Е. А. Пахомова (1880–1965). Уроженец Ставрополя, он с 1920 года связал свою жизнь и научную деятельность с Баку. В круг его интересов входила нумизматика и история денежного обращения регионов Кавказа и Закавказья — от ранней античности до современности — и вся исламская нумизматика. Его *opus magnum* в этой области стал свод «Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа» в девяти выпусках¹. Содержание этого компендиума значительно шире названия: в него, в частности, включены подробные и тщательно проверенные сведения о восточноевропейских кладах с монетами закавказских монетных дворов VIII–X веков (а это большинство крупных кладов IX века и некоторые наиболее интересные клады X века).

В 1950-е годы появились условия для развития восточного нумизматического источниковедения (в качестве археологической специализации) в Москве и в столицах союзных республик. Специалисты в этой области были, как правило, сотрудниками крупных музеев и археологических организаций, а их работы публиковались в сборниках музеев и изданиях Института археологии. В Москве работали такие известные авторы как С. А. Янина и В. В. Кропоткин.

С. А. Янина (1924–1997) стала первой сотрудницей Государственного Исторического музея, специализировавшейся по восточной нумизматике. Она ввела в научный оборот нумизматические материалы ломоватовского могильника Мыдлань-Шай в Удмуртии, клад с боршевского городища Титчиха², два важных новгородских клада куфических монет X века (I и II Неревские клады)³, вместе с А.

1928. Dorpat, 1930. S. 89–95; *Anderson W.* Achtzig neue Münzen aus dem Funde von Naginščina. (Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). Ser. B: Humaniora. Vol. XXXVII.4.) Tartu, 1935; *idem.* Der Münzfund von Vaabina // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1937. [Vol.] I. Tartu, 1938. S. 1–84, Taf 1–11.

¹ *Пахомов Е. А.* Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа. Вып. I–IX. Баку, 1926–1966.

² *Янина С. А.* Куфические монеты из могильника Мыдлань-шай // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай. (Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т. I.) Свердловск, 1962. С. 129–139; *она же.* Описание куфических монет из раскопок 1957–1961 гг. на городище Титчиха // *Москаленко А. Н.* Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965. С. 270–277.

³ *Янина С. А.* Неревский клад куфических монет X века // Труды Новгородской археологической экс-

С. Беляковым — материалы Колодезского клада XI века и вместе с М. В. Фехнер — арабские весы из Тимерева¹. Ей принадлежит одна из центральных для волжско-булгарской нумизматики работ по типологии серебряных монет правителей этого средневекового государства². Обработанные ею куфические клады до сих пор не опубликованы (они хранятся в ГИМе и в региональных музеях, с которыми она сотрудничала)³.

В. В. Кропоткин (1922–1993) вел археолого-нумизматическую тематику в Институте археологии Академии наук СССР. Ему принадлежат фундаментальные своды памятников римской и византийской нумизматики на территории СССР⁴. Значение последнего свода выходит далеко за пределы собственно византийской проблематики, так как византийские монеты X–XI веков участвовали в восточноевропейском денежном обращении второй половины X — первой половины XI века вместе с исламскими и европейскими, поэтому в своде Кропоткина собрана информация о важнейших кладах дирхамов и денариев. Памятники собственно куфической нумизматики вошли в круг интересов Кропоткина уже в 1960–1970-е годы, о чем свидетельствуют его работы о новых находках⁵.

педиции. Т. I. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 55.) М., 1956. С. 180–207, табл. I–IV; она же. Второй Неревский клад куфических монет X в. // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 117.) М., 1963. С. 287–331.

¹ Беляков А. С., Янина С. А. Колодезский клад куфических и западноевропейских серебряных монет 60-х годов XI в. // Нумизматический сборник. Ч. 5. Вып. 2. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 49.) М., 1977. С. 10–99, 253–256 (фототабл. 1–4); Фехнер М. В., Янина С. А. Весы с арабской надписью из Тимерёва // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978. С. 184–192.

² Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 111.) М., 1962. С. 179–204.

³ В частности, еще ждет должной публикации небольшой Суварский клад X века; предварительное сообщение о нем см.: Сингатуллина А. З., Янина С. А. Суварский клад дирхамов X в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 61–63.

⁴ Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г4–4.) М., 1961; он же. Клады византийских монет на территории СССР. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е4–4.) М., 1962.

⁵ Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967; он же. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в. // Славяне и Русь. М., 1968. С. 72–79; он же. Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР) // Acta Archaeologica Carpathica. Т. 11. Bratislava, 1970. С. 227–230; он же. Торговые связи Волжской Бол-

Новый уровень нумизматического источниковедения достигнут в многочисленных работах А. В. Фомина (1953–2011). Разноплановое наследие этого замечательного специалиста требует к себе внимательного отношения и по-настоящему еще не прочитано и не оценено. Чтобы в этом убедиться, достаточно перечислить спектр тем, освещенных им в тезисах и статьях (но так и не реализованных в монографическом формате): проблема хронологии поступления куфических монет в Восточную Европу и в Балтийский макрорегион¹, проблемы технологии и вторичного формообразования куфических монет (фрагментация и граффити)², проблема типологии монетного обращения и количественного и графического моделирования кладовых данных³, документирование, топографирование и систематизация

гории в X в. по нумизматическим данным // *Древние славяне и их соседи. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 176.)* М., 1970. С. 146–150; *он же*. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // *Нумизматика и эпиграфика. Т. IX.* М., 1971. С. 76–97; *он же*. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // *Проблемы археологии и древней истории угров.* М., 1972. С. 197–202; *он же*. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // *Древняя Русь и славяне.* М., 1978. С. 111–117; *он же*. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // *Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора).* Казань, 1986. С. 38–62; *Гусев С. В., Кропоткин В. В.* Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // *Acta Orientalia.* Т. 45 (2–3). Budapest, 1991. С. 403–423; *Kropotkin V.* Bulgarian tenth-century coins in Eastern Europe and around the Baltic. Topography and distribution routes // *Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989. (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. N. 6.)* Stockholm; London, 1990. P. 197–200.

¹ *Фомин А. В.* К вопросу о характере распространения куфических монет в IX веке // *Вестник Московского университета. Сен. История.* 1982. № 1. М.; *он же*. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // *Краткие сообщения Института археологии. Вып. 171: Славяно-русская археология.* М., 1982. С. 16–21; *он же*. Староладожские клады восточных монет конца VIII — IX веков // *XIV Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 года).* СПб., 2007. С. 66–67.

² *Фомин А. В.* Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X — начале XI в. // *Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV.* М., 1984. С. 133–138; *Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В.* Граффити на куфических монетах Петергофского клада начала IX в. // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год.* М., 1984. С. 26–47; *Наханетян В. Е., Фомин А. В.* Новые находки куфических монет VIII–X вв. с граффити // *Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция (1987).* М., 1987. С. 53–56. *они же*. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // *Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 год.* М., 1994. С. 139–208.

³ *Фомин А. В.* Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X веков (по материалам Восточной Европы): Авторефер. дис... канд. исторических наук. М., 1982; *он же*. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX–X вв. // *Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV.* Л., 1983. С. 74–81; *он же*. Источниковедение кладов куфических монет IX в. // *Нумизматические памятники Исторического музея. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 57. Нумизматический сборник.*

кладовых находок¹ (в том числе в соавторстве²), а также ряд более частных сюже-

Ч. VIII.) М., 1983. С. 24–28; *он же*. Рассказывают клады // Азия и Африка сегодня. 1984. № 4 (322). М. С. 60–62.

¹ Фомин А. В. Обращение куфических монет X в. в Восточной Европе // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). М., 1985. С. 145–146; *он же*. «Сновская тысяча» по нумизматическим данным в X веке // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (15–18 апреля 1985 г.): Тез. докл. Чернигов, 1985. С. 37–39; *он же*. Хутынский клад куфических монет X в. // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа): Краткие тез. докл. и сообщений научной конференции (14–16 октября 1987 г.). Л., 1987. С. 56–57; *он же*. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988. С. 74–80; *он же*. Выжигшский клад куфических монет первой половины IX века // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988. С. 103–131; *он же*. Новгородские клады куфических монет X в. // Нумизматика, бонистика, фалеристика: Исследования и материалы. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 80. Нумизматический сборник. Ч. XI) М., 1992. С. 32–44, табл. I–II; *он же*. Новые находки восточных монет в Северной Руси // [Первая] Всероссийская нумизматическая конференция (Вологда, 18–21 мая 1993 г.): Тез. докл. и сообщ. Вологда, 1993. С. 13–15; *он же*. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX — начала X вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В. Т. Пашуто (Москва, 12–14 апреля 1993 г.): Тез. докл. М., 1993. С. 78–79; *он же*. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70–80-х годах X в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 63–73; *он же*. Куфические монеты Гнёздовского клада // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 187–203; *он же*. Монеты из раскопок у с. Горбово // Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. (Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 2.) Тула, 2000. С. 243; *он же*. Клад куфических монет начала X в. из Брянской области // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.). М., 2000. С. 53–55; *он же*. Второй Выжигшский, ещё один Петергофский и другие клады куфических монет // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.). СПб., 2001. С. 69–70; *он же*. Южнорусский клад куфических дирхемов конца X в. // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002. С. 55–56; *он же*. Описание куфических монет, обнаруженных у поселения Настасьино // Средневековое поселение Настасьино. (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 2.) М., 2004. С. 130–131; *он же*. Новые клады с куфическими дирхемами середины X в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 63–64; *он же*. Потерпилицкий клад куфических монет IX в. // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М., 2005. С. 49–50; *он же*. Клад куфических монет IX в. из д. Малое Тимерёво // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009). М., 2009. С. 61–62..

² Гайдюков П. Г., Фомин А. В. Монетные находки Изборска // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 183: Средневековая археология Восточной Европы. М., 1986. С. 101–110; Никитин А. Б., Фомин А. В. Новый клад сасанидских и куфических монет первой половины IX в. // Нумизматика: материалы и исследования. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 69. Нумизматический сборник. Ч. 10.) М., 1988. С. 48–71, табл. I–VI; Коваленко В. П., Фомин А. В., Шекун А. В. Давньоруський Звеничев і скарб арабських дирхемів // Археологія. 1992. № 1. Київ; Новикова Е. Ю., Фомин А. В. Восточные монеты из Верхне-Салтовского могильника VIII–IX вв. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Тез. докл. III Международной науч. конф., посвящённой 75-летию со дня рождения Г. А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000).

тов¹.

В числе московских специалистов требуют упоминания также Г. А. Федоров-Давыдов² и А. А. Молчанов³ (основные интересы этих авторов лежали, однако, в смежных или отдаленных от куфической нумизматики областях).

Приведенный выше материал свидетельствует, конечно, об условности отношения московских авторов к «региональному центру» как по широте и тематике их исследований, так и в связи со столичным статусом Москвы. Тем не менее это отне-

М., 2006. С. 212–213; Зозуля С. С., Каинов С. Ю., Фомин А. В., Гомзин А. А. Гнёздовский клад куфических монет 2010 г. (предварительное сообщение) // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фомина (Москва, 21–22 ноября 2011 г.). М., 2011. С. 26–29.

¹ Фомин А. В. Проблема экономических контактов Арабского халифата со странами Европы в конце VIII — X вв. // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению истории культур Центральной Азии ЮНЕСКО. Вып. 4. М., 1983. С. 19–25; *он же*. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. // Советская археология. 1988. № 4. С. 187–198; *он же*. Русь и Хазария в международной торговле монетным серебром в IX в. // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвящённые 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто (Москва, 19–22 апреля 1988 г.). М., 1988. С. 109–113. Fomin A. Silver of the Maghrib and gold from Ghana at the end of the VIII–IXth centuries A. D. // Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989. (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. N. 6.) Stockholm; London, 1990. P. 69–75.

² Федоров-Давыдов Г. А. Клад золотых монет X в. из Самарканда // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 175–189; *он же*. Монеты из Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. (Археология и этнография Марийского края. Вып. 8.) Йошкар-Ола, 1984. С. 160–172; *он же*. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика востока. Вып. XXIII. Л., 1985. С. 44–47. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., Фёдоров-Давыдов Г. А. Клад куфических монет из Ножай-Юрта (Чечено-Ингушетия) // Российская археология. 1992. № 2. М., 1992. С. 274–278; Федоров-Давыдов Г. А. Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Нумизматика в Историческом музее. (Нумизматический сборник. Ч. XIV.) М., 2001. С. 89–100.

³ Молчанов А. А., Щекин В. П. Два клада куфических монет из фондов Серпуховского музея // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 21–25 апреля 1997 г.). М., 1997. С. 30–31; Калинин В. А., Молчанов А. А. Бобрицкий клад куфических монет 1997 г. // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.). СПб., 1998. С. 64–65; Молчанов А. А. О монетном чекане Волжской Болгарии конца X в. (дирхам Абд ар-Рахмана ибн Мумина 387 г. х.) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.). СПб., 1998. С. 62–64; *он же*. Дирхам тифлиского эмира Джафара ибн Мансура 374 г. х. // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.). СПб., 2001. С. 58–60; Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Янин В. Л. Единичные находки куфических монет на Неревском раскопе в Новгороде // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002. С. 56–58; Гайдуков П. Г., Молчанов А. А. Новые находки куфических монет в Ильменском Поозерье // Центральная Азия: источники, история, культура: Материалы Международной науч. конф., посвящённой 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). М., 2005. С. 266–274; Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Носов Е. Н. Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб., 2007. С. 82–88.

сение оправдано в том смысле, что по характеру традиции историко-нумизматического изучения древностей раннесредневековой Восточной Европы, утрачиваемой (со смертью ее носителей) легче, чем возникающей, московский центр имеет много общего с региональными — Минском и Киевом. Обратимся к ним подробнее.

Развитие нумизматических исследований на Беларуси и в Украине с 1960-х годов связано с именами двух учеников И. Г. Спасского — В. Н. Рябцевича и Н. Ф. Котляра. Круг интересов В. Н. Рябцевича (1934–2008) был исключительно широк: от античной нумизматики до денежного обращения XX в. применительно к территории Беларуси. В области денежного обращения IX–XI веков ему принадлежат публикации и информационные сообщения обо всех белорусских кладах (как по определениям А. А. Быкова и Марии Чапкевич, так по его собственным, а также в соавторстве с И. Г. Добровольским) и о некоторых частных проблемах, связанных с их исторической интерпретацией нумизматических материалов¹. Несмотря на немалое количество публикаций по теме, много работы еще предстоит в связи с публикацией его рукописных материалов, главным образом, по крупнейшему белорусскому кладу раннего этапа эпохи викингов — Погорельщинскому.

Н. Ф. Котляру (род. 1932) принадлежит обобщающая монография по истории денежного обращения украинских земель в эпоху средневековья, содержащая и материал по нумизматическим памятникам IX–XI веков². Интересы исследователя лежат, главным образом, в области изучения безмонетного периода и более позд-

---

¹ *Рябцевич В. Н.* Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // *Нумизматика и эпиграфика*. Т. V. М., 1965. С. 121–160, табл. I–IV; *он же.* Куфические дирхемы на территории Белоруссии // *Древности Белоруссии: Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий*. Минск, 1966. С. 255–256; *он же.* Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // *Вопросы истории древнего мира и средних веков*. Минск, 1970. С. 150–161; *он же.* Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // *Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология)*. Минск, 1998. С. 66–80; *он же.* Два денежно-вещевых клада из собрания Нумизматического кабинета Белорусского государственного университета // *Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.)*. М., 2002. С. 152–153; *он же.* Второй Пинский клад конца XI в. // *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.)*. М., 2004. С. 69–70; *он же.* Монеты из Моховского некрополя // *Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.)*. М., 2005. С. 93–94; *Рябцевіч В. Н., Стуканаў А. А.* Манеты арабскага халіфата на тэрыторыі Беларусі // *Помнікі гісторыі і культуры Беларусі*. 1973. № 4. Мінск. С. 33–39; *Рябцевіч В. Н., Плавінскі М. А., Іоў А. В.* Брыльёўскі скарб. Мінск, 2011 (и другие публикации, не считая мелких статей в энциклопедиях).

² *Котляр М. Ф.* Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ, 1971.

них ступеней денежного обращения¹. В последние десятилетия он в большей степени сосредоточен на сюжетах древнерусской домонгольской истории, источниковедения и политогенеза².

Картина будет неполной, если не упомянуть нумизматов из республик Прибалтики — А. Н. Молвыгина и аспирантов В. М. Потина: И. Леймуса (Таллинн) и Т. М. Бергу (Рига). Специалисты универсального профиля, требуемого спецификой нумизматических материалов Эстонии и Латвии от эпохи викингов до XXI века, они плодотворно работают в широком спектре тем, фокусируясь, однако, в сфере западной нумизматики. Тем не менее, Леймусу принадлежит капитальный свод восточных монет (куфических кладов и единичных находок) из государственных собраний Эстонии³, успешно заменивший устаревшую археологическую сводку Э. Тыниссона⁴, а Т. М. Берге — сохраняющая свое значение книга о нумизматическом материале в раннесредневековых археологических памятниках Латвии⁵, уточнившая и дополнившая данные старой сводки Э. С. Мугуревича⁶. Наконец, итогом работ по документации нумизматических памятников времени обращения денария (XI–XII века) стал объемный свод А. Н. Молвыгина, содержащий помонетные списки кладов⁷.

Феномен Т. С. Нунана (Thomas S. Noonan, 1938–2001), американского историка-

---

¹ *Котляр Н. Ф.* Ещё раз о «безмонетном» периоде денежного обращения Древней Руси (XII–XIII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. V. Л., 1973. С. 152–169; *он же.* Северорусские («черниговские») монетные слитки // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996. С. 80–142; *он же.* «Безмонетный» период и монетные гривны // Хранитель Эрмитажа: Сб. воспоминаний и науч. статей к 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского (1904–1990). СПб., 2004. С. 108–118.

² См., в частности: *Котляр Н. Ф.* О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995. С. 33–49; *он же.* Древнерусская государственность. СПб., 2016.

³ *Leimus I.* Sylloge of Islamic Coins 710/1–1013/4 AD. Estonian public collections. (Estonian History Museum. Thesaurus Historiae. II.) Tallinn, 2007.

⁴ *Tõnisson E.* Eesti aardeleidud 9.–13. sajandist // Muistsed kalmed ja aarded : Arheoloogiline kogumik II. Tallinn, 1962. Lk. 182–249, tahvl. XVIII–XXVIII..

⁵ *Берга Т. М.* Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига, 1988.

⁶ *Мугуревич Э. С.* Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями, пути сообщения. Рига, 1965. С. 22–34.

⁷ *Molvõgin A.* Die Funde westeuropäischer Münzen des 10. bis 12. Jahrhunderts in Estland. (Numismatische Studien. Heft 10.) Hamburg, 1994.

слависта, в зрелом возрасте заинтересовавшегося потенциалом монетных и кладовых находок как источника по экономической и политической истории государств Восточной Европы (Хазарии, Волжской Булгарии и Киевской Руси), не может быть понят в отрыве от историографии СССР и сформировавшейся здесь к 1970-м годам источниковой базы. Одновременно требует признания тот факта, что наиболее объемные и последовательно выстроенные работы по экономической истории Древней Руси и ее соседей написаны не гражданином СССР и не по-русски, а гражданином США и по-английски.

Оценка многочисленных содержательных и глубокомысленных статей¹ Нуна и их «открытие» восточноевропейской исторической наукой еще предстоят. Издания, содержащие его статьи, в библиотеках России редки и случайны. Ситуация начала меняться лишь в XXI веке с распространением электронных средств

---

¹ Noonan Th. S. When Did Dirhams First Reach the Ukraine? // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 2. No. 1. 1978. P. 26–40; *idem*. When, how, and why dirhams first reached European Russia: A numismatic critique of the Pirenne theory // *Proceedings of the 9th International Congress of Numismatics*. Bern, 1979. P. 765–770; *idem*. The Circulation of Byzantine Coins in Kievan Rus' // *Byzantine Studies: Études Byzantines*. No. 7. 1980. P. 143–181; *idem*. Ninth-century dirham hoards from European Russia: a preliminary analysis // *Viking-Age Coinage in the Northern Lands: The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History*. (BAR International Series. [No.] 122 (i).) Oxford, 1981. P. 47–117; *idem*. Did the Khazars Possess a Monetary Economy? An Analysis of the Numismatic Evidence // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 2. Wiesbaden, 1982. P. 219–267; *idem*. What Does Historical Numismatics Suggest About the History of Khazaria in the Ninth Century? // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 3. Wiesbaden, 1983. P. 265–281; *idem*. Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest // *Islamic Trade with Eastern Europe*. (Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 4.) Wiesbaden, 1984. P. 151–282; *idem*. The Regional Composition of Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia // *The Numismatic Chronicle*. ol. 144. London, 1984. P. 153–165; *idem*. Khazaria as an Intermediary between Islam and Eastern Europe in the Second Half of the Ninth Century: The Numismatic Perspective // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 5. Wiesbaden, 1985. P. 179–204; *idem*. Early 'Abbāsīd Mint Output // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 29. No. 2. Leiden, 1986. P. 113–175; *idem*. The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 11. No. 3/4. 1987. P. 384–443; *idem*. Dirham exports to the Baltic in the Viking Age: some preliminary observations // *Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989*. (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. N. 6.) Stockholm; London, 1990. P. 251–257; *idem*. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 16. No. 3/4. 1992. P. 237–259; *idem*. The Vikings in the East: Coins and Commerce // *Developments around the Baltic and the North Sea in the Viking Age*. (Birka Studies. [Vol.] 3: The Twelfth Viking Congress.) Stockholm, 1994. P. 215–236; *idem*. Scandinavians in European Russia // *The Oxford Illustrated History of the Vikings*. Oxford, 1997. P. 134–155; *idem*. The Impact of the Islamic Trade Upon Urbanization in the Rus' Lands: The Tenth and Early Eleventh Centuries // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. (Réalités byzantines. Vol. 7.) Paris, 2000. P. 379–393.

хранения и передачи информации. На русский язык имеется сокращенный перевод единственной статьи¹. Ощущается настоятельная необходимость в издании свода избранных сочинений Т. С. Нунана в русском переводе: нет сомнений, что он займет подобающее место в историографии Древней Руси и будет должным образом освоен отечественными исследователями.

Источниковедческую программу Нунана по составлению и анализу свода кувшинных кладов Евразии и экономической истории Ближнего Востока и Восточной Европы продолжает его ученик американский русист Р. К. Ковалев (Roman K. Kovalev), работы которого, за несколькими исключениями², написаны по-английски³. Они обширны и фундаментальны, но знакомство с ними русскоязычной аудитории весьма недостаточно. Огромный интерес вызывает серия статей Р. К. Ковалева о реконструкции по данным кладов объемов (*mint output*) и динамики монетной чеканки на самых продуктивных монетных дворах государства Сама-

¹ Нунан Т. С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. / [Пер. с англ. Г. А. Плужниковой] // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 256–313.

² Kovalev R. K. Клад дирхамов 913/14 гг. из деревни Пальцево Тверской губернии // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002. С. 160–164; Noonan T. S., Kovalev R. K. Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Мат-лы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002. С. 152–156; Нунан Т. С. Ковалев Р. К. Неизвестный клад начала IX в. из имения М. А. Оболенского Дмитровского уезда Московской губернии // Археологические вести. № 7. СПб., 2000. С. 206–213; они же. Большой клад дирхамов ранней эпохи викингов, найденный в 2000 г. в г. Козельске // Археологические вести. № 10. СПб., 2003. С. 149–163.

³ Kovalev R. K. Mint output in tenth-century Bukhara: a case study of dirham production and monetary circulation in northern Europe // Russian History/Histoire Russe. Vol. 28, No. 1–4. Leiden, 2001. P. 245–272; *idem*. The Infrastructure of the Northern Part of the ‘Fur Road’ Between the Middle Volga and the East During the Middle Ages // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 11 (2000–2001). Wiesbaden, 2001. P. 25–64; *idem*. Dirham Mint Output of Samanid Samarqand and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th century) // Histoire et Mesure. Vol. 17, no. 3–4. Paris, 2002. P. 197–216; *idem*. The Mint of al-Shash: The Vehicle For the Origins and Continuation of Trade Relations Between Viking-Age Northern Europe and Samanid Central Asia // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 12 (2002–2003). Wiesbaden, 2003. P. 47–79; *idem*. What Does Historical Numismatics Suggest About the Monetary History of Khazaria in The Ninth Century? — Question Revisited // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 13 (2004). Wiesbaden, 2004. P. 97–129; *idem*. Commerce and Caravan Routes Along the Northern Silk Road (Sixth-Ninth Centuries) — Part I: The Western Sector // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 14 (2005). Wiesbaden, 2005. P. 55–105; *idem*. Creating Khazar Identity through Coins. The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Ann Arbor, 2005. P. 220–251; Kovalev R. K., Kaelin A. C. Circulation of Arab Silver in Afro-Euroasia: Preliminary Observations // History Compass. No. 5:2. Hoboken, NJ, 2007. P. 560–580.

нидов (аш-Шаш, Самарканд, Бухара, Балх). Углубленная историческая интерпретация получаемых таким образом данных — многообещающая и перспективная задача на будущее.

Современная ситуация характеризуется противоречивостью и сочетанием разнонаправленных тенденций. С одной стороны, направление продолжает развиваться в работах нового поколения специалистов (В. В. Гурулевой¹ в области византийской нумизматики, А. А. Гомзина² и В. С. Кулешова — в области восточной,

---

¹ *Гурулева В. В.* Золотая византийская монета X в., найденная в Пскове // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002. С. 34–36; *она же.* Новая группа византийских монет из Славянского клада // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 43–44; *она же.* Псковская находка 1961 года (золотая монета Константина Багрянородного) // Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб., 2005. С. 32–38; *она же.* Византийские монеты из Славянского (Анастасиевского) клада в собрании Государственного Эрмитажа // Материалы и исследования Отдела нумизматики. Памяти А. А. Марковой (1895–1975). (Труды Гос. Эрмитажа. XLVIII.) СПб., 2009. С. 68–85; *она же.* Византийские монеты в денежном обращении и культуре Древней Руси // Византия и византийское наследие в России и в мире: Тез. докл. XX Всероссийской научной сессии византистов. Москва, 3–6 июня 2013 г. М., 2013. С. 85–88; *она же.* Византийские монеты из кладовых комплексов в коллекции Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. [Т.] LXXXVII.) СПб., 2017. С. 300–320; *Гурулева В. В., Кулешов В. С., Юрченко Т. В.* Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011. С. 136–186, табл. XXI–XXXIV.

² *Гомзин А. А.* О двух несуществовавших кладах куфических монет // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.). М., 2000. С. 51–52; *он же.* Борковские клады куфических монет // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.). СПб., 2001. С. 65–67; *он же.* Граффити на арабских дирхемах из кладов, найденных в Рязанской области // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.2. Рязань, 2001. С. 182–186; *он же.* О борковских кладах куфических монет, найденных в Рязанской губернии в 1874–1875 гг. // Труды Рязанского исторического общества. Вып. IV. Рязань, 2002. С. 46–52; *он же.* Материалы к истории обнаружения и реконструкции состава клада куфических монет, найденного близ озера Казарское в 1928 г. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 4. Рязань, 2003. С. 169–176; *он же.* К характеристике рынка восточного монетного серебра в Окско-Донском междуречье на рубеже IX–X вв. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 58–60; *он же.* Об особенностях топографии находок куфических монет VIII–IX вв. в восточной части Среднего Поочья // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Рязань, 2006. С. 252–273; *он же.* Клад куфических монет 1948 г. из с. Борки // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XIX. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 192.) М., 2012. С. 58–65. *он же.* Восточное монетное серебро IX — начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье: Автореф. дисс. ... канд. исторических наук. М., 2013; *он же.* Сидоровский клад куфических монет 1960 г. // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда, 2015. С. 510–520; *он же.* Ивановский и Половский клады куфических монет // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016. С. 372–381; *Гомзин А. А., Шагурина Г. Б.* Дубровичский клад: к истории обнаружения и реконструкции состава // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.).

К. М. Чернышова и О. А. Степановой¹ — в области средневековой западноевропейской), в научный оборот вводятся новые памятники. С другой стороны, ощущается определенный вакуум комплексно-источниковедческого анализа и общего осмысления материала в широкой исторической, историко-экономической и историко-культурной перспективе (грубо говоря, налицо дефицит историзма, восполняемый избытком «археологизма»).

2.2. Нумизматические памятники Восточной Европы: современный этап накопления источников

Самая общая классификация нумизматических памятников, широко принятая в современных исследованиях, выглядит следующим образом: (1) единичные монетные находки, (2) монетные серии (локальные серии единичных находок или монетные серии, связанные со средневековыми поселениями), (3) закрытые монетные и монетно-вещевые комплексы (комплексы погребений, в том числе монеты из ожерелий, и монетные клады), (4) локальные группы комплексов².

Сводки и карты наиболее известных и хорошо изученных кладов с куфическими дирхамами составлены и опубликованы нами с А. А. Гомзиным³ в фунда-

---

М., 2002. С. 58–60; Гомзин А. А., Иванов Д. А., Челяпов В. П. О находках куфических монет в Касимовском р-не Рязанской обл. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003. С. 74–75; Вячин А. А., Гомзин А. А. Куфические монеты Крюково-Кужновского могильника (раскопки П. П. Иванова 1935–1936 гг.) // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 57–58; Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Гомзин А. А. Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополе // Российская археология. 2016. № 4. С. 48–74.

¹ *Tschernyschow K.* Der neue Fund mit deutschen Denaren des XI. Jahrhunderts aus dem Pskov-Gebiet // Beiträge zur brandenburg-preußischen Numismatik. Numismatisches Heft Nr. 24. Osnabrück, 2016. S. 18–24; Степанова О. А., Седых В. Н. Клад XI века на древней торговом пути (предварительное сообщение) // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 года). М., 2015. С. 96–98.

² Примером таких источников могут служить группы кладов: наиболее известными из них являются Киевская группа первой половины X в., Гнездовская и Новгородская группы второй половины X в., Приладожская группа XI в.

³ Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. / Автор-составитель В. С. Кулешов // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 387–389; Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты / Автор-со-

ментальном издании, посвященном юбилею древнерусской государственности. Более ранние карты такого рода содержатся в публикациях Н. П. Бауера, В. Л. Янина и В. П. Даркевича¹. К нашей карте кладов опубликованы ценные эмендации А. С. Щавелева и А. А. Фетисова².

Сохраняют свое значение своды А. К. Маркова, А. А. Ильина, Н. П. Бауера, В. Л. Янина³, В. В. Кропоткина (покладам с куфическими монетами), Т. С. Нуна, И. Г. Спасского и М. П. Сотниковой (свод комплексов с древнейшими русскими монетами). Из новейших колляций следует отметить сводки Н. В. Жилиной (в акцентом на так называемые монетно-вещевые и «чисто» вещевые клады) и особенно — объемную и снабженную картографическими реконструкциями сводку И. И. Еремеева⁴.

Региональный материал, имеющий ключевое значение для понимания процессов монетного обращения в северной части лесной зоны, связан складами Прибалтики. Он суммирован в сводах А. Н. Молвыгина и И. Леймуса по Эстонии⁵,

---

ставитель А. А. Гомзин // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 390–393.

¹ *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Изд. подг. П. Г. Гайдуков. (История русской науки: материалы и исследования. Вып. II.) М., 2014; *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956; *он же.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 7–232; *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.

² *Щавелев А. С., Фетисов А. А.* К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2. М., 2014. С. 7–53, карты 1–2..

³ *Марков А. К.* Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910; *Ильин А. А.* Топография кладов серебряных и золотых слитков. (РАИМК. Труды нумизматической комиссии. Вып. I.) Петербург, 1921; *он же.* Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода. РАИМК. Труды нумизматической комиссии. Вып. V.) Л., 1924; *Бауер Н. П.* История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г.; Корзухина 1954. *Янин В. Л.* Денежно-весовые системы русского средневековья... (*он же.* Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009. С. 7–232).

⁴ *Жилина Н. В.* Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014. С. 187–239; Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки истории и археологии Псковско-Белорусского Подвинья). (Труды ИИМК РАН. Т. 44.) СПб., 2015. С. 574–602.

⁵ *Molvögin A.* Die Funde westeuropäischer Münzen des 10. bis 12. Jahrhunderts in Estland. (Numismatische Studien. Heft 10.) Hamburg, 1994; *Leimus I.* Sylloge of Islamic Coins 710/1–1013/4 AD. Estonian public collections. (Estonian History Museum. Thesaurus Historiae. II.) Tallinn, 2007.

Э. Мугуревича, В. Уртана и Т. М. Берги по Латвии¹, Б. Гранберг и Т. Талвио по Финляндии². Материал по кладам с западноевропейскими денариями и византийскими милиарисиями, по-видимому, исчерпывающе собран в тематических публикациях В. В. Кропоткина, В. М. Потину и А. Н. Молвыгина³.

Древнейшей зоной поступлений монет и предметов бытовой утвари из трагоценных металлов, в которой как бы «предвосхищается» возникновение монетного обращения в Хазарии и в лесной зоне (вторая половина VIII — IX в.), была средневожско-камско-уральская зона. Для нее характерны серии находок серебряных монет доисламских типов (сасанидских и namного реже хорезмийских и бухарху-датских драхм). Памятники этой зоны освещены в сводках и анализах В. Ю. Морозова⁴, А. Б. Никитина, В. В. Мингалеева и А. И. Наймарка⁵; здесь же укажем Е. Ю.

¹ Мугуревич Э. С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями, пути сообщения. Рига, 1965. С. 22–34; *Urtāns V. Senākie depoziiti Latvijā (līdz 1200. g.). Rīga, 1977; Берга Т. М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига, 1988.*

² *Granberg B. Förteckning över kufiska myntfynd i Finland. (Studia Orientalia. Vol. XXXIV.) Helsinki, 1966; Talvio T. Coins and coin finds in Finland, AD 800–1200. (ISKOS. No. 12.)*

³ *Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962; Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. Вып. 3. Л., 1967. С. 106–194, карта; Molvögin A. Die Funde westeuropäischer Münzen des 10. bis 12. Jahrhunderts in Estland. Hamburg, 1996.*

⁴ *Матвеева Г. И., Морозов В. Ю. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991. С. 172–184; Морозов В. Ю. Топография кладов и случайных находок монет на территории Куйбышевской (Самарской) области // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995. С. 319–326; Морозов В. Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996. С. 148–164; Морозов В. Ю. Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии) : Материалы II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 г. Самара, 1998. С. 378–386; Морозов В. Ю. Топография находок сасанидских драхм в Урало-Поволжском регионе // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005. С. 81–98.*

⁵ *Goldina R. D., Nikitin A. B. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine coins from the region of Perm', the Kama-Urals area // Studies in Silk Road coins and culture : Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday. (Silk Road Art and Archaeology, special volume 1997.) Kamakura, 1997. P. 111–130; Мингалеев В. В. Монетный комплекс памятников раннего средневековья Прикамья и Вычегодского края // Пути средневековых торговцев: Сб. материалов круглого стола, проведенного в рамках международного XVI Уральского археологического совещания (Пермь, 6–10 октября 2003 г.). Пермь, 2004. С. 39–46; Наймарк А. И. Замечания о восточноевропейских находках бухарских и хорезмских монет VI–IX веков // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 года) : Материалы докл. и сообщ. СПб., 2015. С. 28–33..*

Мокерову и В. Н. Седых¹.

В этом же регионе концентрируются памятники сакрализованной серебряно-меховой экономики *югорского общества*², в рамках которой следует рассматривать совокупно нумизматические памятники и памятники торевтики (тем более что известны монетные клады, упакованные в серебряные сосуды; таковы Бартымский клад с византийскими гексаграммами середины VII века³ и Ягошурский клад в согдийском серебряном кувшине). Последние публиковались в небольших статьях и сводных альбомах и каталогах⁴; все эти точки каталогизированы также в публикациях И. А. Талицкой⁵. Новые памятники монетного обращения в ареале югорского общества публиковались и исследовались Е. А. Беговатым и А. Н. Кирилловым⁶,

---

¹ Мокерова Е. Ю. Клады и находки монет VIII–XVII вв. на территории Вятского края (хронология и топография) // МНА «Монета». Вып. 3. 1995. С. 34–63; Седых В. Н. О находках сасанидских и куфических монет на территории Удмуртии (материалы к Топографии) // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 55–57.

² См. его апологию и описание его сакральной серебряно-меховой экономики: Кулешов В. С. Югорское общество V–XV вв.: модель сакральной экономики, археологическая атрибуция и проблема этнической принадлежности // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная. Пермь, 2017. С. 74–89; *он же*. Серебро за меха из Страны мрака: памятники византийской, восточной и западной торевтики и нумизматики в сакральной экономике югорского общества V–XV вв. // Византия в контексте мировой культуры: Материалы конференции, посвящённой памяти А. В. Банк (1906–1984). (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXXIX.) СПб., 2017. С. 363–372.

³ Казаменова Л. Н. Бартымский клад византийских серебряных монет VII века // Нумизматический сборник. Часть вторая. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. XXVI.) М., 1957. С. 70–76, табл. VIII–XIII.

⁴ См. библиографию работ Я. И. Смирнова, Л. А. Мацулевича, И. А. Орбели, К. В. Тревер, В. Г. Луконина, А. П. Смирнова, О. Н. Бадера, И. А. Лунегова, В. П. Даркевича, Б. И. Маршака, В. Н. Залесской, Н. В. Федоровой: Кулешов В. С. Серебро за меха из Страны мрака... С. 368–369, примеч. 6–22.

⁵ Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким). (Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. [Т.] IV. Материалы и исследования по археологии СССР. № 27.) М., 1952; *она же*. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 35.) М., 1953. С. 242–357.

⁶ Беговатов Е. А., Кириллов А. Н. Омутницкий клад куфических монет второй половины IX в. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 года). М., 2015. С. 57–59. Более внимательное изучение этого важного клада, очевидно, еще предстоит. По доступной на сайте музея "Иднакар" описи монет, снабженной фотовоспроизведениями, кладе определяются единичные дирхамы Саффаринов, Баниджуридов и хазарские подражания, что датирует этот клад концом последней трети IX века до экспансии саманидских типов и позволяет определить исходные регионы формирования монетного комплекса: Нижнее Поволжье и Средняя Азия.

Т. И. Останиной¹ и Р. Ф. Вильдановым².

В меньшей степени обобщены памятники монетного обращения Большой Хазарии (от Дагестана до Крыма и от Центрального Предкавказья до лесостепного пограничья). Вопросы поступления и тезаврации золотых монет (византийских и куфических) рассматривались А. И. Семеновым, А. В. Комаром, В. В. Гурулевой и нами³. Изданы небольшие своды по Дагестану и более западным областям Се-

¹ *Останина Т. И.* Лесагуртский клад IX в. в бассейне Чепцы: Каталог археологической коллекции. Ижевск, 2015.

² *Вильданов Р. Ф.* Монеты и хронология Рождественского археологического комплекса // *Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Вып. 1.* Пермь, 2000. С. 20–26; *он же.* Монеты из сборов и раскопок на Рождественском археологическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // *Белавин А. М., Крыласова Н. Б.* Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. (Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. I.) Пермь, 2008. С. 536–542; *он же.* Дирхем Мумина Бен Ахмеда с Рождественского могильника // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI: Пермские финны и угры Урала в эпоху железа.* Пермь, 2009. С. 211–214; *Вильданов 2008; Мельничук А. Ф., Вильданов Р. Ф., Голдобин А. В.* Раннесредневековый восточный монетный комплекс жертвенного места ломоватовской культуры в устье р. Сылва // *Вестник Пермского университета. История. Вып. 5.* Пермь, 2004. С. 125–130; *Мельничук А. Ф., Вильданов Р. Ф., Голдобин А. В., Головчанский Г. П.* Истоки восточно-римской утвари и монетного материала на средневековых памятниках археологии Верхнего Прикамья // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. X.* Пермь, 2015. С. 21–35.

³ *Семенов А. И.* Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // *Проблемы археологии. Вып. II.* Л., 1978. С. 180–183; *он же.* Византийские монеты Келегейского комплекса // *Археологический сборник. Вып. 31: Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии.* Л., 1991. С. 121–130; *он же.* «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата // *Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове (22–26 апреля 1996 г.).* М., 1996. С. 29–32; *Комар А. В.* Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita Antiqua.* 1999. № 2. Київ. С. 111–136; *Круглов Е. В.* Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // *Хазарский альманах. Т. 1.* Харьков, 2002. С. 79–93; *он же.* Обращение византийских солидов VI–VIII вв. в Восточной Европе // *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.).* СПб., 2003. С. 50–52; *он же.* Обращение византийских и арабских монет в Хазарском каганате в VIII в. и их датирующие возможности // *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.).* М., 2004. С. 52–54. *он же.* Этапы обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях и их датирующие возможности в памятниках археологии // *Археологические записки. Вып. 4.* Ростов-на-Дону, 2005; *Гурулева В. В.* Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судак // *Сугдейский сборник.* Киев; Судак, 2004. С. 430–441; *она же.* Новая группа византийских монет из Славянского клада // *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.).* М., 2004. С. 43–44; *она же.* Особенности и разновидности подражаний монетам византийских императоров первой половины VIII в. в Крыму и в Хазарии // *Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.).* М., 2005. С. 44–45; *она же.* Византийские монеты из Славянского (Анастасиевского) клада в собрании Государственного Эрмитажа // *Материалы и исследова-*

верного Кавказа¹. Памятником финальной стадии денежного обращения Хазарии является Саркельский клад из раскопок М. И. Артамонова².

Нумизматические источники славяно-хазарского пограничья и славянских племенных объединений южной полосы лесной зоны каталогизированы И. И. Ляпушкиным³, а в наши дни — В. В. Енуковым, С. П. Щавелевым, А. Г. Шпилевым⁴, Г.

ния Отдела нумизматики. Памяти А. А. Марковой (1895–1975). (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLVIII.) СПб., 2009. С. 68–85; *Гурулева В. В., Кулешов В. С., Юрченко Т. В.* Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011. С. 136–186, табл. XXI–XXXIV; *Кулешов В. С.* О распространении золотых куфических монет VIII в. в Восточной Европе // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009). М., 2009. С. 59–61.

¹ *Виноградов В. Б.* Монетные находки и клад на территории Чечено-Ингушетии (до конца XVIII века). Грозный, 1981; *он же.* Судьбы древних монет. (Опыт лирической нумизматики). Грозный, 1982; *Виноградов В. Б., Денуева А. Б.* Монетные находки и клад на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987. С. 75–89; *Гусев С. В.* К вопросу об экономических связях Дагестана с Ближним Востоком в VIII — первой половине XIII вв. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: Тезисы докладов IV конференции молодых учёных ИА АН СССР. М., 1988. С. 84–86; *он же.* Северо-восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают. М., 1995; *Гусев С. В., Кропоткин В. В.* Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // Acta Orientalia. Т. 45 (2–3). Budapest, 1991. С. 403–423; *Прокопенко Ю. А.* К вопросу о находках в Центральном и Восточном Предкавказье иранских монет VI–VII вв. // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1999; *он же.* К вопросу о чеканке в VII в. золотых подражаний византийским монетам в районе р. Сулак (Дагестан) // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Ярославль, 13–23 апреля 1999 г.). М., 1999. С. 43–45; *он же.* История северокавказских торговых путей IV в. до н. э. — XI в. н. э. Ставрополь, 1999; *он же.* К вопросу о находках на Северном Кавказе резаных куфических дирхамов // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002. С. 63–65.

² *Быков А. А.* Куфические монеты из клада, найденного в Саркеле // Палестинский сборник. Вып. 25 (88): Культура Ближнего Востока древнего и раннесредневекового времени. Л., 1974. С. 136–143.

³ *Ляпушкин И. И.* Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 74.) М.; Л., 1958; *он же.* Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 104.) М.; Л., 1961; *он же.* Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 152.) Л., 1968. Нами была проанализирована нумизматическая ситуация в славянской общине Новотроицкого городища роменской культуры: *Кулешов В. С.* Денежное обращение новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы международной конф., посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902–1968) (Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г.). СПб., 2012. С. 65–71.

⁴ *Енуков В. В., Щавелев С. П.* Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII вв. // Торговля Курского края с древнейших времён до начала XX века. Курск, 1996. С. 12–34; *Щавелев С. П.* Клады арабского серебра в Курском Посеймье // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002. С. 144–149; *Ену-*

Ю. Стародубцевым, В. П. Лебедевым, С. И. Миловановым¹. Первая попытка анализа кладов северянских круглых обрезков из дирхамов принадлежит В. В. Зайцеву² (работы Р. Р. Фасмера и А. А. Быкова по этой проблеме тогда не были известны), в

ков В. В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002. С. 3–46; Енуков В. В. Клад восточных монет X в. из музея г. Дмитриева // Ю. А. Липкинг и археология Курского края: Материалы межрегиональной научной конференции (Курск, 15–17 ноября 2004 г.). Курск, 2005. С. 60–64; Шпилев А. Г. Курские клады куфических монет и северянское Посемье // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. Т. I. Природа. Археология. Музейное дело. Тула, 2003. С. 344–362; он же. Северянское Посемье. Курское княжение // Очерки истории Курского края с древнейших времён до XVII в. Курск, 2008. С. 192–330; Гребенникова И. В., Шпилев А. Г. Денежно-вещевой клад из с. 2-я Воробьевка Курской обл. // Верхнее Подонье. Археология, история. Вып. 4. Тула, 2009. С. 34–44.

¹ Лебедев В. П., Сотников А. В., Шпилев А. Г. Клад арабских и византийских монет 70-х годов X в. из деревни 1-е Красниково Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М., 2009. С. 6–16; Колода В. В., Лебедев В. П., Енуков В. В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северной земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. (Археология евразийских степей. Вып. 18.) Казань, 2014. С. 6–160; Лебедев В. П., Колода В. В., Енуков В. В. Безлюдовский клад 1930 г.: типология, метрология, граффити // Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам Международной конференции «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXXI.) СПб., 2017. С. 113–120; Лебедев В. П., Стародубцев Г. Ю. Кошелёк с 17 северянскими резанами X в. из Курской области // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 года). СПб., 2011. С. 53–55; Лебедев В. П., Стародубцев Г. Ю. Клад обрезанных дирхамов с Жерновецкого селища Курской области // III Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 22–24 апреля 2016 года): Материалы докладов и сообщений. СПб., 2016. С. 118–133; Стародубцев Г. Ю. Археологический комплекс Жидеевка: нумизматические находки конца X начала XI веков // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18–20 апреля 2014 года): Материалы докладов и сообщений. СПб., 2014. С. 58–64; Лебедев В. П. Обращение куфических дирхамов на территории северян в X в. // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 года): Материалы докладов и сообщений. СПб., 2015. С. 130–141; Гоглов С. А., Лебедев В. П. Клад монет X века с окраины города Шебекино Белгородской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М., 2018. С. 38–51; Лебедев В. П., Гоглов С. А., Никитин А. П., Яблоков А. Г. Боршевский клад обрезанных дирхамов и подражаний из Воронежской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М., 2018. С. 6–37; Милованов С. И. Восточное направление торговых связей населения боршевской культуры по нумизматическим материалам (VIII — первая половина X в.) // Истоки славянства и Руси: Сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24–25 декабря 2005 г.). СПб., 2012. С. 297–305.

² Зайцев В. В. К вопросу об обращении обрезанных в кружок куфических монет в X в. // Елец и его окрестности. Елец, 1991. С. 110–112; он же. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г.» (25–28 февраля 1992 г.). СПб., 1992. С. 27–28.

дальнейшем наиболее полные исследования проблемы провел В. П. Лебедев.

Памятником денежного обращения хазарского времени в Киевском поднепровье является монетная секрия из раскопок городища Монастырек¹. Своеобразным регионом Восточной Европы, давшим нумизматические памятники славяно-русского облика X в., является территория Молдавии (точнее, Прутско-Днестровское междуречье)². Анализ и осмысление этих комплексов продолжаются в работах молдавский авторов³.

Комплекс нумизматических памятников Волжской Булгарии представлен кладовыми находками и серебряными монетами правителей этого исламского государства X века. Всестороннему анализу денежного обращения, весовых систем и торгового инвентаря Волжской Булгарии посвящены монографии и специальные статьи Р. М. Валеева⁴ и, в меньшей степени, отдельные очерки в монографиях А. Г. Мухамадиева⁵. Особо следует отметить статьи Е. А. Беговатова о монетных на-

¹ Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988; Кулешов В. С. О куфических монетах из с. Монастырѣк в Среднем Поднепровье // XIV Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 года). СПб., 2007. С. 64–65..

² Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 89.) М., 1960; Нудельман А. А. Топография кладов и находок единичных монет. (Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 8.) Кишинёв, 1976; *он же*. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времён до образования феодального Молдавского государства). Кишинёв, 1985; Равдина Т. В. О датировке городища Алчедар // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинёв, 1988. С. 54–71..

³ Рабинович Р. А. Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст // *Stratum plus*. 1999. № 6. С. 263–275; Рабинович Р. А., Рябцева С. С. Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLIX.) СПб., 2009. С. 292–308; Болдуриану А. Византийские и исламские монеты из Алчедарского клада // *Stratum plus*. 2010. № 5. С. 301–306; Болдуриану А. И., Рябцева С. С. Денежно-вещевые клады и отдельные находки монет в памятниках Карпато-Днестровского региона IX — начала XI вв. // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 года): Материалы докладов и сообщений. СПб, 2015. С. 108–115.

⁴ Валеев Р. М. К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних булгар (VIII–X вв.) // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 83–96; *он же*. О болгарской товарно-денежной системе X в. // Из истории материальной культуры татарского народа. Казань, 1984. С. 64–73; *он же*. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX — начала XIII веков. Казань, 1995; *он же*. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX — начало XV вв.). Казань, 2007.

⁵ Мухамадиев А. Г. Древние монеты Поволжья. Казань, 1990; *он же*. Древние монеты Казани. Казань, 2005.

ходках селища на Семеновском острове, Билярского археологического комплекса и некоторых других¹ и публикации В. П. Лебедева по региону Среднего Поволжья².

Что касается находок волжско-булгарских монет в монетном обращении за пределами Среднего Поволжья, то эта тема не перестает привлекать внимание специалистов³.

¹ *Беговатов Е. А.* Новый клад куфических монет вблизи Билярска // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 122.) М., 2000. С. 237–239; *он же.* Волжская Булгария (Измерский регион) конца X — начала XI в. по нумизматическим данным // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002. С. 193–196; *он же.* Билярский клад куфических монет конца X — начала XI в. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003. С. 71–72; *он же.* Дирхемы Симджуридов из Билярского клада рубежа X–XI в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004. С. 64–65; *он же.* Заметка по нумизматике Прикаспийских государств рубежа X–XI вв. (Саманиды, Симджуриды, Буиды, Зийариды) // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань, 2005. С. 31–42, 216–218 (табл. 1–3); *он же.* Дирхамы хорезмшаха Али б. Мамуна в Крещёно-Барановском и Билярском кладах куфических монет // XIV Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 года). СПб., 2007. С. 70–71; *Беговатов Е. А., Черняев А. А.* Новые находки куфических монет на территории Татарстана. Бураковский клад // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18–20 апреля 2014 года): Материалы докладов и сообщений. СПб., 2014. С. 26–32.

² *Винничек В. А., Лебедев В. П.* Восточные монеты X века и монетовидные подвески с домонгольских поселений Верхнего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003. С. 376–391; *Лебедев В. П., Винничек В. А.* Нумизматические находки с домонгольских памятников Верхнего Посурья // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005. С. 407–420; *Лебедев В. П., Кожевин А. Е.* О находках золотых динаров династии Саманидов на памятниках Волжской Булгарии // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009). М., 2009. С. 63–64; *Лебедев В. П., Трушин И. Д.* Русско-Юрткульский клад 2010 г. первой половины X в. // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фомина (Москва, 21–22 ноября 2011 г.). М., 2011. С. 30–34; *они же.* Дирхам династии Джастанидов на Арбузовском селище X–XI вв. в Ульяновской области // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 года). СПб., 2011. С. 56–58; *они же.* Монеты южного древнерусского денежного обращения рубежа X–XI вв. на домонгольских болгарских памятниках Ульяновской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 4. М., 2012. С. 6–16.

³ *Vasmer R.* Beiträge zur muhammedanischen Münzkunde. II. Über die Münzen der Wolga-Bulgaren. I. Die Münzen der Abū Dāʿudiden. II. Über die Münzen der Wolga-Bulgaren // Numismatische Zeitschrift. [Bd.] 58. Wien, 1925. S. 49–84; *Фасмер Р. Р.* О монетах Волжских Болгар X века // Известия Общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXXIII. Вып. 1. Казань, 1926. С. 29–60; *Белавин А. М., Оборин В. А.* Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986. С. 63–75; *Кропоткин В. В.* Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986.

Наконец, памятники монетного обращения и экономической активности русских и прибалтийско-финских коллективов эпохи викингов (центральная часть лесной зоны, Карелия и Русский Север) вводятся в научный оборот как целыми сводками¹, так и отдельными публикациями и разделами в археологических статьях и монографиях. Как правило, авторы ввиду важности этого материала для собственно раннедревнерусской проблематики стремятся сразу же перейти к его интерпретации и реконструкции в терминах зон обращения и торговых путей². В

C. 38–62; *Kropotkin V.* Bulgarian tenth-century coins in Eastern Europe and around the Baltic. Topography and distribution routes // *Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989.* (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. N. 6.) Stockholm; London, 1990. P. 197–200; *Калинин В. А.* О монетах эмира Волжской Булгарии Абдаллаха б. Микаила // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003. С. 75–77; *Леймус И.* Монеты Волжской Булгарии в эстонских кладах // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М., 2005. С. 61–63; *Гомзин А. А.* Монеты волжских болгар в Среднем и Нижнем Поочье // *Археология древнерусского города XI–XV веков. Проблемы источникововедения, становления государственности и культурогенеза.* М., 2011. С. 16–18.

¹ *Монгайт А. Л.* Рязанская земля. М., 1961; *Носов Е. Н.* Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII — X в. // *Вспомогательные исторические дисциплины.* Т. VIII. Л., 1976. С. 95–110; *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // *Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы.* (Славяно-русские древности. Вып. 1.) Л., 1988. С. 38–79; *Равдина Т. В.* Погребения X–XI вв. с монетами на территории древней Руси: Каталог. М., 1988; *Спиридонов А. М.* Монетные клады Карелии. Приложение: материалы к топографии находок монетных кладов XI–XVIII веков в Карелии // *Вестник Карельского краеведческого музея.* Вып. 3: К 100-летию со дня рождения С. А. Макарьева. Петрозаводск, 1995. С. 136–151. Для Приладожья особенно важна монография: *Кочкуркина С. И.* Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками: Каталог. Петрозаводск, 2013. Эта книга, созданная по нашей просьбе, тематически продолжает предшествующие работы С. И. Кочкуркиной над погребальными комплексами приладожской курганной и древнекарельской культур с нумизматическим материалом и торговым инвентарем: *Кочкуркина С. И.* Оятские могильники X–XI вв. // *Советская археология.* 1968. № 2. С. 72–81; *она же.* Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973; *она же.* Археологические памятники корелы. V–XV вв. Л., 1981; *Кочкуркина С. И., Линеvский А. М.* Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск, 1985.

² *Вилинбахов В. Б.* Балтийско-Волжский путь // *Советская археология.* 1963. № 3 С. 126–135; *Зоценко В. Н.* Пути проникновения скандинавов в Среднее Поднепровье (IX–X вв.) // *Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.).* М., 1985. С. 126–127; *Булкин В. А., Зоценко В. Н.* Среднее Поднепровье и неманско-днепровский путь IX–XI вв. // *Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.»* (Чернигов, 26–28 сентября 1988 г.). Киев, 1990. С. 117–123; *Зоценко В. М.* Південне коло обігу дїрхемів у Східній Європі (VIII–X ст.) // *Археологія.* 1991. № 4. Київ. С. 58–72; *Булкин В. А., Мачинский Д. А.* Русь конца VIII — начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // *Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов).* Сыктывкар, 1986. С. 13–26; *Леонтьев А. Е.* Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // *Краткие сообщения Института археологии.* Вып. 183: Средневековая археология Восточной Европы. М., 1986. С. 3–9; *Лебедев Г. С.* Петергофский клад начала IX века как

то же время, рост количества находок и уровня изученности территории русского освоения IX–XI веков делает необходимым отказ от линейных схем в пользу схем сетевых и точечных. Это означает, что анализ находок в терминах путей и потоков (с выделением конкретных участков, переходов и зон концентрации монетного материала, по-видимому, уступит место анализу в социальных терминах.

На пути создания свода нумизматических памятников раннесредневековых восточноевропейских обществ, удовлетворявших бы современному источниковедческому уровню, стоят разнообразные препятствия, поэтому решение этой задачи отдалается. Тем не менее, уже накопленные в литературе данные о нумизматических источниках (при всех сложностях их сопоставления и неизбежных субъективных ограничениях) можно использовать для изучения вопросов денежного обращения, экономики и социально-политического развития народов и государств Восточной Европы раннего средневековья. Прежде всего, очевидна необходимость в создании единого и строго унифицированного метаязыка формального описания и функциональной атрибуции денежных (монетных, смешанных и немонетных) комплексов, метаязыка определений входящих в их состав категорий и современного, точного и адекватного словаря атрибуций монетных типов, требуемых для росписи типологического состава кладов и их композиционной динамики. Потребуется здесь и числовые эквиваленты (типа индекса фрагментации и нечетких переменных)¹, и графические формы (типа гистограмм погодного распределения, более точных по сравнению с декадными графиками А. В. Фомина). Очевидно также, что здесь мы можем только наметить круг задач подобного типа, и предварительно подойти к их решению. Во-вторых, очевидна необходимость в создании более точной и более дробной (по сравнению с системой Р. Р. Фасмера — Н. П. Бауера — В. Л.

источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002. С. 21–35; *Леонтьев А. Е., Носов Е. Н.* Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 382–401.

¹ Кратко о задачах такого типа нам уже приходилось писать ранее в связи с задачами датировки небольших монетных комплексов, см.: *Кулешов В. С.* О композиции и датировке Баклинского клада 1999 г. // II Международный нумизматический симпозиум «ПриПОНТийский меняла: деньги местного рынка» (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 14–19 сентября 2012 г.). Севастополь, 2012. С. 24–26.

Янина даже с уточнениями А. В. Фомина) системы нумизматической хронологии (хронологической системы / периодизации монетного обращения), применимой бы ко всем комплексам с исламскими серебряными монетами VIII–XI веков. Предлагаемое решение этой задачи — пробное и нуждающееся в обсуждении — будет дано ниже.

2.3. Источниковедение истории денежного обращения стран Халифата и основные группы монет в восточноевропейских кладах

К сожалению, применительно к отечественной историографии сохраняет свою актуальность следующее заключение Н. П. Бауера: «Восточная нумизматика... еще не написана»¹. В то же время мировая историко-нумизматическая наука располагает серьезными достижениями в области описания и классификации раннеисламских монет. Таковы, в частности, типологические и региональные своды², а также обобщения аналитического³, справочного⁴ и компилятивного типа⁵. Таким образом, мы располагаем сейчас значительно более полной и надежной базой для изучения истории монетных эмиссий и денежного обращения в раннесредневековом исламском мире, нежели та, которой в свое время располагали Р. Р. Фасмер (сам много сделавший для ее расширения) и Н. П. Бауер.

¹ Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Изд. подг. П. Г. Гайдуков. (История русской науки: материалы и исследования. Вып. II.) М., 2014. С. 84.

² *Eustache D.* Corpus des dirhams Idrīsites et contemporains: collection de la Banque du Maroc et autres collections mondiales, publiques et privées. (Études sur la numismatique et l'histoire monétaire du Maroc. [Vol.] I.) Rabat, 1970–1971; *Lowick N.* Early 'Abbāsīd Coinage: A Type Corpus. 132–218 H / AD 750–833. London, 1996; *Treadwell L.* Buyid coinage: A die corpus (322–445 A.H.). Oxford, 2001; *Album S.* Checklist of Islamic Coins. Third Edition, November 2011. Santa Rosa CA, 2011; *Vardanyan A. R.* Islamic Coins Struck in Historic Armenia. I. Armīniya, Arrān (Madīnat Arrān), Barda'a, Dabīl, Hārūnābād / al-Hārūniya and Ma'din Bājunays. Early 'Abbāsīd Period (142–277 AH / 759–891 AD). Yerevan, 2011.

³ *Shamma S.* Aḥdāt 'aṣr al-Ma'mūn ka-mā tarwīhā al-nuqūd: The time of Al-Ma'mun in the light of numismatic evidence. Irbid, 1995; *Klat M. G.* Catalogue of the Post-Reform Dirhams: The Umayyad Dynasty. London, 2002.

⁴ *Zambaur E.* Die Münzprägungen des Islams zeitlich and örtlich geordnet. Bd. I: Der Westen und Osten bis zum Indus, Mit synoptischen Tabellen. Wiesbaden, 1968; *Shams Eshragh, A.* Silver Coinage of the Caliphs (a Fully Illustrated Catalogue). London, 2010.

⁵ *Diler Ö.* Islamic mints. Islām darp yerleri. İstanbul, 2009. Vol. 1–3.

Ниже предлагается источниковедческий очерк, описывающий динамику выпусков серебряных монет в странах исламской цивилизации второй половины VII — первой половины XI в., обращавшихся в Восточной Европе.

На протяжении VII — первой половины VIII вв. в монетном обращении Ближнего Востока доминирующее положение занимали серебряные монеты Сасанидского Ирана — драхмы или дирхамы. Во второй половине VII в. полностью однородная структура серебряного обращения обогатилась монетами новой эмиссионной группы — дирхамами умаййадских наместников Ирана (иначе также называемых арабо-сасанидскими драхмами), оформление которых во всем следовало сасанидским драхмам с портретными изображениями царей; общий обзор их типов предложен в монографии А. И. Колесникова¹.

В самом конце VII в. в ходе административных реформ умаййадского халифа ‘Абд ал-Малика ибн Марвана была введена новая серебряная монета общегосударственного образца — эпиграфический дирхам (без изображений и с арабскими надписями эпиграфическим шрифтом куфи). К середине VIII в. куфические дирхамы в массе обращения достигли паритета с сасанидской драхмой. На протяжении более чем полувека (697–750 гг.) дирхамы Умаййадов выпускались ежегодно, известна продукция немногим менее сотни монетных дворов от Испании до Кермана в Восточном Иране² и выявлен их эмиссионный ритм³.

Окончательный вид система серебряной монетной чеканки приобрела после смены в Халифате правящей династии: в результате кровопролитной гражданской войны в 132 г. х. (750) Умаййадов сменили ‘Аббасиды. Эпоха ‘аббасидских халифов занимает центральное место в истории монетного дела стран раннесредневековой арабо-мусульманской цивилизации не только в силу своей временной протяженности (750–945), но и благодаря тому обстоятельству, что именно в этот период сложились, прошли ряд этапов развития, широко распространились и глубоко

¹ Колесников А. И. Денежное хозяйство в Иране в VII веке. М., 1998.

² Klat M. G. Catalogue of the Post-Reform Dirhams: The Umayyad Dynasty. London, 2002; Кулешов, В. С. Периодизация чеканки куфических дирхамов в Халифате Умаййадов (по данным нумизматических источников) // Материалы и исследования Отдела нумизматики: Памяти А. А. Марковой (1895–1975). (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLVIII.) СПб., 2009.

³ Кулешов, В. С. Периодизация чеканки куфических дирхамов в Халифате Умаййадов... Табл. 2.

укоренились новые подходы к организации монетного дела, правила оформления монетных выпусков и принципы реализации государственного права чеканки (монетной регалии).

К монетному делу халифата ‘Аббасидов генетически восходят все (исключая Западный халифат кордовских Умаййадов) локальные традиции монетного производства всех последующих эпох, начиная со второй половины VIII в. и особенно — с середины IX в., и всех (за исключением Испании) регионов исламского мира и его ближней периферии — от Северной Африки до восточных пределов Хорасана и от Южной Аравии до Восточной Европы. На протяжении более чем полутора веков — от последних десятилетий VIII до середины X в. — ‘аббасидские серебряные монеты абсолютно преобладали в денежном хозяйстве центральных провинций Халифата.

Общая схема ‘аббасидской нумизматической хронологии, широко признанная в настоящее время, принадлежит М. Бэйтсу¹. Согласно Бэйтсу, суммировавшему наблюдения предшественников, монетное дело халифата ‘Аббасидов следует рассматривать в рамках трех периодов: от присяги ас-Саффаха до смерти ал-Ма’муна (750–833 гг.), от присяги ал-Му‘тасим би-ллаха до смерти ал-Му‘тамид ‘ала-ллаха (833–892 гг.) и от присяги ал-Му‘таид би-ллаха до падения власти ‘Аббасидов в Багдаде при ал-Мустакфи би-ллахе (892–945 гг.). Для этих периодов приняты и используются индексы EA (Early ‘Abbasid, рус. РА, раннеаббасидский период), MA (Middle ‘Abbasid, рус. СА, среднеаббасидский период) и LA (Later ‘Abbasid, рус. ПА, позднеаббасидский период). По типологическим и технологическим особенностям чеканки серебряных монет эти периоды сильно разнятся, хотя при определении хронологических границ между ними приходится в неменьшей степени опираться и на события политической истории.

Известны монеты более чем 110 монетных дворов, расположенных на огромной территории от Северной Африки, Египта и Сирии до Средней Азии и Восточного Ирана и от Йемена до Верхней Месопотамии и Закавказья.

---

¹ *Bates M. L. The ‘Abbasid Coinage System, 833–946: Unpublished paper presented at the Annual Meeting of The Middle East Studies Association, 1996. Статья не опубликована и известна только в форме рукописи (файла).*

В хронологических рамках раннеаббасидского периода фиксируются первые центробежные тенденции в политике и монетном деле арабо-исламского мира. Наиболее важными из них являются отложение Испании (араб. *ал-Андалус*), где продолжилось правление умайядской династии и чеканились анонимные (без обозначение имени правителя) серебряные монеты старого эпиграфического типа, и Дальнего Магриба, где в начале 170-х гг. х. (конец 780-х гг.) утвердилась власть династии Идрисидов и их современников. Что касается Северной Африки, то в этой провинции номинально подчинявшиеся власти 'Аббасидов местные наместники в Кайруане (на монетах: Ифрикийя) со 150-х гг. х. (770-е гг.) чеканили легко-весные дирхамы, эпиграфический облик которых уже в начале 780-х гг. сильно деградировал по сравнению с нормами центральных монетных дворов. Массовая чеканка этих низкокачественных монет, на которых, за исключением нескольких монетных типов общегосударственного образца, обозначались имена наместников, а не их сюзеренов-халифов, продолжалась до начала 180-х гг. х. (конец 790-х гг.).

Рубежным в масштабах всего раннеаббасидского периода является 179 г. х. (795/796), отмеченный началом монетной реформы, о которой нет прямых и недвусмысленных упоминаний в письменных источниках¹. В рамках этой реформы в течение 180-х гг. х. (795–800) имело место «окончательное решение» вопроса о законности африканских монет и допустимости их обращения. Как показывает анализ нумизматических памятников, монеты африканских наместников были изъяты из обращения в Халифате и в течение 179–192 гг. х. (795–808) перечеканены, а в самой северной Африке со 184 г. х. (800) утвердилась и начала чеканку собственных монет полностью независимая династия Аглабидов².

В самом конце VIII и на рубеже VIII–IX вв. структура серебряного обращения в Халифате имела следующий вид: значительное место по-прежнему занимали монеты из обращения VII — первой половины VIII в. (драхмы Сасанидов

---

¹ Учитывая, что приблизительно в этот год, при халифе ар-Рашиде, должно было праздноваться столетие начала монетной чеканки в Халифате, мы условно предлагаем называть эту реформу «юбилейной»: Кулешов Хронология 1. С. 48.

² *al-'Ush M. A.-F. Monnaies aġlabides étudiées en relation avec l'histoire des Aġlabides. (Publications d'Institut Français de Damas. [No.] 110.) Damas, 1982. Об этой династии: Talbi M. L'Émirat Aghlabide. 184–296, 800–909: Histoire politique. (Publication de la Faculté des lettres [de] Tunis.) Paris, 1966.*

и куфические дирхамы Умаййадов с небольшой, но характерной примесью «арабо-сасанидских» дирхамов умаййадских наместников Ирана), но диагностически значимыми оказываются эпиграфические дирхамы первых трех 'аббасидских халифов (ас-Саффаха, ал-Мансура и ал-Махди) и монеты африканской чеканки (легкие дирхамы наместников Ифрикии / Северной Африки). Монеты последней локально-хронологической фракции оказываются самым важным маркером, так как, во-первых, с их притоком в центральные проваинции в последней четверти VIII в. были связаны поступления прочих типологических групп Западного Средиземноморья (дирхамы Идрисидов и их современников и дирхамы Умаййадов Испании) и, во-вторых, после исключения их из денежного обращения Халифата на рубеже VIII–IX вв. это последнее весьма существенно изменило свою структуру.

Помимо сказанного, для характеристики монетного обращения второй половины VIII и начала IX в. исключительно важен эпизод эмиссии своеобразных серебряных монет 'аббасидских наместников Табаристана — исторической области на южном побережье Каспийского моря. Здесь в 767–793 гг. чеканились не эпиграфические дирхамы, а легковесные монеты арабо-сасанидского типа («полудрахмы», «табаристанские драхмы», «табаристанские дирхамы»)¹.

Для раннеаббасидского периода характерно разнообразие разновидностей куфических дирхамов: монетное дело проходит несколько ясно выделяемых этапов динамичного развития, с присущими им характерными особенностями, и претерпевает несколько монетных реформ, весьма «рельефно» представленных в нумизматических источниках. Можно выделить следующие ступени раннеаббасидского периода:

РА/ЕА I, 132–145 гг. х. (750–763), около 14 лет;

РА/ЕА II, 146–159 гг. х. (763–776), около 14 лет;

---

¹ *Vasmer R.* Die Eroberung Ṭabaristāns durch die Araber zur Zeit des Chalifen al-Manṣūr // *Islamica*. Vol. III. Fasc. 1. Leipzig, 1927. S. 86–150; *Malek H. M.* The Dābūyid Ispahbads and Early 'Abbāsīd Governors of Ṭabaristān: History and Numismatics. (Royal Numismatic Society Special Publication No. 39.) London, 2004; *Кулешов В. С.* Хронология раннеаббасидских наместников Табаристана в устной традиции и в памятниках нумизматики: проблема корреляции разноплановых источников // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXIX Международной науч. конф. (Москва, 13–15 апреля 2017 г.). Москва, 2017. С. 213–220.

РА/ЕА III, 160–178 гг. х. (776–795), около 19 лет;

РА/ЕА IV, 179–192 гг. х. (795–808), около 14 лет;

РА/ЕА V, 193–206 гг. х. (808–822), около 14 лет;

РА/ЕА VI, 207–217 гг. х. (822–832), около 11 лет.

Особое значение имеет рубеж между III и IV степенями (см. выше о «юбилейной» реформе ар-Рашида) и ступень VI, соответствующая монетной реформе ал-Ма'муна, в ходе которой был установлен новый, среднеаббасидский монетный канон (эта ступень должна интерпретироваться как переходная к среднеаббасидскому периоду)¹. В ходе монетной реформы ал-Ма'муна, в 820-х гг. фиксируется резкое падение продуктивности всех монетных дворов, в том числе и столичных: монеты этого времени намного менее частотны, чем «наводнившие» монетное обращение первой половины IX в. монеты IV–V ступеней чеканки (вторая половина 790-х — 810-е гг.). Изменяется и география монетного производства: при ал-Ма'муне как наследнике престола и как халифе количественно доминирует продукция монетных дворов восточных провинций — Хорасана и Мавараннахра, т. е. Восточного Ирана и Средней Азии.

С завершением реформы ал-Ма'муна монетное дело Халифата вступило в среднеаббасидский период, особенностями которого явились стабилизация эпиграфического канона и низкая вариабельность монетных типов, а также значительное и все прогрессирующее ухудшение технологических стандартов чеканки.

Во второй трети IX в. в обращении появляются так называемые «слепые дирхамы», т. е. монеты, чеканенные частично, сильно и даже полностью сработанными штампами. Это явление, начавшееся, по-видимому, на монетных дворах восточных провинций Халифата, ко времени ал-Мутаваккил 'ала-ллаха (840-е и 850-е гг.) захватывает и столичные монетные дворы. Пика процесс ухудшения качества серебряной чеканки достигает при ал-Муста'ин би-ллахе и ал-Му'тазз би-ллахе (860-е гг.).

Нумизматическая история среднеаббасидского периода оказывается намного менее расчлененной, чем раннеаббасидского. Можно выделить две ступени:

---

¹ *Shamma S. Aḥdāt 'aṣr al-Ma'mūn ka-mā tarwīhā al-nuqūd: The time of Al-Ma'mun in the light of numismatic evidence. Irbid, 1995*

СА/МА I, 218–253 гг. х. (833–867), около 33 лет;

СА/МА II, 254–278 гг. х. (868–892), около 25 лет.

Разница между этими ступенями заключается в объемах чеканки: если в течение СА/МА I она непрерывно возрастала, что уже к 850-м гг. позволило среднеаббасидским дирхамам достичь в обращении паритета с монетами VIII — первой трети IX в. (в особенности с монетами конца 790-х — начала 820-х гг.), то в конце 860-х и на протяжении 870–880-х гг. она упала до исчезающе низких показателей. Монеты ступени СА/МА II прошли почти незаметны в денежном обращении последней трети IX в.

На среднеаббасидском этапе фиксируется продолжение центробежных тенденций в политическом развитии и нумизматическом деле Халифата. Отдельными эпизодами представлены факты отпадения Египта (государство Тулунидов), ал-Джибала (Дулафиды и повстанцы Казвина), Табаристана (‘Алиды) и, в 870–890-х гг., Тохаристана и Фарса (Саффариды, Баниджуриды и их современники). Эмиссионные группы последних династов особенно важны, так как формируют хронологически значимую фракцию в монетном обращении последней четверти IX и первых десятилетий X в. К концу этого периода относится и крупнейшее событие политической и нумизматической истории Халифата, оказавшее огромное влияние на монетное обращение Восточной Европы, — выделение из состава Халифата среднеазиатского государства Саманидов¹.

Обретение Саманидской державой независимости отмечено началом мощной серебряной эмиссии, начавшейся переходными ‘аббасидско-саманидские типами 279–281 гг. х. и продолжившейся (с 282 г. х. = 895/896) чеканкой монет с именами правителей-Саманидов. Можно выделить три периода истории серебряной монетной чеканки саманидского государства: ранний (282–332 гг. х. = 895–943, синхронен позднеаббасидскому периоду), средний (333–366 гг. х. = 944–976) и поздний (367–389 гг. х. = 977–999). На позднем этапе выделяется чекан саманидских наместников и вассалов — Симджуридов². Основные монетные дворы государства Саманидов

¹ *Негматов Н. Н.* Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.). Душанбе, 1978.

² *Беговатов Е. А., Бугарчев А. И.* Монеты династии Симджуридов // Нумизматические чтения 2013 года (Москва, 19–20 ноября 2013 г.): Материалы докладов и сообщений. М., 2013. С. 42–47.

располагались в крупнейших городских центрах (Самарканд, Бухара, Мерв, Нишапур, Балх) и при серебряных рудниках (аш-Шаш, Андараба), а выпускавшиеся на них монеты ежегодно доставлялась караванным путем из Хорезма на товарные рынки Хазарии (ни Нижней Волге) и Волжской Булгарии (в Среднем Поволжье).

К 945 г. относится падение политической власти ‘аббасидских халифов и финал нумизматической истории Багдадского халифата. На смену ему приходят династии Бувайхидов (или Буидов)¹) в восточных провинциях бывшего Халифата, Хамданидов в Сирии и Верхней Месопотамии, Ихшидидов — в Египте. Серебряный чекан Хамданидов и Ихшидидов нельзя назвать массовым, Бувайхиды же чеканили серебро на более чем шестидесяти монетных дворах Ирака, Фарса (исторической Персии), Северо-Восточного и Центрального Ирана на протяжении более столетия (930–1045). Типология бувайхидских дирхамов изучена Л. Тредвелом².

Важным эпизодом нумизматической истории середины — второй половины X в. является серебряная чеканка династии Зийаридов на южнокаспийских монетных дворах Амул, Астарабад, Сарийа и Джурджан. Она продолжалась всего десять лет (358–368 гг.х. = 969–978), но оказалась весьма массовой.

Наконец, рубеж X–XI вв. отмечен выходом на историческую сцену еще нескольких исламских государств, чеканивших серебряные монеты, известные в восточноевропейском монетном обращении первых десятилетий XI в. Это эмираты ‘Укайлидов и Марванидов в Верхней Месопотамии³ и на востоке Малой Азии (с 990-х гг.) и владения Караханидов в Центральной Азии (с 1000-х гг.).

Подведем итог изложенному выше. Монетное дело стран раннесредневековой исламской цивилизации прошло ряд этапов развития, реконструируемых на основании типологического изучения куфических монет. Обозначения этих этапов, соответствующих вехам политической истории Халифата, целесообразно связать с периодизацией нумизматической истории ‘аббасидской династии и группировки монетных типов в рамках следующего ряда хронологических групп (ХГ):

¹ *Busse H.* Iran under the Būyids // *The Cambridge History of Iran. Vol. 4: The Period from the Arab Invasion to the Saljuqs.* Cambridge, 1975. P. 250–304.

² *Treadwell L.* Buyid coinage: A die corpus (322–445 A.H.). Oxford, 2001.

³ *Илиш Л., Кулешов В. С.* Монеты ‘Укайлидов и Марвāнидов из Васьковского клада в собрании Эрмитажа // *Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. LXXIV.* СПб., 2016. С. 129–145.

— доаббасидский этап (доаббасидская ХГ): до 750 г. (VII — первая половина VIII в.) — драхмы Сасанидов, дирхамы умаййадских наместников Ирана, Умаййадов и приверженцев ‘Аббасидов, спахбедов Табаристана (Дабвайхидов);

— раннеаббасидский этап (раннеаббасидская ХГ): 750–833 гг. — дирхамы ранних ‘Аббасидов, ‘аббасидских наместников Северной Африки, ‘аббасидских наместников Табаристана, Умаййадов Испании, Идрисидов и их современников, Аглабидов;

— среднеаббасидский этап (раннеаббасидская ХГ): 833–892 гг. — дирхамы средних ‘Аббасидов, Тулунидов, Дулафидов, ‘Алиды Табаристана, Саффаринов и их современников, Баниджуридов и их современников;

— позднеаббасидский этап (позднеаббасидская ХГ): 892–945 гг. — дирхамы поздних ‘Аббасидов и их вассалов в Ираке, Саффаринов и их современников, Саманидов и их вассалов, ранних Бувайхидов (до 945 г.);

— постаббасидский этап (постаббасидская ХГ): 945 г. — начало XI в. — дирхамы Саманидов и их вассалов, Бувайхидов (после 945 г.), Хамданидов, Салларидов, Ихшидидов, Зийаридов, Саффаринов Сиджистана, хорезмшахов Афригидов, хорезмшахов Ма’мунидов, ‘Укайлидов, Марванидов, Караханидов.

Таким образом, по данным нумизматических источников (монетной типологии и кладовых комплексов) надежно реконструируются этапы развития монетного хозяйства раннесредневековой исламской цивилизации и выделяются ключевые группы монет в денежном обращении Восточной Европы IX–XI вв. Наиболее представительны дирхамы Умаййадов, ‘Аббасидов раннего этапа, ‘аббасидских наместников Северной Африки, ‘аббасидских наместников Табаристана, ‘Аббасидов среднего этапа, Саманидов и их вассалов, Буидов и Зийаридов. Малыми, но диагностически значимыми сериями представлены монеты Сасанидов и умаййадских наместников Ирана, Идрисидов и их современников, ‘Алидов Табаристана, Саффаринов, Баниджуридов и их современников, ‘Аббасидов позднего этапа, династов Сирии (Хамданиды), Закавказья (Саджиды и Саллариды), Верхнего Ирака и Малой Азии (‘Укайлиды и Марваниды) и Средней Азии (Симджуриды и Караханиды).

2.4. Хронологическая система (периодизация) восточноевропейского монетного обращения второй половины VIII — XI в.

По данным, накопленным к настоящему времени, начало археологически ощутимого поступления куфических дирхамов в Восточную Европу датируется второй половиной VIII в. и маркируется четырьмя региональными зонами концентрации находок: Северный Кавказ (Дагестан, Чечня и Северная Осетия), верхнее течение Северского Донца (могильники Верхний Салтов и Нетайловка и ряд городищ на славяно-хазарском пограничье), Нижнее Поволховье (староладожское Земляное городище) и более широкая и культурно дифференцированная средневожско-камская зона. Норма монетного обращения первых двух зон, реконструируемая по данным десятка монетных кладов, генетически связана с регионами Закавказья, центральных и прикаспийских провинций Халифата. С монетным обращением Хазарии второй половины VIII — первых десятилетий IX в., по данным комплекса нумизматических памятников, оказывается связано монетное обращение третьей зоны — региона Старой Ладogi, Поволховья и, шире, Северной Руси. Что касается вожско-камской зоны, то монеты поступали, главным образом, караванными маршрутами из Средней Азии. Значимые различия в композиции монетных комплексов из обращения центральных и восточных провинций Халифата VIII в. — первой половины IX в. касаются, главным образом, распределения сасанидских драхм и умаййадских дирхамов ранних эпизодов чеканки.

Все ранние монетные находки (750–790-х гг.) известны почти исключительно из погребений и культурных слоев поселений, эпоха массового депонирования монетных кладов (в Восточной и Северной Европе и на южном берегу Балтики) начинается с первых лет IX в. Наблюдения над динамикой типологического состава кладов IX в. и сериация кладов по процентному соотношению узко датированных эмиссионных групп и по младшим монетам позволяют выделить следующие ступени восточноевропейского монетного обращения второй половины VIII — IX в.

Ступень А: ок. 750/760–780/790 (~30–35 лет), соответствует денежному обращению Халифата середины и третьей четверти VIII в. Типологические группы-

маркеры: сасанидские драхмы, умаййадские и первые 'аббасидские дирхамы.

Ступень В: ок. 780/790–800/810 (~20–25 лет), соответствует денежному обращению Халифата последней четверти VIII в. Типологические группы-маркеры: дирхамы 'аббасидских наместников Северной Африки и Табаристана.

Ступень С: ок. 800/810–850 (ок. ~40–45 лет), соответствует денежному обращению Халифата от рубежа VIII–IX вв. до конца правления ал-Васик би-ллаха (842–847). Для очень больших кладов, независимо датированных контекстов и комплексов с хазарскими подражаниями второй четверти IX в. эта ступень может быть подразделена на С1 (ок. 800/810 — 820-е гг.) и С2 (830–840-е гг.). Типологические группы-маркеры: раннеаббасидские дирхамы ар-Рашида, ал-Амина и ал-Ма'муна, хазарские подражания второй четверти IX в. (только С2).

Ступень D: ок. 850–895/905 (ок. ~45–50 лет), соответствует денежному обращению Халифата от начала правления ал-Мутаваккил 'ала-ллаха (847–861) до начала позднеаббасидского периода. Для очень больших кладов, независимо датированных контекстов и комплексов с саффаридскими и баниджуридскими монетами может быть подразделена на D1 (850–870-е гг.) и D2 (880–900-е гг.). Типологические группы-маркеры: среднеаббасидские «слепые» дирхамы, хазарские подражания второй половины IX в., монеты поздних современников средних 'Аббасидов (только D2).

Наблюдения такого же рода над динамикой типологического состава кладов X в., в массе своей не имеющих ничего общего с монетным обращением IX в., позволяют выделить следующие ступени.

Ступень E: ок. 895/905–945/955 (~50–55 лет), соответствует серебряному монетному обращению государства Саманидов времени Исма'ила ибн Ахмада, Ахмада ибн Исма'ила и Насра ибн Ахмада. Типологические группы-маркеры: восточноевропейские (хазарские и волжско-булгарские) подражания, позднеаббасидские дирхамы 279–334 гг. х., дирхамы Саффаридов, Саджидов, реже — ранние Бувайхиды (до 945 г.), ранние Ваджихиды (Йусуф ибн Ваджих) и др.

Ступень F: ок. 945/955–969/979 (~25–30 лет), соответствует серебряному монетному обращению ранней поры позднего («бухарского») этапа саманидской се-

ребряной чеканки времени Нуха ибн Насра, ‘Абд ал-Малика ибн Нуха и Мансура ибн Нуха. Типологические группы-маркеры: дирхамы Бувайхидов после 945 г., дирхамы правителей Волжской Булгарии (Мика’ила ибн Джа‘фара, ‘Абдаллаха ибн Мика’ила, Талиба ибн Ахмада), Хамданидов, Салларидов, поздних Ваджихидов (Мухаммада ибн Йусуфа и ‘Умара ибн Йусуфа), Джуландидов, хорезмшаха-Афригида Ахмада ибн Мухаммада (только тип 348 г. х.), саманидский вассальный чекан Тохаристана («большие дирхамы»), а также — за пределами комплекса исламских монет — индийские джиталы раджей Кабула и византийские милиарисии.

Ступень G: ок. 969/979–994/1004 (~25–30 лет), соответствует серебряному обращению государства Саманидов времени Мансура ибн Нуха и Нуха ибн Мансура (включая вассальный чекан Симжуридов и наместников Хорасана). Типологические группы-маркеры: дирхамы Зийаридов, Бавандидов Табаристана и поздних Бувайхидов, дирхамы и брактеаты правителей Волжской Булгарии (суварского Му’мина ибн Ахмада и болгарского Му’мина ибн ал-Хасана), а также византийские милиарисии Василия II и Константина VIII и европейские денарии.

Ступень H: ок. 994/1004–1015/1025 (~20–25 лет). Типологические группы-маркеры: дирхамы Марванидов, ‘Укайлидов («тип А», представленный памятниками Руси и Прибалтики), поздних Зийаридов, хорезмшахов-Ма’мунидов («тип Б», представленный памятниками Волжской Булгарии) и Караханидов. В рамках этой ступени структуре монетного обращения начинают доминировать европейские денарии и византийские милиарисии Василия II и Константина VIII, выпускавшиеся до 1025 г.

Ступень J: ок. 1015/1025–1070-е гг. (~60 лет). В начале этой ступени практически полностью прекращается ввоз в Восточную Европу каких-либо исламских монет, но в обращении (в том числе во вторичной функции ювелирных подвесок) сохраняются монеты предшествующих хронологических ступеней и фрагменты куфических монет как весовое серебро в кладах европейских денариев; верхняя граница ступени размыта.

Отдельно следует остановиться на ступени E, которая представлена большим количеством монетных комплексов и насыщена событиями нумизматической исто-

рии саманидского государства и Восточной Европы. Может быть намечено более детальное ее членение.

Ступень E1a: ок. 895–908 (~14 лет) — младшая фракция монетного обращения представлена саманидскими дирхамами Исма‘ила ибн Ахмада (чекан аш-Шаша и Самарканда), дирхамами Саффаридов и восточноевропейскими подражаниями клюковицко-погорельщинской серии.

Ступень E1b: ок. 909–914 (~6 лет) — младшая фракция денежного обращения представлена саманидскими дирхамами Ахмада ибн Исма‘ила и его вассалов в Тохаристане и восточном Мавараннахре (чекан аш-Шаша, Самарканда, Андаробы, Балха и десятка второстепенных монетных дворов).

Ступень E1c: ок. 915–924 (~10 лет) — младшая фракция денежного обращения представлена саманидскими дирхамами Насра ибн Ахмада (чекан аш-Шаша, Самарканда и вассальных монетных дворов Тохаристана и восточного Мавараннахра).

Ступень E2: ок. 925–945 (~20 лет) — дирхамы Насра ибн Ахмада в качестве младшей фракции вытесняют монеты Исма‘ила и Ахмада из обращения; хорошо представлены волжско-булгарские подражания Саманидам и волжско-булгарские именные монеты ал-амира йалтавара (Алмышы-Джа‘фара) и Мика‘ила ибн Джа‘фара (не ранее конца 930-х гг.).

Уточнение хронологии восточноевропейского монетного обращения представляется важным для изучения динамики и реконструкции экономических связей народов и государств Восточной Европы IX–XI вв. Используя предложенную хронологическую систему, можно точнее датировать политические и экономические события, реконструируемые по данным археологических контекстов с монетами (возникновение, развитие, гибель и запустение поселений, основание и оставление могильников), а также географические привязки и историко-культурный контекст древнерусского политогенеза.

ГЛАВА 3. Эмблематические источники по истории монетной регалии и символики власти раннегосударственных образований Восточной Европы IX–XI вв. (Хазарии, Волжской Булгарии и Руси)

3.1. Памятники монетной чеканки и эмблематики Хазарии IX в.

Первые монеты, связываемые с Хазарией, относятся к началу и первой половине IX в.: это подражания табаристанским драхмам и раннеаббасидским эпиграфическим дирхамам. Последние разнообразны по типам, но выделяются по специфическим признакам: ошибкам в монетных легендах, тонким признакам эпиграфики, несоответствию среднеаббасидского характера монетных заготовок раннеаббасидскому канону надписей¹.

Большинство типов объединяется штемпельными связями в несколько цепочек, что позволяет говорить об ограниченном числе центров производства штемпелей (один или два). Самые известные типы этой группы («девицкой серии») несут в надписи выпускные данные «Ард ал-хазар, 223 г. х.» («Земля хазар, 838 г.»). Обозначение Хазарии как «земли» (араб. *ард*) имеет аналогии в ряде памятников арабской историко-географической традиции IX в. К этой группе монет относятся и подражания с тамгой в виде трезубца с левым отростком (Приложение, табл. 1, 1).

Привлекает большое внимание группа типов (три типа, пять штемпелей) редчайших хазарских монет середины IX в., известных в специальной литературе как «рунические дирхамы»². На их штемпелях вырезаны не только подражания

¹ Быков А. А. О хазарском чекане VIII–IX вв. : Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов // Труды Государственного Эрмитажа. Т. XII: Нумизматика, вып. 4. Л., 1971. Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. [Вып.] III. М., 1974. Быков А. А. Загадочные монеты Девицкого клада. (Из записок старого нумизмата) : [Доклад 1975 г.] / [Рукопись подг. к печати И. Г. Добровольским] // Известия Академии наук СССР. Т. 29. Общественные науки. 1980, № 1. Таллин, 1980.

² Кулешов В. С. «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазарской геральдики? (Семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина». Май, 2009.) СПб., 2009; он же. «Рунический дирхам» из Козьянковского клада // Acta Archaeologica Albaruthenica. Vol. V. Минск, 2009. С. 105–111; он же. О типологическом и хронологическом соотношении хазарских рунических дирхамов и монет Абхазского царства IX в. // Нумизматические чтения 2013 года (Москва, 19–20 ноября 2013 г.): Материалы докладов и сообщений. М., 2013. С. 40–42.

арабским легендам, но и оригинальные надписи особым дуктом тюркского рунического алфавита, получившего название «кубанского письма»¹. Эта письменность до сих пор фонетически не идентифицирована, а легенды на монетах не прочитаны. Известны три типа таких монет (типы А, В, С) с тамгой в виде сердцевидного трезубца (Приложение, табл. 1, 2 и 3), имеющей аналогии в немонетной эпиграфике (Приложение, табл. 1, 4).

В последние десятилетия IX в. центр чеканки подражаний хазарского облика, по-видимому, перемещается в восточную часть северокавказского региона, что устанавливается фактом особой близости этой группы подражаний (по монетным заготовкам и характеру эпиграфики штемпелей) монетной продукции провинции Арминийа с центром в городе Барда'а в Восточном Закавказье. Подражания этой поздней группы («брилевской серии»²) сохраняют в целом ту же подражательную стратегию, что и более ранняя группа.

Выделение хазарских монет X в. по ряду причин проблематично: несколько очень разных по стилистике и технологии изготовления групп среди восточноевропейских подражаний первой половины этого века, не связанных штемпельными связями с достоверно волжско-булгарскими типами и не поддерживающих типичные для хазарских монет IX в. подражательные стратегии, не получили пока однозначной трактовки. Среди них, скорее всего, окажутся и периферийно-хазарские, и периферийно-булгарские и древнейшие русские серии, предшествующие чеканке дирхамов с эмблемами в виде крестов и птичьих головок.

3.2. Памятники монетной чеканки и эмблематики Волжской Булгарии X в.

Монеты Волжской Булгарии выделены впервые в 1820-х гг. Х. Д. Френом, но только в XX в. и в наши дни, после работ Р. Р. Фасмера³, С. А. Яниной⁴ и особенно

¹ Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии: Опыт палеографического анализа. М., 1990. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.

² Рабцэвіч В. Н., Плавінскі М. А., Іоў А. В. Брылеўскі скарб. Мінск, 2011.

³ Фасмер Р. Р. О монетах Волжских Болгар X века // Известия Общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXXIII. Вып. 1. Казань, 1926.

⁴ Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Булгарии X в. // Труды Куйбышевской

Г. Рисплинга¹, их типология и эмиссионная история обрела наконец вид, близкий к завершённому.

Монетные серии правителей Волжской Булгарии делятся на две большие группы: именные монеты и подражания с именами саманидских правителей. Их штемпеля изготавливались одними и теми же мастерами, а чеканка велась в двух центрах, указанных на монетах, то есть в Булгаре и Суваре.

Известны надёжно атрибутированные именные монеты Алмышы-Джа'фара (на монетах: *ал-амир йалтавар*, т. е. тот же самый титул, каким его, по словам Ибн Фадлана, величали в хутбе в год принятия ислама) и его преемников в Булгаре и Суваре.

Правители Булгара, известные по именным монетам: Мика'ил ибн Джа'фар, 'Аблаллах ибн Мика'ил, Му'мин ибн ал-Хасан и 'Абд ар-Рахман ибн Му'мин (уникальная монета, опубликованная А. А. Молчановым², на которой, возможно, имеется тамгообразный знак плохой сохранности).

Правители Суvara, чеканившие именные монеты: Талиб ибн Ахмад и Му'мин ибн Ахмад.

Известны типы именных и неименных монет с тамгами. Они чеканились при Мика'иле ибн Джа'фаре (крестовидный трезубец: Приложение, табл. 2, 1), Ахмаде — по-видимому, отце обоих суварских правителей (тамга в виде горизонтальной ветви с отростком: Приложение, табл. 2, 2), Му'мине ибн Ахмаде (тамга в виде горизонтальной ветви с отростком и боковым штрихом: Приложение, табл. 2, 3) и Му'мине ибн ал-Хасане (тамга в виде греческой альфы с ломаной гостой: Приложение, табл. 2, 4).

археологической экспедиции. Т. IV. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 111). М., 1962. С. 179–204.

¹ *Rispling G.* The Volga Bulgarian imitative coinage of al-Amir Yaltawar ('Barman') and Mikail b. Jafar // Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989. (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. N. 6.) Stockholm; London, 1990. P. 275–282.

² *Молчанов А. А.* О монетном чекане Волжской Болгарии конца X в. (дирхам Абд ар-Рахмана ибн Мумина 387 г. х.) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.). СПб., 1998. С. 62–64; *он же.* О монетном чекане Волжской Болгарии конца X в. (дирхам Абд ар-Рахмана ибн Мумина 387 г. х.) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья: Тезисы научной конференции, посвященной 100-летию А. П. Смирнова. Болгар, 1999. С. 73–75.

Таким образом, по именам эмитентов устанавливается существование в Волжской Булгарии двух-трех правящих династий, представленных несколькими поколениями:

(1) болгарской династии Алмыш-Джа'фара 920–950-х гг.: *ал-амир йалтавар* Джа'фар, отец, — Мика'ил, сын, — 'Абдаллах, внук;

(2) суварской династии Ахмада 950–970-х гг.: Ахмад, отец (именные монеты неизвестны) — братья Талиб и Му'мин, его сыновья;

(3) болгарской династии ал-Хасана 970–990-х гг.: ал-Хасан, отец (именные монеты неизвестны), — Му'мин, сын, — 'Абд ар-Рахман, внук).

Булгарский правитель ал-Хасан мог относиться к линии Алмыш (и в этом случае он может быть синхронен Мика'илу и/или 'Абдаллах, то есть являться либо ещё одним сыном, либо внуком Алмыш-Джа'фара), но мог к ней и не принадлежать: никаких данных на сей счет нет в нумизматических источниках нет.

Что касается суварской династии, то, скорее всего, она была независима от обеих болгарских (или единственной болгарской). На последнее как будто бы надежно указывает совпадение собственных имен двух Му'минов — суварского и болгарского, по монетам полностью синхронных.

3.3. Памятники монетной чеканки и эмблематики Руси середины X в.

Наиболее известным типом древнейших русских подражаний являются монеты с изображением геральдической фигуры с навершием в виде увенчанной крестом головки сокола. Это чрезвычайно редкие так называемые «русские подражания» куфическим дирхамам, хронологически предшествующие древнейшим русским монетам византийского стиля (злату и серебру Владимира Святославича и серебру Святополка-Петра Ярополчича), с изображениями объемных равноконечных крестов «русско-византийского облика» и фигур с птичьими (соколиными) головками, объединенные Г. Рисплингом в группу «христианских подражаний», известны уже не одно десятилетие¹, но лишь в недавнее время

¹ *Rispling G. Coins With Crosses and Bird Heads — Christian Imitations of Islamic Coins? // Fornvännen. [Vol.] 82. Stockholm, 1987. P. 75–87.* Как указывает Г. Рисплинг, уже в 1920–1940-е гг. ими глубоко

интерес к ним значительно возрос. Связано это с обнаружением в Пскове в камерном погребении 950–960-х гг. геральдической подвески, несущей на себе изображения двузубца Рюриковичей, ключа и сокола, увенчанного крестом (Приложение, табл. 5, 4)¹. Псковская находка подтвердила гипотезу Рисплинга о русской принадлежности «христианских подражаний». Территориальный и культурный контекст псковской подвески, русская атрибуция подражаний с соколами и предложенная Рисплингом обновленная нижняя датировка их (около 950 г.²) позволили Р. К. Ковалеву обосновать гипотезу, согласно которой увенчанный крестом сокол является геральдическим знаком княгини Ольги, принятым ею около рубежа 950-х гг.³

В этом разделе будет рассмотрен экземпляр «русского подражания» с соколом из собрания Отдела нумизматики Эрмитажа — дирхама типа Rispling FM/BC (*fågelmynt / bird coin*) II. Это единственный экземпляр монеты с соколиной головкой в эрмитажном собрании. Информация о его существовании в 2011 г. была сообщена мною Р. К. Ковалеву⁴. Сохранность монеты на тот момент (пылевые и жировые наслоения и темная пatina), а также дефект чеканки и фрагментация аналогичных стокгольмских экземпляров из готландского клада Нош Лэрбру (*Nors Lärbro*)⁵, привели нас с Р. К. Ковалевым к предположению, что они стокгольмские и петербургский экземпляры чеканены разными парами штемпелей и поэтому могут быть отнесены к разным типам. Однако более детальное изучение рельефа этой монеты после недавно предпринятой мною очистки ее от грязи и патины со всей несомненностью показало, что эрмитажный экземпляр чеканен той же парой штемпелей, что и фрагменты из клада Нош Лэрбру. Итак, мы имеем здесь дело именно с типом Rispling FM/BC II, представленным единственной парой

интересовались Т. Арне и У. Линдер Велин (*Rispling G. Coins With Crosses and Bird Heads... P. 85*).

¹ Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Краугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Ч. I. М., 2010.

² См.: Kovalev R. K. Grand Princess Olga of Rus' Shows the Bird: Her 'Christian Falcon' Emblem // *Russian History*. Vol. 39. Leiden, 2012. P. 468, note 15.

³ *Ibid.* P. 460.

⁴ *Ibid.* P. 466–467, note 11.

⁵ *Rispling G. Coins With Crosses and Bird Heads — Christian Imitations of Islamic Coins? // Fornvännen*. Vol. 82. Stockholm, 1987. Fig. 1, E; Fig. 4.

штемпелей — Rispling S 100. (Индекс S, в противоположность K (от швед. *kedja* ‘цепь, цепочка’), означает, что соответствующая пара штемпелей не имеет внешних связей и что тип, фиксируемый этой парой, является изолированным¹.)

Значение эрмитажного экземпляра состоит в том, что в настоящее время он является, по-видимому, единственной целой монетой типа Rispling FM/BC II (Rispling S 100), тогда как второй и третий известные экземпляры из клада Нош Лэрбру — как будто бы половинки от двух разных монет, подобранные «встык» или, не исключено, специально разрезанные для «стыковки» друг с другом (последнее следует из несовпадения диаметра их заготовок).

Инв. № ГЭ ОН-В-Азмюз-5175 (Приложение, табл. 3, 2). Серебро. Диам. 29,8–30,6 мм; заготовка слегка неправильной круглой формы, вырезана из листа толщиной 0,50–0,55 мм. Вес 3,50 г. Осевое соотношение штемпелей ок. 300°. Происхождение: из фонда неопределенных и незаинвентаризованных монет Императорского Эрмитажа (до 1917 г.) или из неустановленного частного собрания того же времени. Сохранность: слегка погнута, в центре монеты с оборотной стороны пробиты два отверстия правильной круглой формы диаметром 2,4 мм, на таком же расстоянии друг от друга. Мелкие вмятины, на о.с. две вертикальные царапины по обеим сторонам от изображения сокола. Следы небольшой сработанности штемпелей. Поверхность металла очищена.

Лицевая сторона. В центре — поле диаметром 15,7 мм, в котором помещено «зеркально» выполненное подражание трехстрочной надписи в поле л.с. стандартного саманидского дирхама («Нет божества, кроме / Аллаха единого, / нет Ему сотоварища»). Вид лигатуры лам-алиф соответствует наиболее частотным типам саманидских дирхамов рубежа IX–X и первой четверти X в.

По кругу — трудночитаемые, но выполненные в правильном направлении подражания круговым надписям стандартного саманидского дирхама. Начало внутренней надписи («Во имя Аллаха...») расположено в позиции 18.00 циферблата (в норме подлинных монет — около 13.00–13.30 циферблата), в ней читается прототип выпускных данных — «в Самарканде года 290», т. е. 290-е гг. х. (903–912 гг.), что

¹ Благодарю Г. Рисплинга (Стокгольм) за возможность ознакомления с его до сих пор не опубликованной типологией и номенклатурой подражаний куфическим монетам.

соответствует последним годам правления Исма‘ила ибн Ахмада и первых годам правления Ахмада ибн ‘Исмаила. Во внешней круговой легенде (цитата из Корана) угадываются отдельные слова и буквы. Обе круговых надписи по сравнению с подлинными саманидскими дирхамами Самарканда выполнены мельче.

Внешняя круговая надпись окружена двойным линейным ободком диаметром ок. 25,0 мм и вся композиция — более толстым (толщиной ок. 1,3 мм) одинарным линейным ободком диаметром около 29,8 мм, маркирующим край штампея. По своему диаметру (чуть более 30,0 мм) и описанному дизайну ободков этот штампель напоминает штампели Андарабы 910-х гг. (конца правления Ахмада ибн Исма‘ила и первых лет правления Насра ибн Ахмада).

Оборотная сторона. В центре — поле диаметром 16,1 мм, в котором — профильное изображение птичьей головки влево, с шеей, переходящей книзу в геометрическую фигуру в виде треугольника с основанием, снабженным заостренным выступом. Клюв птицы крючковатый. Глаз трактован в виде полукружка. Вся фигура, включая головку, кроме клюва и передней части шеи, окружена линейным ободком; на правом участке ободка — короткий отросток. Высота знака в поле — 14,9 мм, ширина основания фигуры — 11,8 мм, ширина головы с клювом — 6,8 мм.

Поле окружено двойным линейным ободком, за которым — в целом нечитаемое подражание круговой надписи о.с. куфического дирхама (цитата из Корана). Оформление остальных ободков полностью идентично таковому на л.с.; диаметр штампея о.с., по-видимому, равен диаметру штампея л.с.

Над изображением в поле — равноконечный крест шириной и высотой 7,4 мм, стороны которого трактованы в виде вытянутых ромбов. Низ креста отделен от верха птичьей головки двойным линейным ободком, т. е. отстоит от этой последней примерно на 1,5 мм.

Какое место описанный тип занимает в группе Rispling FM/BC? Наиболее известный тип I¹ (по новой номенклатуре — Rispling S0099: Приложение, табл. 3,

---

¹ См. публикации новых экземпляров монет этого типа: *Leimus I. En ny fuglemønt fra Estland // Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad. Nr. 3. September 2014. S. 69–72. Сорокин И. Ю. О происхождении и датировке «христианских» подражаний куфическим дирхамам // II Международная нумизматическая*

1) отличается от описанного выше типа II следующими признаками:

1. В дизайне штемпелей типа I лицевой стороной является сторона с соколом, а оборотная сторона имитирует о.с. стандартных дирхамов Насра ибн Ахмада, в то время как на типе II геральдический знак занимает о.с.

2. Фигура с головкой сокола на штемпеле типа I выполнена тщательнее и аккуратнее, чем на штемпеле типа II: клюв не крючковатый и более толстый, глаз трактован более естественно, нижняя часть фигуры — массивный ромб, а не треугольник, шея выглядит шире, головка птицы отделена от ромбического основания фигуры двойной линией с острым выступом и лишена ободка, а ее контур продолжает внешний контур ромбической нижней части. Вся фигура в целом более «тяжеловесна».

3. На типе I крест не отделен от головки, как на типе II, а соприкасается с ней.

4. Надписи на штемпелях типа I, хотя и намного менее читаемые, чем на типе II, выполнены более уверенными и крупными буквами, копирующими лучшие образцы саманидской штемпельной эпиграфики.

5. Элементы оформления штемпелей типа I подчеркнута декоративны (возможно, подчеркнутую декоративность следует трактовать как признак некоего особого качества, особого статуса этого монетного выпуска): ободки не линейные, а точечные, на о.с. даже «плетеный».

В группе FC/BC известен также редчайший тип III (единственный экземпляр из готландского клада Västergårde Sundre: Приложение, табл. 3, 3), который объединяется с типом II следующими общими признаками:

- 1) геральдическая фигура на типах II и III помещена на оборотной стороне;
- 2) ее абрис подчеркнут контурной линией;
- 3) круговые ободки линейные, т. е. не решают декоративных задач.

Следующие признаки объединяют типы I и III:

1) нижняя часть геральдической фигуры представляет собой массивный ромб (почти идентичной формы на типах I и III);

2) эпиграфика типов I и III одинаково четкая и «массивная», хотя на о.с. типа III надпись фактически отсутствует (вместо нее вырезаны несколько бессвязных и бессмысленных групп букв в несколькими графическими доминантами).

Сказанное выше указывает на сложный характер взаимосвязей этих типов и на разновременность их выпусков. Мы не сомневаемся в том, что восходящая к Рисплингу нумерация типов соответствует их относительной хронологии: тип I предшествует типу II, тип же III — самый поздний (абсолютные даты этой группы, предположительно, укладываются в 950–960-е гг.). Авторы штемпелей типа II имели в виду графические решения штемпелей типа I, но, опираясь на них и отталкиваясь от них, слегка изменили трактовку геральдического знака и упростили общий стиль штемпелей (псевдонадписи, ободки). Правдоподобно думать, что вынесение на типах II и III геральдического знака в позицию оборотной стороны имело целью вернуть на монету более «узнаваемую» лицевую сторону саманидского облика. Авторы штемпелей типа III использовали в целом ту же форму геральдического знака, что и на типе I, но не смогли (или не ставили задачи) приблизиться к тому же уровню качества исполнения штемпелей. Тем не менее, значение этого последнего типа (FM/BC III) невозможно переоценить: трактовка форм крестов, соотнесенных с соколом, имеет исключительное значение в качестве «мостика» к графической традиции древнейших русских монет. Рассмотрим последний вопрос несколько подробнее.

На оборотную сторону типа FM/BC III (в новой номенклатуре — Rispling S 1351) вынесены четыре равноконечных креста: два (первого вида) в позициях 12.00 и 18.00 циферблата и два (второго вида) — в позициях 21.00 и 15.00. Перекладины крестов первого вида — простые линейные, их окончания снабжены кружками с точкой внутри. Кресты второго вида в основе своей идентичны первым, но снабжены контурными ободками, отчего они выглядят объемно. Окончания контурных ободков имеют форму, промежуточную между округлой и заостренной (отчасти это может объясняться дефектом штемпеля и чеканки; нужен хотя бы еще один экземпляр лучшей сохранности).

Принцип, которому следуют кресты второго вида, в дальнейшем окажется

основополагающим для дизайна княжеских геральдических знаков на монетах Ярослава и Святополка: именно контурные ободки будут использованы для придания «объема» трезубцам, двузубцам и их элементам. Что касается крестов первого вида, то они идентичны кресту между зубцами княжеского знака на многих экземплярах сребреников Святополка (на других экземплярах кружки в окончаниях креста лишены точек внутри)¹.

Можно привести примеры, показывающие особое значение элемента «кружок с точкой внутри» в рассматриваемой графической/геральдической традиции. Так, известен экземпляр «христианского подражания» типа Cross Coin I, относящегося к штемпельной цепочке Rispling K 51², на оборотном штемпеле которого (Rispling K 51.R1) поверх слегка сработанных участков круговой надписи вырезаны кружки с точкой внутри (Zeno.ru, #44794). Аналогичные кружки известны в качестве элемента княжеского знака Ярослава на его «Ярославле серебре»³ и на геральдической подвеске из окрестностей Киева⁴.

Рассматривая заостренные окончания объемных крестов на «христианских подражаниях» без изображений соколов⁵ и подражаниях с соколами FM/BC I и II, следует сопоставить их с объемными крестами двузубца Святополка на монетах с его именем: по существу (хотя и не в тонких деталях дизайна) это действительно один и тот же знак. Принцип «заостренных графических элементов» можно рассматривать и шире, привлекая сюда монетные граффити X в. Среди последних сходную трактовку заостренных окончаний и даже «заостренных поверхностей» (подобных заостренному основанию геральдической фигуры на монетах FM/

¹ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 180–191

² Rispling G. Coins With Crosses and Bird Heads — Christian Imitations of Islamic Coins? // Fornvännen. [Vol.] 82. Stockholm, 1987. Fig. 1, A

³ Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983. С. 195–201

⁴ Макаров Н. А., Чернецов А. В. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М., 1988. Рис. 2, 8. Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004. Кат. № 37. С. 247, 266–267. Рис. 11, б.

⁵ Rispling G. Coins With Crosses and Bird Heads — Christian Imitations of Islamic Coins? // Fornvännen. [Vol.] 82. Stockholm, 1987. Fig. 1, A, B, C.

BC II) демонстрируют окончания молотовища «молотка Тора / перуна Перуна», окончания перекрестья «меча-молота» и его верхняя широкая грань с центральным заострением¹.

Итак, «христианские подражания», и среди них в первую очередь монеты с соколиными головками (Rispling FM/BC), обогащают наши знания о древнейшем периоде русской монетной чеканки и геральдической традиции. В этом контексте ключевой задачей мы видим продолжение наблюдений над изобразительностью, эпиграфикой и относительной хронологией этих подражаний. Это позволит расширить их круг и более детально описать особенности и динамику их дизайна и подражательных стратегий. Совпадения в использовании элементов графического языка «русских подражаний» и древнейших сребреников, при всей несхожести этих монет, являют то общее и ключевое, что сохранялось при переходе от «исламского» стиля подражания, основанного на копировании элементов дизайна саманидских дирхамов, к «византийскому» и «западноевропейскому» стилям. (Ср. в структурном и функциональном плане аналогичную проблему выбора веры в сфере государственно-религиозного строительства при Владимире Святославиче.) Факты такого рода ясно показывают, какими средствами и какой круг задач должны были решать монетные мастера в процессе выработки заказных «национально-ориентированных» монетных типов ранних Рюриковичей.

3.4. Геральдические подвески и монетные граффити как источник по древнейшей русской эмблематике

В собрании Отдела нумизматики Эрмитажа хранится любопытный предмет, не являющийся монетой и до последнего времени не имевший никакой атрибуции². Это круглая отливка из медного сплава с отверстием для подвешивания. Вес 9,45 г. Диаметр 25 мм. На обеих сторонах — хорошо читаемые надписи (Приложение,

¹ Кулешов В. С., Гомзин А. А., Плавинский Н. А. Новые материалы к истории древнейшей русской геральдики: восточноевропейские граффити с «молотками Тора» // Семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина». Заседание 18 января 2012 года. СПб., 2012. Ил. 1–9.

² ГЭ, инв. № ОН-В-М-8288.

табл. 4).

Лицевая сторона: ал-уста:з | да:зувар ал-ами:р | Абу: Мухаммад ‘устан дадвар амира Абу Мухаммад’, т. е. упомянуто звание (‘ученый человек’), должность (‘аудитор, прокурор’) и статус подчинения (‘назначенный амиром, подчиненный амиру’) некоего Абу Мухаммада, названного только по кунье, очевидно, в знак особого уважения. Два первых слова — персидские. Определение этой стороны как лицевой основано на позиции отверстия: строго по центру над первой строкой.

Оборотная сторона: ал-ами:р Абу:-|л-Хасан ‘Али: ибн | ал-Ихши:д — титул и имя египетского правителя ‘Али ибн Мухаммада ибн Тугджа (961–966), третьего правителя из династии Ихшидидов.

Предмет поступил в собрание Императорского Эрмитажа в дар от Н. П. Кондакова в начале 1890-х гг.¹

Рассматриваемый предмет, по-видимому, уникален, но его функция полностью очевидна: в XIX–XX вв. он был бы атрибутирован как должностной жетон или должностной знак для ношения в виде подвески. Каковы его конститутивные признаки? Он круглый, приспособлен для предъявления или открытого обозрения (при этом стороной, обращенной к зрителю, является именно сторона с именем устада), и имеет две значимых стороны, тексты на которых моделируют ситуацию делегированной власти: лицевая сторона соответствует лицу, которому делегирована должность/обязанность (так сказать квант власти), обратная — лицу, которое делегирует эту должность, будучи источником власти. Таким образом, форма египетского должностного знака, его план выражения (в том числе и в первую очередь — надписи и способ их презентации) подчинена следующей функции: удостоверить назначение на должность и представлять стороны договорно-номинации (правитель и назначаемый).

Этот памятник имеет самое прямое отношение к проблеме функциональной атрибуции древнерусских геральдических подвесок с тамгами ранних Рюриковичей X–XI вв.: после работ А. А. Молчанова², связавшего такие подвески

¹ Благодарю М. Н. Бутырского, запрос которого о составе дара Кондакова позволил выяснить происхождение этого знака.

² Молчанов А. А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древнерусской буллы // Вспо-

с древнескандинавскими *jartegnir* ‘знаками’¹ вряд ли остались сомнения в том, что подвески со знаками Рюриковичей на одной из сторон и геральдическими знаками нобилей (*ярлов, тиунов, боляр, сълов, гостей...*) на другой должны определяться как должностные знаки-удостоверения государства Рюриковичей. Это определение следует расширить и на прочие группы ранних подвесок с геральдическими изображениями, а также на монеты-подвески с геральдическими граффити². Рассмотрим в этой связи одну из них³, происходящую из Свирьстройского клада приладожской курганной культуры эпохи викингов; клад хранится в собрании Эрмитажа.

Свирьстройский клад куфических и западноевропейских монет найден в окрестностях пос. Свирьстрой-III в 1939 г.⁴ Младшая монета исламской фракции: дирхам Караханидов, Шихаб ад-даула Абу Муса, Бухара 382 г. х. (992/993)⁵. Младшая монета западной фракции: денарий Германии, Туль, епископ Бертольд (996–1018)⁶. Клад, судя по композиции исламской фракции, сокрыт не позднее конца 990-х гг.

В составе клада определена монета-подвеска с парными граффити на обеих сторонах: ‘Аббасиды, ал-Ма’мун, Самарканд, со словом ал-Машрик на л. с. и лакабом Зу-р-Ри’асатайн на о. с., год обрезан (Приложение, табл. 5, 2)⁷. Монеты этой типологической группы датируются 199–205 гг. х. (814–821)⁸.

могательные исторические дисциплины. Т. VII. Л., 1976.

¹ Молчанов А. А. «Верительные знаки» в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г.): Материалы к чтением. СПб., 1996. См. также о базовом значении концепта *jartegn*: Lönnroth L. Saga and Jartegn. The appeal of mystery in saga texts // Die Aktualität der Saga: Festschrift für Hans Schottmann. Berlin; New York, 1999. (Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Ergänzungsbände. Bd. 21.) P. 111–124. 1999. P. 114

² См. о них, в частности: Кулешов В. С., Гомзин А. А., Плавинский Н. А. Новые материалы к истории древнейшей русской геральдики: восточноевропейские граффити с «молотками Тора» // Семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина». Заседание 18 января 2012 года. СПб., 2012.

³ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. Кат. № 103. Русь IX–X в.: Археологическая панорама. М.; Вологда, 2012. С. 444. Рис. 9, 2.

⁴ Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991. С. 27–28

⁵ Тип: SNAT, XVa. No. 229.

⁶ Определение В. М. Потина.

⁷ ГЭ, инв. № ОН-В-КК-1274.

⁸ Lowick N. Early ‘Abbāsid Coinage: A Type Corpus. 132–218 H / AD 750–833. London, 1996. P. 290–293;

На лицевой стороне монеты нанесено граффито в виде изображения ножа с блоковидной рукоятью, вертикально. Граффито занимает участок поля между второй и третьей строками надписи в поле и нанесено ниже отверстия. На оборотной стороне нанесено граффито в виде трезубца Владимира Святославича. Боковые зубцы широкие, плавно скошенные с внутренних сторон, средний зубец трактован в виде копья с массивным наконечником на широком древке (ср. функционально аналогичное граффито-двузубец на одной из монет эрмитажного собрания: Приложение, табл. 5, 1). Основанием трезубца служит крест, линии которого соединяют боковые зубцы, а перекрестье соотносится с низом среднего зубца. Основание снабжено короткой остроугольной ножкой. Геральдический знак нанесен основанием вверх, ниже отверстия, поперек трех строк надписи в поле.

Монета, использованная для нанесения геральдических граффити, прошла сложный путь, прежде чем стать *jartegn*-ом анонимного нобиля времени Владимира Святославича, чьим личным геральдическим знаком был нож и кто, правдоподобно, закончил дни своей жизни в Приладожье. Стратиграфия и относительная хронология признаков вторичного формообразования этой монеты реконструируются в следующем виде:

0. Монета была чеканена в конце 810-х — начале 820-х гг. в Мавараннахре, после чего попала в монетное обращение Хазарии.

1. В Хазарии она оказалась обрезана по кругу до диаметра 16,5 мм и веса ок. 0,85 г (именно из комплексов и местонахождений Хазарии конца VIII — первых десятилетий IX в. происходят самые ранние круглые вырезки куфических монет, попадавшие затем в обращение Северной Руси). Дата этой обрезки может быть определена предположительно концом 810-х / началом 820-х — началом 830-х гг., т. е. «досаркельским» этапом.

2. При обращении рельеф монеты оказался сильно заглажен (потерт), заглаживание привело к утрате всех микроследов обрезки на краю (заусенцев и неровностей). Это, предположительно, имело место во второй — третьей трети IX в.

3. По заглаженной поверхности монета была пробита с оборотной стороны острием шила (диаметром около 0,7 мм), так что рваные края отверстия вышли на лицевую сторону. В этой функции подвески, предположительно, монета хранилась на протяжении большей части X в.

4–5. Наконец, для превращения в геральдическую подвеску последней четверти X в. эту монету одномоментно подвергли двум операциям: аккуратно просверлили сверлом диаметром около 1,0 мм и нанесли парные граффити. Граффити нанесены одной рукой и одним инструментом. Графическая стратегия — предельная экономия линий; при этом мастеру легко удались все три изогнутые линии: две из них выполнены без остановки, одна — с остановкой инструмента.

Может быть выдвинута убедительная гипотеза, согласно которой монеты-подвески с одиночными и парными геральдическими граффити функционально являются тем же, чем являются геральдические подвески, а именно: верительными/должностными знаками-jartegnir (например: Приложение, табл. 5, 3). Впредь следует внимательнее регистрировать и интерпретировать находки монет с такими граффити, так как они являются не только и не столько нумизматическими памятниками, сколько памятниками геральдики и древнейшей русской государственной традиции. (В последнее время, правда, на подлинные монеты наносится все больше фальшивых граффити, выглядящих ужасно.)

Последнее, о чем следует сказать, это о формальных, функциональных и семантических признаках таких предметов, в ряд которых входит эталонный (в этом смысле) ихшидидский должностной знак. У них, во-первых, должны быть две стороны — «сторона владельца» (носителя должности) и «сторона правителя» (носителя власти более высокого уровня). Во-вторых, обе стороны должны идентифицироваться конкретным лицам — текстуально (упоминаниями имен) или знаками личной принадлежности. Важным следствием этого заключения для древнерусского материала является то, что репертуар геральдических знаков не княжеского уровня может в будущем открыть путь для создания базы данных должностных лиц ранней Руси, известных только по таким знакам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Специфика денежного обращения и монетного производства как экономического, политического и культурного явления, по-разному отраженного письменными и вещественными памятниками, диктует настоятельную необходимость комплексного рассмотрения соответствующих текстовых, нумизматических и эмблематических источников и соотнесения их сведений друг с другом.

В рамках широко признанного в современной экономической антропологии подхода, согласно которому денежное обращение предполагает наличие обмена и торговли, вне которых никакие группы товаров не приобретают денежных функций, нами было предпринято источниковедческое рассмотрение на уровне текстологических контекстов (нумизматических ситуаций) и лексических значений известий древнерусских и арабских текстов IX — начала XII в., содержащих информацию о денежных и товарных категориях раннесредневековой Восточной Европы. Проведенный анализ позволил продемонстрировать высокую информативность привлекаемых источников для реконструкции историко-экономически гетерогенной, но единой, гибкой и многоуровневой товарно-денежной системы. В эту систему входили денежные единицы и товары локального предложения и глобального спроса, востребованные контрагентами дальнемагистральной торговли — обществами Восточной Европы и стран ислама (на этапах IX–X вв.), Византии и Западной Европы (на этапах X–XI вв.). Для восточноевропейских обществ такими денежными и товарными категориями, по данным письменных источников, выступали серебро, золото, бусы, драгоценные ткани, для Халифата — меха, мечи, рабы и рабыни, для Византии — меха, рабы и некоторые сырьевые категории (в первую очередь, воск и мед).

Источниковедческий анализ письменных текстов (синхронных арабских и лингвистически имманентных древнерусских) позволяет в рамках описанной структуры денежного обращения выделить формальные классы металлических денег (весовое серебро, серебряные монеты, золото), меховых товаро-денег (шкурки

драгоценных пушных зверей, главным образом — куницы и белки) и товаро-денег прочих групп (штуки шелка/парчи, франкские мечи, бусы). В соответствии с этой формальной структурой находится и многоплановая система обозначений денежных единиц, использовавшаяся обществами Восточной Европы IX–XI вв. — прежде всего, ранней Русью. На высшем уровне этой системы, представленном денежными металлами (золотом и серебром), использовались нумеративные единицы, этимологически связанные с обозначениями металлических украшений (*гривна* как базовая весовая единица). Другими элементами этой системы денежных номинаций являлись обозначения ценных мехов — *куна* и *веверица* — и ценных тканей (*наволока*). Наконец, в эту же систему входили заимствованные термины для обозначения монетных категорий и концепта ‘богатство’: *ногата* (из тюрк. **nayat*), *пенязь* (из герм. **peningaz*, заимствование общеславянского времени), *щьяльзь* (из герм. **skillingaz*, заимствование, по-видимому, раннедревнерусского времени), *скоть* (нетривиально соотносится с герм. **skattaz*).

Таким образом, отраженная письменными источниками система денежного обращения, денежных категорий и нумизматических терминов входила в широкий международный экономический контекст, отражая диалог народов и культур Западной Евразии.

Обращение монетного серебра, являвшееся базовой и наиболее динамичной частью этой системы, было изучено по данным массовых нумизматических источников — кладов и монетных находок. Проведенное документальное обобщение совокупности данных и применение к ним методов нумизматического источниковедения (типологический анализ монет, статистика совстречаемости типов, хронологическая сериация) позволили проанализировать этот тип источников в терминах структур и процессов монетного обращения, а последние описать в терминах типологии и композиционного распределения типов в комплексах. Хронологическая последовательность таких структур (моделей композиционного распределения) и связывающих их процессов, реконструируемые в рамках принятой методики, позволили обобщить сделанные наблюдения в виде детальной хронологической системы (периодизации) массового монетного обращения. Эта

система состоит из десяти ступеней (обозначенных буквенными индексами от А до К), для каждой из которых были выделены статистически доминирующие группы монет и уникальные хронологические индикаторы (маркеры). Выделенные десять ступеней можно объединить в четыре историко-экономических этапа.

Первый этап (ступени денежного обращения А, В, С и D) датируется второй половиной VIII — концом IX в. На этом этапе возникает массовое монетное обращение и появляется практика тезаврации денежного серебра (дирхамов) средиземноморского и ближневосточного происхождения.

Второй этап (ступень денежного обращения E) датируется концом IX — серединой X в. Это время расцвета массового обращения и тезаврации монетного серебра среднеазиатского происхождения, а также этап расширения форм и векторов международной торговли восточноевропейских обществ.

Третий этап (ступени денежного обращения F, G и H) датируется серединой X — первой четвертью XI в. На этом этапе восточноевропейские денежные рынки насыщаются монетами многочисленных исламских государств, Византии, Англии и Германии.

Четвертый этап (ступени денежного обращения J и K) датируется XI в. Это переходный этап к так называемому «безмонетному периоду» (в южных областях Восточной Европы) и время обращения немецких денариев (в северных областях). С рубежа XI–XII вв. монеты теряют выраженное значение в хозяйственно-экономической жизни восточноевропейских обществ, уступая место немонетным формам обращения денежного серебра (нескольким группам платежных слитков стандартных форм и веса).

Уточнение хронологии восточноевропейского монетного обращения эпохи раннего средневековья существенно для более глубокого изучения динамики и более надежной реконструкции экономических связей народов и государств Восточной Европы IX–XI вв. В частности, используя предложенную хронологическую систему, представится возможным детальнее представить внешнеэкономический фон и проследить географические привязки и историко-культурный контекст древнерусского политогенеза и отдельные векторы активности обществ Хазарии,

Волжской Булгарии и Руси. Кроме того, совокупность нумизматических источников раннесредневековой Восточной Европы имеет существенное значение для понимания экономической истории и истории монетной чеканки в странах Халифата (Средиземноморье, Ближний Восток, Иран и Средняя Азия).

Массовое монетное обращение IX–XI вв. создало хозяйственно-экономические и историко-политические предпосылки для возникновения в раннегосударственных образованиях Восточной Европы (Хазарии, Булгарии и Руси) собственной прокламативной монетной чеканки, памятники которой отразили в своем дизайне и изобразительной программе эмблематику власти и принципы визуальной репрезентации личного и государственного суверенитета. Удалось показать, что приемы создания монетных типов, принципы организации легенд и изобразительного ряда этих групп нумизматических памятников изоморфны друг другу и отражают структурно-типологическое сходство политических систем Хазарии, Булгарии и ранней Руси. Во всех трех случаях наблюдается единая модель перехода к независимой чеканке через производство подражательных монет с эмблемами (хазарскими тамгами, тамгами правителей Волжской Булгарии и тамгами правителей Руси).

Обобщение соответствующих эмблематических источников (тамг и «геральдических» граффити на монетах и подвесках) и их анализ с применением методов сопоставительной иконографии и исторической семиотики дополнительно позволили уточнить атрибуцию рассматриваемых групп монет, реконструировать фрагменты генеалогии правителей Волжской Булгарии X в. и рассмотреть с сравнительной перспективе памятники древнейшей русской монетной чеканки Руси (дирхамы с изображениями увенчанными крестами птичьими (соколиными?) головками).

Привлечение нового сравнительного материала по морфологии, эпиграфике и семантике должностных подвесок в культуре ихшидидского Египта середины X в. позволило подкрепить гипотезу о функциональной атрибуции древнерусских «геральдических» подвесок X–XI вв. как верительных знаков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Источники

1. Абу Али аль-Мухассин ат-Танухи. Занимательные истории и примечательные события из рассказов собеседников / Перевод с арабского, предисловие и примечания И. М. Фильштинского. М., 1985.

2. Абулқосим Фирдавси. Шохнома / Таҳияи матн ва луғату тавзеҳот аз Камол Айни ва Зоҳир Аҳрорӣ. Ҷ. I–X. (Ахтарони адаб. Ҷ. 3–12.) Душанбе, 2007–2010.

3. ал-А‘лақ ан-нафйса / Та‘лиф Абӣ ‘Али Аҳмад б. ‘Умар б. Рустах. Вада‘а ҳавāшийа-ху Ҳалил ал-Мансӯр. Байрӯт, 1419 г. х. (1998).

4. ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / пер. А. М. Беленицкого. СПб., 2011.

5. ас-Суйӯф ва-аджнāсу-хā ли-л-Киндӣ / Таҳқӣқ ад-дуктӯр ‘Абд ар-Раҳмāн Закӣ; ат-таб‘а ал-ӯлā. [ал-Қахира], 1421 х. / 2001 м.

6. Бартольд В. В. <Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-аҳбār>. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг.» // Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. Работы по источниковедению. М., 1973.

7. Беленицкий А. М. Глава «О железе» минералогического трактата Бируни // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1950. [Вып.] 33.

8. Зайн ал-аҳбār / Та‘лиф-е Абу Са‘ид ‘Абд ал-Ҳайй б. Заҳҳāk б. Маҳмуд Гардизи. Бе эхтемām-е доктор Раҳим Резā-зāде Малек. Техрāн, 1384 г. х.

9. Известия о хозарах, буртасах, болгарах, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя начала X века / Подготовка текста, пер. с араб. и комм. Д. А. Хвольсона. СПб., 1869.

10. Книга Ахмада ибн Фадлана / Пер. с арабск. и примеч. В. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки. М., 2016.

11. Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу

в 921–922 гг.: Ст., пер. и комм. Харьков, 1956.

12. Лаврентьевская летопись. Вып. 1. Повесть временных лет. (Полное собрание русских летописей. Т. I.) Изд. 2-е. Л., 1926 (репринтное переиздание: М., 2001).

13. Младшая Эдда / Изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1970. С. 124–125.

14. Нишвār ал-мухāдара ва 'ахбār ал-музāкара / Та'лйф ал-кādй 'Абй 'Алй ал-Хасан б. 'Алй б. Мухаммад ат-Танūхй ал-Басрй. Тахкйк Мустафā Хусайн 'Абд ал-Хādй. Байрūt: Дār ал-кутуб ал-'илмйа, 1424 х. — 2004 м. Дж. 2. С. 66–67.

15. Новгородская Первая летопись младшего извода / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л., 1950.

16. Песнь о Роланде: Старофранцузский героический эпос / Издание подготовили И. Н. Голенищев-Кутузов, Ю. В. Корнеев, А. А. Смирнов, Г. А. Стратановский. (Литературные памятники.) М.; Л., 1964.

17. Поэзия скальдов / Изд. подготовили С. В. Петров, М. И. Стеблин-Каменский. Л., 1979 (репринтное переиздание: СПб., 2004).

18. Сага о Ньяле // Исландские саги / Ред., вступ. статья и прим. М. И. Стеблина-Каменского. М., 1956.

19. Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Пер. [с араб.] М. А. Салье. Под ред. и с прим. И. Ю. Крачковского. М., 1958.

20. Фирдоуси. Шахнаме / Перевод с персидского Ц. Бану-Лахути. Т. I–VII. (Литературные памятники.) М.: Наука, 1957–1989.

21. Хилāl аҫ-ҫāбй. Установления и обычаи двора халифов (Русūм дār ал-хилāфа) / Пер. с араб., предисл. и прим. И. Б. Михайловой. (Памятники письменности Востока. [Вып.] LXVII). М., 1983.

22. Vikingerne ved Volga. Ibn Fadlāns rejsebeskrivelse / Resumeret, deloversat og kommenteret af J. Væk Simonsen. Højbjerg, 1981; 2. udgave: 2004.

23. Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M. J. de Goeje; editio secunda. Lugduni Batavorum, 1906. Pars tertia: Descriptio imperii moslemici auctore Al-Moqaddasi.

24. Drašković VI. La chanson de Roland: Text critique, traduction serbocroate,

commentaire et glossaire intégral. Beograd, 1987.

25. Hoyland R. G., Gilmour B. Medieval Islamic swords and swordmaking : Kindi's treatise "On swords and their kinds": edition, translation, and commentary. [Cambridge, UK; Oxford, UK; Warminster, Wiltshire, UK], 2006.

26. İbn Fadlan. Bin Yıl Önce Türkler ve Ötekiler. Seyahatname / S. Şaşar türkçesi [fransızca'dan çeviren]. İstanbul, 2005.

27. Ibn Fadlan's journey to Russia. A tenth-century traveler from Baghdad to the Volga River / Transl. with comm. by R. N. Frye. Second printing. Princeton (New Jersey), 2006.

28. Ibn Fadlan's Travel-Report As it Concerns the Scandinavian Rûs / Introd. and Comm. by St. E. Flowers. Smithville (Texas), 1998.

29. Ibn Fadlān and the Land of Darkness. Arab Travellers in the Far North / Transl. with an Introd. by P. Lunde and C. Stone. London, 2012.

30. Kitab Ibn Fadlan. Ibn Fadlanin matka Bagdadista volganbolgaarien luo 921–922 / Suomentanut H. Palva. Helsinki, 2008.

31. Ousâma ibn Mounkidh. Texte arabe de l'Autobiographie d'Ousâma (كتاب الاعتبار) / Par H. Derenbourg. Paris, 1886.

32. Şeşen R. İbn Fazlan seyahatnamesi. İstanbul, 1995.

33. Źródła arabskie do dziejów Słowiańszczyzny / wydał i opracował T. Lewicki. Wrocław; Kraków, 1956. T. 1.

2. Литература

1. Антейн А. К. Дамасская сталь в странах бассейна Балтийского моря. Рига, 1973.

2. Бауер Н. П. Денежный счет Русской Правды // Вспомогательные исторические дисциплины. М.; Л., 1937.

3. Бауер Н. П. История древнерусских денежных систем IX в. — 1535 г. / Изд. подг. П. Г. Гайдуков. М., 2014.

4. Бахрушин С. В. Остяцкие и вогульские княжества в XVI–XVII веках. (На-

учно-исследовательская ассоциация Института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Смидовича. Известия. Вып. 3.) Л., 1935.

5. Беговатов Е. А., Бугарчев А. И. Монеты династии Симджуридов // Нумизматические чтения 2013 года (Москва, 19–20 ноября 2013 г.): Материалы докладов и сообщений. М., 2013.

6. Беговатов Е. А., Кириллов А. Н. Омутницкий клад куфических монет второй половины IX в. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 года). М., 2015.

7. Беговатов Е. А., Черняев А. А. Новые находки куфических монет на территории Татарстана. Бураковский клад // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18–20 апреля 2014 года): Материалы докладов и сообщений. СПб., 2014.

8. Беговатов Е. А. Билярский клад куфических монет конца X — начала XI в. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003.

9. Беговатов Е. А. Волжская Булгария (Измерский регион) конца X — начала XI в. по нумизматическим данным // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002.

10. Беговатов Е. А. Дирхамы хорезмшаха Али б. Мамуна в Крещёно-Барановском и Билярскомкладах куфических монет // XIV Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 года). СПб., 2007.

11. Беговатов Е. А. Дирхемы Симджуридов из Билярского клада рубежа X–XI в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.

12. Беговатов Е. А. Заметка по нумизматике Прикаспийских государств рубежа X–XI вв. (Саманиды, Симджуриды, Буиды, Зийариды) // Древности Поволжья: эпоха средневековья. (Исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Казань, 2005.

13. Беговатов Е. А. Новый клад куфических монет вблизи Билярска // Научное наследие А. П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 122.) М., 2000.
14. Бектинеев Ш. И. Денежное обращение на территории Беларуси в IX–XVI веках. Нумизматические исследования. Минск, 2014.
15. Белавин А. М., Оборин В. А. Посредническая роль Волжской Булгарии в торговом обмене Древней Руси и Верхнего Прикамья в X–XIII вв.) // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986.
16. Белецкий С. В. Подвески с изображением древнерусских княжеских знаков // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения памяти Анны Мачинской. СПб., 2004.
17. Беляев И. Д. Очерк истории древней монетной системы на Руси // Чтения в Обществе истории и древностей российских. Кн. 3. СПб., 1846.
18. Беляков А. С., Янина С. А. Колодезский клад куфических и западноевропейских серебряных монет 60-х годов XI в. // Нумизматический сборник. Ч. 5. Вып. 2. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 49.) М., 1977.
19. Берга Т. М. Монеты в археологических памятниках Латвии IX–XII вв. Рига, 1988.
20. Болдуриану А. Византийские и исламские монеты из Алчедарского клада // *Stratum plus*. 2010. № 5.
21. Болдуриану А. И., Рябцева С. С. Денежно-вещевые клады и отдельные находки монет в памятниках Карпато-Днестровского региона IX — начала XI вв. // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 года): Материалы докладов и сообщений. СПб, 2015.
22. Бугославский С. А. Текстология Древней Руси. Т. II. Древнерусские литературные произведения о Борисе и Глебе / Сост. Ю. А. Артамонов. М., 2007.
23. Булкин В. А., Зоценко В. Н. Среднее Поднепровье и неманско-днепровский путь IX–XI вв. // Проблемы археологии Южной Руси: Материалы историко-археологического семинара «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (Чернигов, 26–28 сентября 1988 г.). Киев, 1990.

24. Булкин В. А., Мачинский Д. А. Русь конца VIII — начала X вв. на балто-волжском и балто-донском путях // Финно-угры и славяне (проблемы историко-культурных контактов). Сыктывкар, 1986.
25. Быков А. А., Добровольский И. Г. Список монет Шумиловского клада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011.
26. Быков А. А. Аббасидский памятный диргем начала IX в. // Советское востоковедение. 1947. № 4.
27. Быков А. А. Безлюдовский клад (по материалам описания монет, выполненного Р. Р. Фасмером) / Подг. текста В. С. Кулешова // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXI.) СПб. 2012.
28. Быков А. А. Безлюдовский клад (по материалам описания монет, выполненного Р. Р. Фасмером) / Подг. текста и введение В. С. Кулешова // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. (Археология евразийских степей. Вып. 18.) Казань, 2014.
29. Быков А. А. Восточные монеты Дегтянского клада // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IV. Нумизматика. Вып. 2. Л., 1961.
30. Быков А. А. Дайсам ибн Ибрāхīm ал-Курдī и его монеты: (Из истории Азербайджана и Армении X в.) // Эпиграфика Востока. Вып. X. М.; Л., 1955.
31. Быков А. А. Девицкий клад куфических монет // Тезисы докладов научной сессии Гос. Эрмитажа (ноябрь 1967 г.). Л., 1967.
32. Быков А. А. Загадочные монеты Девицкого клада. (Из записок старого нумизмата) : [Доклад 1975 г.] / [Рукопись подг. к печати И. Г. Добровольским] // Известия Академии наук СССР. Т. 29. Общественные науки. 1980, № 1. Таллин, 1980.
33. Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Вып. III. М., 1974.
34. Быков А. А. Клад серебряных куфических монет, найденный в Новгороде в 1903 г. // Известия РАИМК. Т. IV. Л., 1925.
35. Быков А. А. Куфические монеты из клада, найденного в Саркеле // Палестинский сборник. Вып. 25 (88): Культура Ближнего Востока древнего и раннесред-

невекового времени. Л., 1974.

36. Быков А. А. Монеты Дайсама ибн Ибрāхима ал-Курдй. (XXV Международный конгресс востоковедов: Доклады делегации СССР.) М., 1960.

37. Быков А. А. Новая находка куфических монет // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. Вып. VIII. М.; Л., 1940.

38. Быков А. А. О хазарском чекане VIII–IX вв.: Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XII. Нумизматика. Вып. 4. Л., 1971.

39. Валеев Р. М. Волжская Булгария: торговля и денежно-весовые системы IX — начала XIII веков. Казань, 1995.

40. Валеев Р. М. К вопросу о товарно-денежных отношениях ранних болгар (VIII–X вв.) // Из истории ранних болгар. Казань, 1981.

41. Валеев Р. М. О болгарской товарно-денежной системе X в. // Из истории материальной культуры татарского народа. Казань, 1984.

42. Валеев Р. М. Торговля и торговые пути Среднего Поволжья и Приуралья в эпоху средневековья (IX — начало XV вв.). Казань, 2007.

43. Введенский А. М. Договоры Руси с греками X в.: клятва Святослава Игоревича. Проблемы интерпретации выражения «колоти яко золото» // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. 57. СПб., 2006.

44. Веселовский Н. И. Некролог В. В. Григорьева (читан в заседании Восточного отделения Археологического общества 26 февраля 1882 года). СПб., 1883.

45. Вилинбахов В. Б. Балтийско-Волжский путь // Советская археология. 1963. № 3

46. Вильданов 2008; Мельничук А. Ф., Вильданов Р. Ф., Голдобин А. В. Раннесредневековый восточный монетный комплекс жертвенного места ломоватовской культуры в устье р. Сылва // Вестник Пермского университета. История. Вып. 5. Пермь, 2004.

47. Вильданов Р. Ф. Дирхем Мумина Бен Ахмеда с Рождественского могильника // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. VI: Пермские финны и угры Урала в эпоху железа. Пермь, 2009.

48. Вильданов Р. Ф. Монеты из сборов и раскопок на Рождественском археоло-

гическом комплексе в Карагайском районе Пермского края // Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественск. (Археология Пермского края: Свод археологических источников. Вып. I.) Пермь, 2008.

49. Вильданов Р. Ф. Монеты и хронология Рождественского археологического комплекса // Оборинские чтения. Материалы археологических конференций. Вып. 1. Пермь, 2000.

50. Винничек В. А., Лебедев В. П. Восточные монеты X века и монетовидные подвески с домонгольских поселений Верхнего Посурья // Археология восточноевропейской лесостепи. Пенза, 2003.

51. Виноградов В. Б., Депенева А. Б. Монетные находки и клады на территории Кабардино-Балкарии (до конца XVIII в.) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. Грозный, 1987.

52. Виноградов В. Б., Мамаев Х. М., Фёдоров-Давыдов Г. А. Клад куфических монет из Ножай-Юрта (Чечено-Ингушетия) // Российская археология. 1992. № 2. М., 1992.

53. Виноградов В. Б. Монетные находки и клады на территории Чечено-Ингушетии (до конца XVIII века). Грозный, 1981.

54. Виноградов В. Б. Судьбы древних монет. (Опыт лирической нумизматики). Грозный, 1982.

55. Воронов Ю. П. Страницы истории денег. Новосибирск, 1986.

56. Вячин А. А., Гомзин А. А. Куфические монеты Крюково-Кужновского могильника (раскопки П. П. Иванова 1935–1936 гг.) // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.

57. Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Носов Е. Н. Находки восточных монет VI–X вв. на Новгородском (Рюриковом) городище // У истоков русской государственности: Историко-археологический сборник. СПб., 2007.

58. Гайдуков П. Г., Молчанов А. А., Янин В. Л. Единичные находки куфических монет на Неревском раскопе в Новгороде // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002.

59. Гайдуков П. Г., Молчанов А. А. Новые находки куфических монет в Иль-

менском Поозерье // Центральная Азия: источники, история, культура: Материалы Международной науч. конф., посвящённой 80-летию Е. А. Давидович и Б. А. Литвинского (Москва, 3–5 апреля 2003 г.). М., 2005.

60. Гайдуков П. Г., Фомин А. В. Монетные находки Изборска // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 183: Средневековая археология Восточной Европы. М., 1986.

61. Гиппиус А. А. До и после Начального свода: ранняя летописная история Руси как объект текстологической реконструкции // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

62. Гиппиус А. А. К истории сложения текста Новгородской первой летописи // Новгородский исторический сборник. [Вып.] 6 (16). СПб., 1997.

63. Гоглов С. А., Лебедев В. П. Клад монет X века с окраины города Шебекино Белгородской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М., 2018.

64. Гомзин А. А., Иванов Д. А., Челяпов В. П. О находках куфических монет в Касимовском р-не Рязанской обл. // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003.

65. Гомзин А. А., Шагурина Г. Б. Дубровичский клад: к истории обнаружения и реконструкции состава // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002.

66. Гомзин А. А. Борковские клады куфических монет // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.). СПб., 2001.

67. Гомзин А. А. Восточное монетное серебро IX — начала XI в. в Среднем и Нижнем Поочье: Автореф. дисс. ... канд. исторических наук. М., 2013.

68. Гомзин А. А. Граффити на арабских дирхемах из кладов, найденных в Рязанской области // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т.2. Рязань, 2001.

69. Гомзин А. А. Ивановский и Половский клады куфических монет // Культурное наследие Евразии (с древности до наших дней). Алматы, 2016.

70. Гомзин А. А. Клад куфических монет 1948 г. из с. Борки // Нумизматический сборник ГИМ. Т. XIX. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 192.) М., 2012.
71. Гомзин А. А. К характеристике рынка восточного монетного серебра в Окско-Донском междуречье на рубеже IX–X вв. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.
72. Гомзин А. А. Материалы к истории обнаружения и реконструкции состава клада куфических монет, найденного близ озера Казарское в 1928 г. // Материалы и исследования по рязанскому краеведению. Т. 4. Рязань, 2003.
73. Гомзин А. А. Монеты волжских булгар в Среднем и Нижнем Поочье // Археология древнерусского города XI–XV веков. Проблемы источниковедения, становления государственности и культурогенеза. М., 2011.
74. Гомзин А. А. О борковских кладах куфических монет, найденных в Рязанской губернии в 1874–1875 гг. // Труды Рязанского исторического общества. Вып. IV. Рязань, 2002.
75. Гомзин А. А. Об особенностях топографии находок куфических монет VIII–IX вв. в восточной части Среднего Поочья // Битва на Воже и Куликовское сражение (история и культура средневековой Руси). Рязань, 2006.
76. Гомзин А. А. О двух несуществовавших кладах куфических монет // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.). М., 2000.
77. Гомзин А. А. Сидоровский клад куфических монет 1960 г. // Города и веси средневековой Руси: археология, история, культура: К 60-летию Николая Андреевича Макарова. М.; Вологда, 2015.
78. Горский А. А. Возникновение Руси в контексте европейского политогенеза конца I тысячелетия н. э. // Русь в IX–XII вв.: общество, государство, культура. М., 2014.
79. Горский А. А. Первое столетие Руси // Средневековая Русь. Вып. 10: К 1150-летию зарождения российской государственности. М., 2012.
80. Гребенникова И. В., Шпилев А. Г. Денежно-вещевой клад из с. 2-я Воробьевка Курской обл. // Верхнее Подонье. Археология, история. Вып. 4. Тула, 2009.

81. Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1953.
82. Григорьев В. В. Жизнь и труды П. С. Савельева преимущественно по воспоминаниям и переписке с ним. СПб., 1861.
83. Григорьев В. В. Об отношении России к Востоку: Речь, произнесенная исполняющим должность профессора В. Григорьевым. Одесса, 1840.
84. Григорьев В. В. О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории. Одесса, 1842.
85. Григорьев В. В. О куфических монетах VIII, IX, X и отчасти VII и XI века, находимых в России и прибалтийских странах, как источниках для древнейшей отечественной истории // Записки Одесского общества истории и древностей. Т. I. Одесса, 1844.
86. Григорьев В. Описание куфических монет X века, найденных в Рязанской губернии в 1839 году. СПб., 1841.
87. Губанов И. Б. Исландские родовые саги как источник по истории культуры и общества древней Скандинавии: исследование, тексты и переводы. СПб., 2016.
88. Губарев О. Л. О клятвах русов и славян // Stratum plus. 2013. № 5.
89. Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М., 2000.
90. Гурулева В. В., Кулешов В. С., Юрченко Т. В. Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011.
91. Гурулева В. В. Византийские монеты в денежном обращении и культуре Древней Руси // Византия и византийское наследие в России и в мире: Тез. докл. XX Всероссийской научной сессии византинистов. Москва, 3–6 июня 2013 г. М., 2013.
92. Гурулева В. В. Византийские монеты из кладовых комплексов в коллекции Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. [Т.] LXXXVII.) СПб., 2017.
93. Гурулева В. В. Византийские монеты из Славянского (Анастасиевского) клада в собрании Государственного Эрмитажа // Материалы и исследования Отдела нумизматики. Памяти А. А. Марковой (1895–1975). (Труды Гос. Эрмитажа. XLVIII.) СПб., 2009.

94. Гурулева В. В. Золотая византийская монета X в., найденная в Пскове // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002.
95. Гурулева В. В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке // Сугдейский сборник. Киев; Судак, 2004.
96. Гурулева В. В. Новая группа византийских монет из Славянского клада // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.
97. Гурулева В. В. Особенности и разновидности подражаний монетам византийских императоров первой половины VIII в. в Крыму и в Хазарии // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М., 2005.
98. Гурулева В. В. Псковская находка 1961 года (золотая монета Константина Багрянородного) // Материалы и исследования Отдела нумизматики. СПб., 2005.
99. Гурулева В. В., Кулешов В. С., Юрченко Т. В. Монеты из Славянского (Анастасиевского) клада // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011.
100. Гусев С. В., Кропоткин В. В. Находки сасанидских, византийских и куфических монет на территории Дагестанской АССР // Acta Orientalia. Т. 45 (2–3). Budapest, 1991.
101. Гусев С. В. К вопросу об экономических связях Дагестана с Ближним Востоком в VIII — первой половине XIII вв. // Древнее производство, ремесло и торговля по археологическим данным: Тезисы докладов IV конференции молодых учёных ИА АН СССР. М., 1988.
102. Гусев С. В. Северо-восточный Кавказ в эпоху средневековья: монеты рассказывают. М., 1995.
103. Дамбе В. Ф. Географические термины в топонимии Латвийской ССР // Вопросы географии. Вып. 81: Местные географические термины. М., 1970.
104. Даркевич В. П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: Произведения восточной тореvтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976.

105. Демин А. С. Поэтика древнерусской литературы (XI–XIII вв.). М., 2009.
106. Джаксон Т. Н. «Þó lætr Gerðr i Görðum gollhrings við mér skolla»: «Висы радости» норвежского конунга Харальда Сигурдарсона в русских переводах и переложениях // Scando-Slavica. Т. 43. 1997.
107. Джаксон Т. Н. Четыре норвежских конунга на Руси. Из истории русско-норвежских политических отношений последней трети X — первой половины XI в. М., 2000.
108. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Граффити на восточных монетах. Древняя Русь и сопредельные страны. Л., 1991.
109. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Классификация и интерпретация граффити на восточных монетах (коллекция Эрмитажа) // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XXI. Нумизматика. Вып. 5. Л., 1981.
110. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Кузьменко Ю. К. Новые источники по истории Древней Руси // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2: История, язык, литература. Вып. 1. Л., 1978.
111. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Рождественская Т. В. Новая находка граффити на куфической монете // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2: История, язык, литература. Вып. 1. Л., 1982.
112. Добровольский И. Г., Дубов И. В., Седых В. Н. Новые монеты Тимерёвского клада, поступившие в Эрмитаж в 1986 г. // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа). Л., 1987.
113. Добровольский И. Г., Дубов И. В. Комплекс памятников у деревни Большое Тимерёво под Ярославлем (по археологическим и нумизматическим данным) // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2: История, язык, литература. Вып. 1. Л., 1975.
114. Добровольский И. Г., Молвыгин А. Н., Потин В. М. Новые данные о кладе Вылла (Велла) // Экономика, политика и культура в свете нумизматики: Сб. науч. трудов. Л., 1982.
115. Добровольский И. Г., Потин В. М. А. А. Быков — выдающийся нумизмат-

востоковед // Нумизматический сборник 2003: Памяти А. А. Быкова (1896–1977). СПб., 2003.

116. Добровольский И. Г., Потин В. М. Колодезский клад монет XI в. // Нумизматика в Эрмитаже: Сб. науч. трудов. Л., 1987.

117. Добровольский И. Г., Потин В. М. Куфические дирхемы и западные денарии XI в. на о. Вайгач // Исследования, поиски, открытия: Краткие тез. докл. науч. конф. и к 225-летию Эрмитажа (14–16 ноября 1989 года). Л., 1989.

118. Добровольский И. Г., Шагурина Г. Б., Седых В. Н. О топографии находок восточных монет на территории России // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002.

119. Добровольский И. Г., Шагурина Г. Б., Седых В. Н. О топографии находок сасанидских и куфических монет региона Поволжья // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003.

120. Добровольский И. Г., Шагурина Г. Б. Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (б. Крещеный Баран) в Татарстане: новые данные // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. статей памяти И. В. Дубова. СПб., 2004.

121. Добровольский И. Г. Клад куфических монет начала XI в. из селения Красный Баран (б. Крещёный Баран) в Татарстане: новые данные // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.): Тез. докл. и сообщ. СПб., 2001.

122. Добровольский И. Г. Куфические монеты клада Ф. В. Горохова / Подг. текста и предисл. В. С. Кулешова // Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам конференции «Сфрагистика, нумизматика геральдика средневекового Крыма». (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XCIV.) СПб., 2018.

123. Добровольский И. Г. Новые данные о куфических кладах Эстонии X века / Подг. текста и примеч. В. С. Кулешова // Материалы и исследования Отдела нумизматики. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXXVII.) СПб., 2017.

124. Добровольский И. Г. Памятный алидский серебряный динар середины XI в. (Доклад на Всесоюзном совещании арабистов 15 мая 1959 г.) // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. Вып. 3. Л., 1967.
125. Добровольский И. Г. Редкая полудрахма сасанидского типа в собрании Эрмитажа // Эрмитажные чтения 1995–1999 годов памяти В. Г. Луконина. СПб., 2002.
126. Добровольский И. Г. Редкие грузинские монеты в собрании Эрмитажа // Прошлое нашей родины в памятниках нумизматики: Сб. ст. Л., 1977. С
127. Добровольский И. Г. Самаркандский фельс Исхāка ибн Ахмеда // Эпиграфика Востока. Вып. XV. М.; Л., 1963.
128. Добродомов И. Г. Веверица, векша, белка // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.): Тезисы докладов и сообщений. М., 2000.
129. Доватур А. И., Каллистов Д. П., Шишова И. А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты, перевод, комментарий. М., 1982.
130. Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л. Основы славянской акцентологии. Словарь. Непроизводные основы мужского рода. Вып. 1. М., 1993.
131. Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981.
132. Ениосова Н. В. Золото викингов на территории Древней Руси // У истоков русской государственности. К 30-летию археологического исследования Новгородского Рюрикава Городища и Новгородской областной археологической экспедиции: Историко-археологический сборник. СПб., 2007.
133. Енуков В. В., Щавелев С. П. Основные направления торговых связей Курской земли в X–XIII вв. // Торговля Курского края с древнейших времён до начала XX века. Курск, 1996.
134. Енуков В. В. Клад восточных монет X в. из музея г. Дмитриева // Ю. А. Липкинг и археология Курского края: Материалы межрегиональной научной конференции (Курск, 15–17 ноября 2004 г.). Курск, 2005.
135. Енуков В. В. Посемье и семичи (по данным письменных, археологических и нумизматических источников) // Очерки феодальной России. Вып. 6. М., 2002.

136. Еремеев И. И. Древности Полоцкой земли в историческом изучении Восточно-Балтийского региона (очерки истории и археологии Псковско-Белорусского Подвинья). (Труды ИИМК РАН. Т. 44.) СПб., 2015.

137. Еремеев И. И. Полоцкая земля // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

138. Ершова Т. Е. Серебряная подвеска с изображением тамги Рюриковичей из камерного погребения в Пскове // Краеугольный камень: Археология, история, искусство, культура России и сопредельных стран. Ч. I. М., 2010.

139. Жилина Н. В. Древнерусские клады IX–XIII вв. Классификация, стилистика и хронология украшений. М., 2014.

140. Жилина Н. В. История древнерусского металлического убора IX–XIII вв. // Славяно-русское ювелирное дело и его истоки: Мат-лы межд. науч. конф., посвященной 100-летию со дня рождения Г. Ф. Корзухиной (Санкт-Петербург, 10–16 апреля 2006 г.). СПб., 2010.

141. Зайцев В. В. К вопросу об обращении обрезанных в кружок куфических монет в X в. // Елец и его окрестности. Елец, 1991.

142. Зайцев В. В. О топографии кладов куфических монет X в., обрезанных в кружок // Краткие тезисы докладов нумизматической конференции «Итоги научно-исследовательской и хранительской деятельности за 1991 г.» (25–28 февраля 1992 г.). СПб., 1992.

143. Зозуля С. С., Каинов С. Ю., Фомин А. В., Гомзин А. А. Гнёздовский клад куфических монет 2010 г. (предварительное сообщение) // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фомина (Москва, 21–22 ноября 2011 г.). М., 2011.

144. Зоценко В. М. Південне коло обігу дірхемів у Східній Європі (VIII–X ст.) // Археологія. 1991. № 4. Київ.

145. Зоценко В. Н. Пути проникновения скандинавов в Среднее Поднепровье (IX–X вв.) // Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). М., 1985.

146. Зоценко В. Н. Южный круг обращения дирхемов в Восточной Европе,

VIII–X вв. // Białoruś, Litwa, Polska, Ukraina wspólne dzieje pieniądza: Materiały z I Międzynarodowej konferencji numizmatycznej (Supraśl, 20–22 X 1994). Warszawa, 1996.

147. Ибн Манзӯр. Лисāн ал-'араб. Бӯлāк, 1301 г. х. Дж. 11.

148. Иванов Вяч. Вс. «Ожерелье голубки» Ибн Хазма и литературные связи андалузско-арабской поэзии в свете исторической семантики // Слово и мудрость Востока: Литература. Фольклор. Культура. К 60-летию акад. А. Б. Куделина. М., 2006.

149. Иглтон К., Уильямс Д. Деньги. История цивилизаций / Пер. с англ. М., 2011.

150. Илиш Л., Кулешов В. С. Монеты 'Укайлидов и Марвāнидов из Васьковского клада в собрании Эрмитажа // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. LXXIV. СПб., 2016.

151. Ильин А. А. Топография кладов древних русских монет X–XI в. и монет удельного периода. РАИМК. Труды нумизматической комиссии. Вып. V). Л., 1924.

152. Ильин А. А. Топография кладов серебряных и золотых слитков. (РАИМК. Труды нумизматической комиссии. Вып. I.) Петербург, 1921.

153. Ильин Г. Ф. Материальные основы древнеиндийской культуры // Культура древней Индии. М., 1975.

154. Казаманова Л. Н. Бартымский клад византийских серебряных монет VII века // Нумизматический сборник. Часть вторая. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. XXVI.) М., 1957.

155. Казанский П. С. Исследования о древней русской монетной системе в XI, XII и XIII веке // Записки Русского археологического общества. Т. III. СПб., 1851.

156. Каинов С. Ю. Начальные этапы формирования древнерусского комплекса боевых средств // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. Тула, 2014.

157. Калинина Т. М. Заметки о торговле в Восточной Европе по данным арабских ученых IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М., 2000.

158. Калинина Т. М. Меха́вая торговля в Приволжском бассейне по данным арабских ученых IX–X вв. // Великий Волжский путь. Материалы Круглого стола и Международного научного семинара. Казань, 28–29 августа 2000 г. Казань, 2001.

159. Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). М., 2015.

160. Калинина Т. М. Торговые пути Восточной Европы IX века (по данным Ибн Хордадбе́ха и Ибн ал-Факиха) // История СССР. 1986. № 4. М., 1986.

161. Калинина Т. М. Торговые связи Восточной Европы по данным арабских ученых IX в. // Древнерусская культура в мировом контексте: археология и междисциплинарные исследования. Материалы конференции (Москва, 19–21 ноября 1997 г.). М., 1999.

162. Калинин В. А., Молчанов А. А. Бобрицкий клад куфических монет 1997 г. // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.). СПб., 1998.

163. Калинин В. А. О монетах эмира Волжской Булгарии Абдаллаха б. Микаила // Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003.

164. Карта восточноевропейских кладов куфических монет VIII–IX вв. / Автор-составитель В. С. Кулешов // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

165. Карта восточноевропейских кладов куфических монет X в. и кладов XI–XII вв., содержащих исламские монеты / Автор-составитель А. А. Гомзин // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

166. Кауфман И. И. Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историей русских денежных систем с древнейшего времени. СПб., 1906.

167. Кауфман И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX века. СПб., 1910.

168. Кирпичников А. Н. Древнерусское оружие. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1–36). М.; Л., 1966. Вып. 1: Мечи и сабли IX–XIII вв.

169. Кирпичников А. Н. Каролингские мечи на «Восточном пути» // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. СПб., 2009. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLIX).
170. Кирпичников А. Н. Ладога и Ладожская земля VIII–XIII вв. // Историко-археологическое изучение Древней Руси: итоги и основные проблемы. (Славяно-русские древности. Вып. 1.) Л., 1988.
171. Кистерев С. Н. Место векши в системе древнерусского денежного счета // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.): Тезисы докладов и сообщений. СПб., 1998.
172. Кистерев С. Н. Спорные вопросы начальной истории русского денежного обращения // Очерки феодальной России. Вып. 1. М., 1997.
173. Коваленко В. П., Фомин А. В., Шекун А. В. Давньорусьський Звеничев і скарб арабських дірхемів // Археологія. 1992. № 1. Київ.
174. Козлов С. А. «Росские» экскурсии Льва Диякона и традиции воинских сообществ в славянском мире // Византийский временник. М., 2015. Т. 74 (99).
175. Козлов С. А. «Святославиада», или Что общего у князя Святослава Игоревича с «героями песнопевца Гомера»? // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. СПб., 2016. № 1 (19).
176. Колесников А. И. Денежное хозяйство в Иране в VII веке. М., 1998.
177. Колода В. В., Лебедев В. П., Енуков В. В. Безлюдовский клад и его место в денежной системе Северской земли // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. (Археология евразийских степей. Вып. 18.) Казань, 2014.
178. Комар А. В. Предсалтовские и раннесалтовский горизонты Восточной Европы (вопросы хронологии) // *Vita Antiqua*. 1999. № 2. Київ.
179. Коновалова И. Г. Путь купцов-русов на Восток // Средневековая Русь. Вып. 6. М., 2006.
180. Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.
181. Королев А. С. История междукняжеских отношений на Руси в 40-е–70-е годы X века. М., 2000.
182. Котляр М. Ф. Грошовий обіг на території України доби феодалізму. Київ,

1971.

183. Котляр Н. Ф. «Безмонетный» период и монетные гривны // Хранитель Эрмитажа: Сб. воспоминаний и науч. статей к 100-летию со дня рождения И. Г. Спасского (1904–1990). СПб., 2004.

184. Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 2016.

185. Котляр Н. Ф. Ещё раз о «безмонетном» периоде денежного обращения Древней Руси (XII–XIII вв.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. V. Л., 1973.

186. Котляр Н. Ф. О социальной сущности Древнерусского государства IX — первой половины X в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995.

187. Котляр Н. Ф. Северорусские («черниговские») монетные слитки // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996.

188. Кочкуркина С. И., Линевский А. М. Курганы летописной веси X — начала XIII века. Петрозаводск, 1985.

189. Кочкуркина С. И. Археологические памятники корелы. V–XV вв. Л., 1981.

190. Кочкуркина С. И. Оятские могильники X–XI вв. // Советская археология. 1968. № 2.

191. Кочкуркина С. И. Приладожская курганная культура: погребения с монетами, весами и гирьками: Каталог. Петрозаводск, 2013.

192. Кочкуркина С. И. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л., 1973.

193. Кропоткин В. В. Булгарские монеты X века на территории Древней Руси и Прибалтики // Волжская Булгария и Русь (к 1000-летию русско-булгарского договора). Казань, 1986.

194. Кропоткин В. В. Время и пути проникновения куфических монет в Среднее Подунавье // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

195. Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е4–4.) М., 1962.

196. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. (Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Г4–4.) М., 1961;.

197. Кропоткин В. В. Находки куфических монет в Прикарпатье (СССР) // *Acta Archaeologica Carpathica*. Т. 11. Bratislava, 1970.
198. Кропоткин В. В. Новые материалы по истории денежного обращения в Восточной Европе в конце VIII — первой половине IX в. // *Славяне и Русь*. М., 1968.
199. Кропоткин В. В. Новые находки сасанидских и куфических монет в Восточной Европе // *Нумизматика и эпиграфика*. [Т.] IX. М., 1971.
200. Кропоткин В. В. О топографии кладов куфических монет IX в. в Восточной Европе // *Древняя Русь и славяне*. М., 1978.
201. Кропоткин В. В. Торговые связи Волжской Болгарии в X в. по нумизматическим данным // *Древние славяне и их соседи*. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 176.) М., 1970.
202. Кропоткин В. В. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967.
203. Круглов Е. В. Некоторые проблемы анализа особенностей обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях // *Хазарский альманах*. Т. 1. Харьков, 2002.
204. Круглов Е. В. Обращение византийских и арабских монет в Хазарском каганате в VIII в. и их датирующие возможности // *Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.
205. Круглов Е. В. Обращение византийских солидов VI–VIII вв. в Восточной Европе // *Одиннадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Санкт-Петербург, 14–18 апреля 2003 г.). СПб., 2003.
206. Круглов Е. В. Этапы обращения византийских монет VI–VIII вв. в восточноевропейских степях и их датирующие возможности в памятниках археологии // *Археологические записки*. Вып. 4. Ростов-на-Дону, 2005.
207. Кулешов, В. С. Периодизация чеканки куфических дирхамов в Халифате Умайядов (по данным нумизматических источников) // *Материалы и исследования Отдела нумизматики: Памяти А. А. Марковой (1895–1975)*. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLVIII.) СПб., 2009.
208. Кулешов В. С. «Рунический дирхам»: новый источник для истории хазар-

ской геральдики? (Семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина». Май, 2009.) СПб., 2009.

209. Кулешов В. С. «Рунический дирхам» из Козьянковского клада // *Acta Archaeologica Albaruthenica*. Vol. V. Минск, 2009.

210. Кулешов В. С. Денежное обращение новотроицкой общины роменцев: комплексы, категории и весовые нормы // *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы международной конф., посвященной 110-летию со дня рождения И. И. Ляпушкина (1902–1968)* (Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г.). СПб., 2012.

211. Кулешов В. С. Золото и паволоки, серебро и комони: царская экономика государства Святослава Игоревича в сравнительном освещении // *Средневековая Русь*. Вып. 13. М., 2018.

212. Кулешов В. С. Киевские клады первой половины X в. и нумизматическая хронология могильника на Старокиевской горе // *Первые каменные храмы Древней Руси: Материалы архитектурно-археологического семинара 22–24 ноября 2010 г.* (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXV). СПб., 2012.

213. Кулешов В. С. К предыстории древнерусской платёжной гривны // *Материалы и исследования Отдела нумизматики*. (Труды Гос. Эрмитажа. [Т.] LXI.) СПб., 2012.

214. Кулешов В. С. О композиции и датировке Баклинского клада 1999 г. // *II Международный нумизматический симпозиум «ПриРОНТийский меняла: деньги местного рынка»* (Севастополь, Национальный заповедник «Херсонес Таврический», 14–19 сентября 2012 г.). Севастополь, 2012.

215. Кулешов В. С. О куфических монетах из с. Монастырёк в Среднем Поднепровье // *XIV Всероссийская нумизматическая конференция* (Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 года). СПб., 2007.

216. Кулешов В. С. О распространении золотых куфических монет VIII в. в Восточной Европе // *Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция* (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009). М., 2009.

217. Кулешов В. С. О судьбе и составе Киевского монетного клада 1706 г. //

Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики: Збірка наукових праць. Ч. 18: Актуальні проблеми нумізматики у системі спеціальних галузей історичної науки: Матеріали Міжнародної науково-практичної конференції «Перші (міжнародні) Ястребовські читання» (Кіровоград, 20–22 жовтня 2011 р.). Київ, 2011.

218. Кулешов В. С. О типологическом и хронологическом соотношении хазарских рунических дирхамов и монет Абхазского царства IX в. // Нумизматические чтения 2013 года (Москва, 19–20 ноября 2013 г.): Материалы докладов и сообщений. М., 2013.

219. Кулешов В. С. Периодизация монетного обращения середины VIII — начала XI в. в Восточной Европе и динамика экономических связей древнейших русских дружин // Управленческое консультирование. 2016. № 2.

220. Кулешов В. С. Серебро за меха из Страны мрака: памятники византийской, восточной и западной торевтики и нумизматики в сакральной экономике югорского общества V–XV вв. // Византия в контексте мировой культуры: Материалы конференции, посвящённой памяти А. В. Банк (1906–1984). (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXXIX.) СПб., 2017.

221. Кулешов В. С. Хронология раннеаббасидских наместников Табаристана в устной традиции и в памятниках нумизматики: проблема корреляции разноплановых источников // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Мат-лы XXIX Международной науч. конф. (Москва, 13–15 апреля 2017 г.). Москва, 2017.

222. Кулешов В. С. Шеховцовский (Усть-Ратский) клад куфических монет: предварительные итоги исследования // Средневековый город Юго-Восточной Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Курск, 2009.

223. Кулешов В. С. Шумиловский клад // Нумизматика и эпиграфика. Вып. XVIII. М., 2011.

224. Кулешов В. С. Эпоха Ибн Фадлана в памятниках нумизматики // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара: Каталог выставки. М., 2016.

225. Кулешов В. С. Югорское общество V–XV вв.: модель сакральной экономики, археологическая атрибуция и проблема этнической принадлежности // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции. Вып. XII: Средневековая археология Восточной Европы: от Камы до Дуная. Пермь, 2017.
226. Кызласов И. Л. Древнетюркская руническая письменность Евразии: Опыт палеографического анализа. М., 1990.
227. Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. М., 1994.
228. Кёне Б. Описание европейских монет X, XI и XII века, найденных в России // Записки Императорского археологического общества. Т. IV. СПб., 1852.
229. Лебедев В. П., Винничек В. А. Нумизматические находки с домонгольских памятников Верхнего Посурья // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 4. Хазарское время. Донецк, 2005.
230. Лебедев В. П., Гоглов С. А., Никитин А. П., Яблоков А. Г. Боршевский клад обрезанных дирхемов и подражаний из Воронежской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 7. М., 2018.
231. Лебедев В. П., Кожевин А. Е. О находках золотых динаров династии Саманидов на памятниках Волжской Булгарии // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009). М., 2009.
232. Лебедев В. П., Колода В. В., Енуков В. В. Безлюдовский клад 1930 г.: типология, метрология, граффити // Материалы и исследования Отдела нумизматики: По материалам Международной конференции «Два века мусульманской нумизматики в России. Итоги и перспективы». (Труды Гос. Эрмитажа. Т. LXXXI.) СПб., 2017.
233. Лебедев В. П., Сотников А. В., Шпилев А. Г. Клад арабских и византийских монет 70-х годов X в. из деревни 1-е Красниково Курской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 3. М., 2009.
234. Лебедев В. П., Стародубцев Г. Ю. Клад обрезанных дирхемов с Жерновецкого селища Курской области // III Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 22–24 апреля 2016 года): Материалы

докладов и сообщений. СПб., 2016.

235. Лебедев В. П., Стародубцев Г. Ю. Кошелёк с 17 северянскими резанами X в. из Курской области // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 года). СПб., 2011.

236. Лебедев В. П., Трушин И. Д. Дирхам династии Джастанидов на Арбузовском селище X–XI вв. в Ульяновской области // XVI Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Репино, 18–23 апреля 2011 года). СПб., 2011.

237. Лебедев В. П., Трушин И. Д. Монеты южного древнерусского денежного обращения рубежа X–XI вв. на домонгольских болгарских памятниках Ульяновской области // Средневековая нумизматика Восточной Европы. Вып. 4. М., 2012.

238. Лебедев В. П., Трушин И. Д. Русско-Юрткульский клад 2010 г. первой половины X в. // Нумизматические чтения 2011 года. Памяти Алексея Владимировича Фомина (Москва, 21–22 ноября 2011 г.). М., 2011.

239. Лебедев В. П. Обращение куфических дирхемов на территории северян в X в. // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 года): Материалы докладов и сообщений. СПб., 2015.

240. Лебедев Г. С. Петергофский клад начала IX века как источник по ранней истории Руси // Клады: состав, хронология, интерпретация. Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002.

241. Леймус И. Монеты Волжской Булгарии в эстонских кладах // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М., 2005.

242. Леонтьев А. Е., Носов Е. Н. Восточноевропейские пути сообщения и торговые связи в конце VIII — X в. // Русь в IX–X веках: археологическая панорама. М.; Вологда, 2012.

243. Леонтьев А. Е. Волжско-балтийский торговый путь в IX в. // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 183: Средневековая археология Восточной Европы. М., 1986.

244. Литвинов В. А., Макушников О. А., Дробушевский А. И. Клады древне-

русских шейных гривен из Белоруссии // Советская археология. 1987. № 1.

245. Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV веков. М., 2009.

246. Лучинский М. Ф. Деньги на Руси IX–XII вв.: против одного ошибочного представления. (Уч. зап. Казанского финансово-экономического института им. В. В. Куйбышева. Вып. XII). Казань, 1958.

247. Львов А. С. Лексика «Повести временных лет». М., 1975

248. Ляпушкин И. И. Городище Новотроицкое. О культуре восточных славян в период сложения Киевского государства. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 74.) М.; Л., 1958.

249. Ляпушкин И. И. Днепровское лесостепное Левобережье в эпоху железа. Археологические разыскания о времени заселения Левобережья славянами. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 104.) М.; Л., 1961.

250. Ляпушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.): Историко-археологические очерки. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 152.) Л., 1968.

251. Макаров В. И., Матвеева Н. П. Словарь лексических трудностей художественной литературы. Киев, 1989. С. 84С. 84).

252. Макаров Н. А., Гайдуков П. Г., Гомзин А. А. Серебро на селищах: монеты и торговый инвентарь IX–XI вв. в Суздальском Ополе // Российская археология. 2016. № 4.

253. Макаров Н. А., Чернецов А. В. Сфрагистические материалы из Белоозера // Древности славян и Руси. М., 1988.

254. Максимов Е. В., Петрашенко В. А. Славянские памятники у с. Монастырек на Среднем Днепре. Киев, 1988.

255. Марков А. К. Топография кладов восточных монет (сасанидских и куфических). СПб., 1910.

256. Матвеева Г. И., Морозов В. Ю. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.

257. Мельникова Е. А., Никитин А. Б., Фомин А. В. Граффити на куфических

монетах Петергофского клада начала IX в. // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1982 год. М., 1984.

258. Мельникова Е. А. «Дружиною налѣзу сребро и злато»: военно-торговая экономика древнерусской элиты X в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Вып. XXIV: Миграции, расселение, война как факторы политогенеза. М., 2012.

259. Мельникова Е. А. «Обручья» некрещеной Руси в русско-византийском договоре 944 г. и «кольца клятвы» древнескандинавской правовой традиции // Средние века. Вып. 75 (3–4). 2014.

260. Мельникова Е. А. Геополитические и геоэкономические предпосылки образования Древнерусского государства // Электронный научно-образовательный журнал «История». Вып. 5 (13): Начала древнерусского государства. М., 2012.

261. Мельникова Е. А. Две экономики периода образования Древнерусского государства (постановка проблемы) // Ежегодник аграрной истории. Сб. ст. памяти Н. А. Горской. М., 2013.

262. Мельникова Е. А. Древняя Русь и Скандинавия: Избранные труды. М., 2011.

263. Мельникова Е. А. Европейский контекст возникновения древнерусской государственности // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год. Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. М., 2012.

264. Мельникова Е. А. Заложники и клятвы. Процедура заключения договоров с норманнами // Именослов. История языка. История культуры. (Труды Центра славяно-германских исследований. Т. 2.) М., 2012.

265. Мельникова Е. А. Экономические системы в эпоху образования государства: Древняя Русь и скандинавские страны // Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год. Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М., 2017.

266. Мельничук А. Ф., Вильданов Р. Ф., Голдобин А. В., Головчанский Г. П. Истоки восточно-римской утвари и монетного материала на средневековых памятниках археологии Верхнего Прикамья // Труды Камской археолого-этнографической

экспедиции. Вып. X. Пермь, 2015.

267. Милованов С. И. Восточное направление торговых связей населения боршевской культуры по нумизматическим материалам (VIII — первая половина X в.) // Истоки славянства и Руси : Сборник статей по материалам X чтений памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 24–25 декабря 2005 г.). СПб., 2012.

268. Мингалев В. В. Монетный комплекс памятников раннего средневековья Прикамья и Вычегодского края // Пути средневековых торговцев: Сб. материалов круглого стола, проведённого в рамках международного XVI Уральского археологического совещания (Пермь, 6–10 октября 2003 г.). Пермь, 2004.

269. Михалевский Ф. И. Очерки истории денег и денежного обращения. Т. I. Деньги в феодальном хозяйстве. Л., 1948.

270. Мокерова Е. Ю. Клады и находки монет VIII–XVII вв. на территории Вятского края (хронология и топография) // МНА «Монета». Вып. 3. 1995.

271. Молчанов А. А., Щекин В. П. Два клада куфических монет из фондов Серпуховского музея // Пятая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 21–25 апреля 1997 г.). М., 1997.

272. Молчанов А. А. «Верительные знаки» в древнескандинавских сагах // Ладога и Северная Европа: Вторые чтения памяти Анны Мачинской (Старая Ладога, 22–23 декабря 1996 г.): Материалы к чтениям. СПб., 1996.

273. Молчанов А. А. Дирхам тифлисского эмира Джафара ибн Мансура 374 г. х. // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.). СПб., 2001.

274. Молчанов А. А. О монетном чекане Волжской Болгарии конца X в. (дирхам Абд ар-Рахмана ибн Мумина 387 г. х.) // Болгар и проблемы изучения древностей Урало-Поволжья: Тезисы научной конференции, посвященной 100-летию А. П. Смирнова. Болгар, 1999.

275. Молчанов А. А. О монетном чекане Волжской Болгарии конца X в. (дирхам Абд ар-Рахмана ибн Мумина 387 г. х.) // Шестая Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, 20–25 апреля 1998 г.). СПб., 1998.

276. Молчанов А. А. Подвески со знаками Рюриковичей и происхождение древ-

- нерусской буллы // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. VII. Л., 1976.
277. Монгайт А. Л. *Рязанская земля*. М., 1961.
278. Монгайт А. Л. [Рец.:] В. Л. Янин. *Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период*. Изд-во Московского университета. 1956. 295 стр. + 2 табл. Тираж 10 000. Цена 9 руб. // *Вопросы истории*. 1958. № 3.
279. Морозов В. Ю. *Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы хронологии): Материалы II Международной археологической конференции 17–20 ноября 1997 г. Самара, 1998.*
280. Морозов В. Ю. *Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй второй половины I тысячелетия н. э. Самара, 1996.*
281. Морозов В. Ю. *Топография кладов и случайных находок монет на территории Куйбышевской (Самарской) области // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995.*
282. Морозов В. Ю. *Топография находок сасанидских драхм в Урало-Поволжском регионе // Краеведческие записки. Вып. XII. Самара, 2005.*
283. Мрочек-Дроздовский П. *Исследования о Русской Правде. Вып. 1. Опыт исследования источников по вопросу о деньгах Русской Правды*. М., 1881.
284. Мугуревич Э. С. *Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв.: Экономические связи с Русью и другими территориями, пути сообщения*. Рига, 1965.
285. Мурьянов В. Ф. *Золотой пояс Шимона // Византия. Южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура. Сб. ст. в честь В. Н. Лазарева*. М., 1973.
286. Мухамадиев А. Г. *Древние монеты Казани*. Казань, 2005.
287. Мухамадиев А. Г. *Древние монеты Поволжья*. Казань, 1990.
288. Назаренко А. В. *Древняя Русь на международных путях. Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв.* М., 2001.
289. Назаренко А. В. *Происхождение древнерусского денежно-весового счета // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике*. М.,

1996.

290. Назаренко А. В. Скандинавская марка и древнерусская гривна серебра // Нумизматика на рубеже веков. Нумизматический сборник. Ч. XV. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 125.) М., 2001.

291. Наймарк А. И. Замечания о восточноевропейских находках бухарских и хорезмских монет VI–IX веков // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 года): Материалы докл. и сообщ. СПб., 2015.

292. Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Граффити на куфических монетах, обращавшихся в Европе в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994.

293. Нахапетян В. Е., Фомин А. В. Новые находки куфических монет VIII–X вв. с граффити // Вторая Всесоюзная нумизматическая конференция (1987). М., 1987.

294. Невская Л. Г. Словарь балтийских географических апеллятивов // Балто-славянский сборник. М., 1972.

295. Негматов Н. Н. Государство Саманидов (Мавераннахр и Хорасан в IX–X вв.). Душанбе, 1978.

296. Нидерле Л. Славянские древности / Пер. с чеш. Ред. А. Л. Монгайта. М., 1956.

297. Никитин А. Б., Фомин А. В. Новый клад сасанидских и куфических монет первой половины IX в. // Нумизматика: материалы и исследования. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 69. Нумизматический сборник. Ч. 10.) М., 1988.

298. Новаковская-Бухман С. Клады Древней Руси в собрании Русского музея. СПб., 2015.

299. Новикова Е. Ю., Фомин А. В. Восточные монеты из Верхне-Салтовского могильника VIII–IX вв. // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: Тез. докл. III Международной науч. конф., посвящённой 75-летию со дня рождения Г. А. Фёдорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006.

300. Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной

Европы и Кавказа. М., 1990.

301. Носов Е. Н. Нумизматические данные о северной части балтийско-волжского пути конца VIII — X в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. VIII. Л., 1976.

302. Нудельман А. А. Очерки истории монетного обращения в Днестровско-Прутском регионе (с древнейших времён до образования феодального Молдавского государства). Кишинёв, 1985.

303. Нудельман А. А. Топография кладов и находок единичных монет. (Археологическая карта Молдавской ССР. Вып. 8.) Кишинёв, 1976.

304. Нунан Т. С. Ковалев Р. К. Большой клад дирхемов ранней эпохи викингов, найденный в 2000 г. в г. Козельске // Археологические вести. № 10. СПб., 2003.

305. Нунан Т. С. Ковалев Р. К. Неизвестный клад начала IX в. из имения М. А. Оболенского Дмитровского уезда Московской губернии // Археологические вести. № 7. СПб., 2000.

306. Нунан Т. С. Торговля Волжской Булгарии с саманидской Средней Азией в X в. / [Пер. с англ. Г. А. Плужниковой] // Археология, история, нумизматика, этнография Восточной Европы: Сб. ст. памяти И. В. Дубова. СПб., 2004. С. 256–313.

307. Орешников А. Описание серебряным монетным слиткам из собрания Императорского Российского исторического музея // Труды Московского нумизматического общества. Т. II. М., 1901.

308. Пахомов Е. А. Монетные клады Азербайджана и других республик, краёв и областей Кавказа. Вып. I–IX. Баку, 1926–1966.

309. Петрухин В. Я. Древняя Русь: Народ. Князь. Религия // Из истории русской культуры. Т. I (Древняя Русь). М., 2000.

310. Петрухин В. Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995.

311. Петрухин В. Я. Русь в IX–X веках. От призвания варягов до выбора веры. М., 2013.

312. Погодин М. Норманский период русской истории. М., 1859.

313. Погодин М. П. Исследования, замечания и лекции о русской истории.

Т. VII. М., 1856.

314. Потин В. М. Два новых клада западноевропейских денариев XI в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XI. М., 1974.

315. Потин В. М. Дегтянский клад денариев середины XI в. // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IV. Нумизматика. Вып. 2. Л., 1961.

316. Потин В. М. Древняя Русь и европейские государства в X–XIII вв.: Историко-нумизматический очерк. Л., 1968.

317. Потин В. М. К вопросу о составе и датировке Скадинского клада // Сообщения Гос. Эрмитажа. Вып. XVII. Л., 1960.

318. Потин В. М. Монеты в погребениях Древней Руси и их значение для археологии и этнографии // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XII. Нумизматика. Вып. 4. Л., 1971.

320. Потин В. М. Находки западноевропейских монет на территории Древней Руси и древнерусские поселения // Нумизматика и эпиграфика. Т. III. М., 1962.

321. Потин В. М. Нумизматическая хронология и вопросы истории Руси и Западной Европы в эпоху раннего средневековья // Северная Русь и её соседи в эпоху раннего средневековья: Межвуз. сб. Л., 1982.

322. Потин В. М. Нумизматическая хронология и дендрохронология (по материалам новгородских раскопок) // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XXI. Нумизматика. Вып. Л., 1981.

323. Потин В. М. О серебряных монетовидных пластинках в кладах X–XII вв. // Нумизматика и эпиграфика. Т. II. М., 1960.

324. Потин В. М. Редкие английские денарии // Нумизматика и эпиграфика. Т. V. М., 1965.

325. Потин В. М. Русско-скандинавские связи по нумизматическим данным (IX–XII вв.) // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX вв.: Сб. ст. Л., 1970.

326. Потин В. М. Топография находок западноевропейских монет X–XIII вв. на территории древней Руси // Труды Гос. Эрмитажа. Т. IX. Нумизматика. Вып. 3. Л., 1967.

327. Потин В. М. Французские и итальянские монеты из кладов X–XI вв. на

территории СССР // Советская археология. 1963. № 1.

328. Прозоровский Д. И. Монета и вес в России до конца XVIII века. СПб., 1865.

329. Прокопенко Ю. А. История северокавказских торговых путей IV в. до н. э. — XI в. н. э. Ставрополь, 1999.

330. Прокопенко Ю. А. К вопросу о находках в Центральном и Восточном Предкавказье иранских монет VI–VII вв. // Проблемы археологии и истории Северного Кавказа. Ставрополь, 1999.

331. Прокопенко Ю. А. К вопросу о находках на Северном Кавказе резаных куфических дирхамов // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002.

332. Прокопенко Ю. А. К вопросу о чеканке в VII в. золотых подражаний византийским монетам в районе р. Сулак (Дагестан) // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Ярославль, 13–23 апреля 1999 г.). М., 1999.

333. Пчелов Е. В. «Белая веверица» в «Повести временных лет» // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.): Тезисы докладов и сообщений. СПб., 2001.

334. Пчелов Е. В. Какую дань «имаху» «варязи изъ заморья»? // Восточная Европа в древности и средневековье. Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти Владимира Терентьевича Пашуто (Москва, 19–21 апреля 2011 г.): Материалы конференции. М., 2011

335. Рабинович Р. А., Рябцева С. С. Особенности развития древнерусской культуры в Пруто-Днестровском междуречье // Сложение русской государственности в контексте раннесредневековой истории Старого Света. (Труды Гос. Эрмитажа. Т. XLIX.) СПб., 2009.

336. Рабинович Р. А. Дирхемы на территории Молдовы: культурно-исторический контекст // *Stratum plus*. 1999. № 6.

337. Рабцэвіч В. Н., Плавінскі М. А., Іоў А. В. Брыллёўскі скарб. Мінск, 2011.

338. Рабцэвіч В. Н., Стуканаў А. А. Манеты арабскага халіфата на тэрыторыі Беларусі // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. 1973. № 4. Мінск.

339. Равдина Т. В. О датировке городища Алчедар // Средневековые памятники Днестровско-Прутского междуречья. Кишинёв, 1988.
340. Равдина Т. В. Погребения X–XI вв. с монетами на территории древней Руси: Каталог. М., 1988.
341. Роменский А. Клятва на золоте в договоре Святослава с Иоанном Цимисхием // *Ruthenica*. Вып. 13. Киев, 2016.
342. Рябцевич В. Н. Второй Пинский клад конца XI в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.
343. Рябцевич В. Н. Два денежно-вещевых клада из собрания Нумизматического кабинета Белорусского государственного университета // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002.
344. Рябцевич В. Н. Два монетно-вещевых клада IX в. из Витебской области // *Нумизматика и эпиграфика*. Т. V. М., 1965.
345. Рябцевич В. Н. Денежные депозиты Полоцкой земли конца X — начала XIV вв. // *Гістарычна-археалагічны зборнік*. № 15. Мінск, 2000.
346. Рябцевич В. Н. Дирхамы Арабского халифата в денежном хозяйстве Полоцкой земли (IX–X вв.) // *Славяне и их соседи (археология, нумизматика, этнология)*. Минск, 1998.
347. Рябцевич В. Н. Куфические дирхемы на территории Белоруссии // *Древности Белоруссии: Материалы конференции по археологии Белоруссии и смежных территорий*. Минск, 1966.
348. Рябцевич В. Н. Монеты из Моховского некрополя // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М., 2005.
349. Рябцевич В. Н. Некоторые вопросы тезаврации сокровищ // *Вопросы истории древнего мира и средних веков*. Минск, 1970.
350. Савельев П. С. О жизни и ученых трудах Френа // *Записки Археологического общества*. Т. VI. СПб., 1855.
361. Савельев П. С. Топография кладов с восточными монетами и изделиями VII, VIII, IX, X и XI века в России и прибалтийских странах, объясненная историческими свидетельствами о торговле северо-востока Европы в эпоху основания

и утверждения Русского государства. (Мухаммеданская нумизматика в отношении к русской истории. Т. 1). СПб., 1846.

352. Свердлов М. Б. Р. Р. Фасмер — исследователь восточной нумизматики // Народы Азии и Африки. 1973. № 6.

353. Святловский В. В. Прimitивно-торговое государство как форма быта. (Зап. ист.-филол. фак-та Императорского Санкт-Петербургского университета. Ч. СХVIII.) СПб., 1914.

354. Святловский В. В. Происхождение денег и денежных знаков. М.; Пг., 1923.

355. Седых В. Н. О находках сасанидских и куфических монет на территории Удмуртии (материалы к Топографии) // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.

356. Семенов А. И. «Варварские подражания» с территории Хазарского каганата // Четвертая Всероссийская нумизматическая конференция в г. Дмитрове (22–26 апреля 1996 г.). М., 1996.

357. Семенов А. И. Византийские монеты из погребений хазарского времени на Дону // Проблемы археологии. Вып. II. Л., 1978.

358. Семенов А. И. Византийские монеты Келегейского комплекса // Археологический сборник. Вып. 31: Материалы и исследования по археологии и искусству древних народов Евразии. Л., 1991.

359. Сингатуллина А. З., Янина С. А. Суварский клад дирхемов X в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.

360. Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1 (А–Г). М., 1995.

361. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве». Вып. 2: Д — Копье / Виноградова В. Л. (сост.). Л., 1967.

362. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 3: доброд тельно — изжечис / Аванесов Р. И. (гл. ред.). М., 1990.

363. Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов. Вып. 4. М., 1977.

364. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6: зипунь — иянуарий / Бархударов С. Г. (гл. ред.). М., 1979.
365. Сорокин И. Ю. О происхождении и датировке «христианских» подражаний куфическим дирхемам // II Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 3–5 апреля 2015 года): Материалы докладов и сообщений. СПб., 2015.
366. Сотникова М. П., Спасский И. Г. Тысячелетие древнейших монет России. Сводный каталог русских монет X–XI веков. Л., 1983.
367. Спасский И. Г. Золото Владимира Святославича // Экономика, политика и культура в свете нумизматики. Л., 1982.
368. Спиридонов А. М. Монетные клады Карелии. Приложение: материалы к топографии находок монетных кладов XI–XVIII веков в Карелии // Вестник Карельского краеведческого музея. Вып. 3: К 100-летию со дня рождения С. А. Макарьева. Петрозаводск, 1995.
369. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1: А–К. М.: Знак, 2003. (Репринт издания 1893 г.)
370. Стародубцев Г. Ю. Археологический комплекс Жидеевка: нумизматические находки конца X начала XI веков // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.» (Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18–20 апреля 2014 года): Материалы докладов и сообщений. СПб., 2014.
371. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л., 1984.
372. Степанова О. А., Седых В. Н. Клад XI века на древней торговом пути (предварительное сообщение) // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 года). М., 2015.
373. Стефанович П. С. Гривна как денежная единица: к спору «меховистов» и «металлистов» // Российский рубль. 700 лет истории: Материалы Международной научной конференции (Великий Новгород, 25–27 апреля 2016 г.). Великий Новгород; СПб., 2017.

374. Стефанович П. С. Клятва по русско-византийским договорам X в. // Древнейшие государства Восточной Европы: материалы и исследования. 2004 г.: Политические институты Древней Руси. М., 2006.
375. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы (по данным, собранным М. В. Талицким). (Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. [Т.] IV. Материалы и исследования по археологии СССР. № 27.) М., 1952.
376. Талицкая И. А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья // Чернецов В. Н., Мошинская В. И., Талицкая И. А. Древняя история Нижнего Приобья. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 35.) М., 1953.
377. Тизенгаузен В. Г. Монеты Восточного халифата. СПб., 1873.
378. Фасмер Р. Васьковский клад // Восток. Кн. 5. М.; Л., 1925.
379. Фасмер Р. Р. Два клада куфических монет. (Труды нумизматической комиссии ГАИМК. Вып. VI.) Л., 1927.
380. Фасмер Р. Р. Завалишинский клад куфических монет VIII–IX в. (Известия ГАИМК. Т. VII. Вып. II.) Л., 1931.
381. Фасмер Р. Р. Клад куфических монет, найденный в Новгороде в 1920 г. // Известия РАИМК. Т. IV. Л., 1925.
382. Фасмер Р. Р. К нумизматике халифов // Записки коллегии востоковедов. Вып. V. Л., 1931.
383. Фасмер Р. Р. Куфические монеты Переяславского клада // Известия Императорской археологической комиссии. Вып. 51. Петроград, 1914.
384. Фасмер Р. Р. Новые приобретения Эрмитажа в области куфической нумизматики // Известия РАИМК. Т. III. Л., 1924.
385. Фасмер Р. Р. Об издании новой топографии находок куфических монет в Восточной Европе // Известия Академии наук СССР. Сер. 7. Отд. общественных наук. № 6–7. Л., 1933.
386. Фасмер Р. Р. О монетах Волжских Болгар X века // Известия Общества любителей археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Т. XXXIII. Вып. 1. Казань, 1926.

387. Фасмер Р. Р. О монетах Саджидов // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. Вып. 5. Баку, 1927.

388. Фасмер Р. Р. Рукописный каталог монет Безлюдовского клада. Факсимиле реконструкции черновика описания монет / Введение В. С. Кулешова // Безлюдовский клад X в.: материалы и исследования. (Археология евразийских степей. Вып. 18.) Казань, 2014.

389. Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. I. Л., 1926.

390. Фасмер Р. Р. Список монетных находок, зарегистрированных Секцией нумизматики и глиптики Академии истории материальной культуры в 1920–1925 гг. // Сообщения ГАИМК. Т. I. Л., 1926.

391. Фасмер Р. Р. Список монетных находок. II // Сообщения ГАИМК. Т. II. Л., 1929.

392. Федоров-Давыдов Г. А. [Рец.:] В. Л. Янин. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. Изд-во Московского университета, М., 1956, 208 с. + 2 табл. Тираж 10 000. Цена 1 р. // Советская археология. 1958. № 2.

393. Федоров-Давыдов Г. А. Клад золотых монет X в. из Самарканда // Историко-археологический сборник. М., 1962.

394. Федоров-Давыдов Г. А. Монеты из Дубовского могильника // Новые памятники археологии Волго-Камья. (Археология и этнография Марийского края. Вып. 8.) Йошкар-Ола, 1984.

395. Федоров-Давыдов Г. А. Новые находки восточных монет VIII–XIII вв. на территории Восточной Европы // Эпиграфика востока. Вып. XXIII. Л., 1985.

396. Федоров-Давыдов Г. А. Новые находки монет домонгольского времени в Восточной Европе // Нумизматика в Историческом музее. (Нумизматический сборник. Ч. XIV.) М., 2001.

397. Федоров-Давыдов Г. А. Х. М.Френ — нумизмат и эпиграфист. К 200-летию со дня рождения. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV. М., 1984.

398. Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысяче-

летия н. э. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 89.) М., 1960.

399. Федоров М. Н. Клад сельджукских серебряных динаров-шекасте из Южного Узбекистана // Эпиграфика Востока. Вып. XVIII. Л., 1967.

400. Фетисов А. А. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Славяне и их соседи: XX конф. памяти В. Д. Королюка. Становление славянского мира и Византия в эпоху раннего Средневековья. М., 2001.

401. Фетисов А. А. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. // Славянский альманах 2001. М., 2002.

402. Фехнер М. В., Янина С. А. Весы с арабской надписью из Тимерёва // Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

402. Фехнер М. В. Шейные гривны // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. (Труды ГИМ. [Вып.] 43). М., 1967.

403. Фомин А. В. «Сновская тысяча» по нумизматическим данным в X веке // Историко-археологический семинар «Чернигов и его округа в IX–XIII вв.» (15–18 апреля 1985 г.): Тез. докл. Чернигов, 1985.

404. Фомин А. В. Второй Выжигшский, ещё один Петергофский и другие клады куфических монет // Девятая Всероссийская нумизматическая конференция (Великий Новгород, 16–21 апреля 2001 г.). СПб., 2001.

405. Фомин А. В. Выжегшский клад куфических монет первой половины IX века // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1988.

406. Фомин А. В. Древнерусские денежно-монетные рынки в 70–80-х годах X в. // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992–1993 годы. М., 1995.

407. Фомин А. В. Источниковедение кладов куфических монет IX в. // Нумизматические памятники Исторического музея. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 57. Нумизматический сборник. Ч. VIII.) М., 1983.

408. Фомин А. В. Источниковедение кладов с куфическими монетами IX–X веков (по материалам Восточной Европы): Авторефер. дис... канд. исторических

наук. М., 1982.

409. Фомин А. В. К вопросу о характере распространения куфических монет в IX веке // Вестник Московского университета. Сен. История. 1982. № 1.

410. Фомин А. В. Клад куфических монет IX в. из д. Малое Тимерёво // Пятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Ростов-на-Дону, 20–25 апреля 2009). М., 2009.

411. Фомин А. В. Клад куфических монет начала X в. из Брянской области // Восьмая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 17–21 апреля 2000 г.). М., 2000.

412. Фомин А. В. Куфические монеты Гнёздовского клада // Древнейшие государства Восточной Европы. 1994 год. Новое в нумизматике. М., 1996.

413. Фомин А. В. Методические проблемы систематизации кладов с куфическими монетами IX–X вв. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. XIV. Л., 1983.

414. Фомин А. В. Монеты из раскопок у с. Горбово // Григорьев А. В. Северская земля в VIII — начале XI века по археологическим данным. (Труды Тульской археологической экспедиции. Вып. 2.) Тула, 2000.

415. Фомин А. В. Начало распространения куфических монет в районе Балтики // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 171: Славяно-русская археология. М., 1982.

416. Фомин А. В. Новгородские клады куфических монет X в. // Нумизматика, бонистика, фалеристика: Исследования и материалы. (Труды Гос. Исторического музея. Вып. 80. Нумизматический сборник. Ч. XI) М., 1992.

417. Фомин А. В. Новые клады с куфическими дирхемами середины X в. // Двенадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 19–24 апреля 2004 г.). М., 2004.

418. Фомин А. В. Новые находки восточных монет в Северной Руси // [Первая] Всероссийская нумизматическая конференция (Вологда, 18–21 мая 1993 г.): Тез. докл. и сообщ. Вологда, 1993.

419. Фомин А. В. Обращение куфических монет X в. в Восточной Европе //

Тезисы докладов советской делегации на V Международном конгрессе славянской археологии (Киев, сентябрь 1985 г.). М., 1985.

420. Фомин А. В. Обращение обломков куфических монет в Восточной Европе в X — начале XI в. // Нумизматика и эпиграфика. Т. XIV. М., 1984.

421. Фомин А. В. Описание куфических монет, обнаруженных у поселения Настасьино // Средневековое поселение Настасьино. (Труды Подмосковной экспедиции Института археологии РАН. Т. 2.) М., 2004.

422. Фомин А. В. Подражательные дирхемы «Ард ал-Хазар» IX в. // Восточная Европа в древности и средневековье. Проблемы источниковедения. Чтения памяти В. Т. Пашуто (Москва, 18–20 апреля 1990 г.). М., 1990.

423. Фомин А. В. Потерпилицкий клад куфических монет IX в. // Тринадцатая Всероссийская нумизматическая конференция (Москва, 11–15 апреля 2005 г.). М., 2005.

424. Фомин А. В. Проблема экономических контактов Арабского халифата со странами Европы в конце VIII — X вв. // Информационный бюллетень Международной ассоциации по изучению истории культур Центральной Азии ЮНЕСКО. Вып. 4. М., 1983.

425. Фомин А. В. Рассказывают клады // Азия и Африка сегодня. 1984. № 4 (322).

426. Фомин А. В. Рунические знаки и тамги на подражаниях куфическим монетам X в. // Советская археология. 1988. № 4.

427. Фомин А. В. Русь и Хазария в международной торговле монетным серебром в IX в. // Внешняя политика Древней Руси: Юбилейные чтения, посвящённые 70-летию со дня рождения В. Т. Пашуто (Москва, 19–22 апреля 1988 г.). М., 1988.

428. Фомин А. В. Староладожские клады восточных монет конца VIII — IX веков // XIV Всероссийская нумизматическая конференция (Санкт-Петербург, Гатчина, 16–21 апреля 2007 года). СПб., 2007.

429. Фомин А. В. Топография восточноевропейских кладов с дирхемами конца IX — начала X вв. // Восточная Европа в древности и средневековье. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В. Т. Пашуто (Москва, 12–14 апреля 1993 г.): Тез.

докл. М., 1993.

430. Фомин А. В. Топография кладов куфических монет X в. междуречья Днепра и Десны // Чернигов и его округа в IX–XIII вв. Киев, 1988.

431. Фомин А. В. Хутынский клад куфических монет X в. // Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (к 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа): Краткие тез. докл. и сообщений научной конференции (14–16 октября 1987 г.). Л., 1987.

432. Фомин А. В. Южнорусский клад куфических дирхемов конца X в. // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция (Псков, 15–20 апреля 2002 г.). М., 2002.

433. Ходжаниязов Т. Денежное обращение в государстве Великих Сельджуков (по данным нумизматики). Ашхабад, 1977.

434. Ходжаниязов Т. Клад золотых монет XII в. из Куны-Ургенчского района Туркменской ССР // Эпиграфика Востока. Вып. XX. Л., 1971.

435. Черепнин А. И. Значение кладов с куфическими монетами, найденными в Тульской и Рязанской губерниях // Труды Рязанской учредительной археологической комиссии. Т. 7. Рязань, 1892.

436. Черепнин А. И. Коростовский клад. Рязань, 1892.

437. Черепнин А. И. О гривенной системе по древнимкладам // Труды Московского нумизматического общества. Т. II. М., 1901.

438. Шарма Р. Ш. Древнеиндийское общество / Пер. с англ. М., 1987.

439. Шахматов А. А. Киевский Начальный свод 1095 года // Шахматов А. А. 1864–1920: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1947.

440. Шахматов А. А. Предисловие к начальному Киевскому своду и Несторова летопись // Известия Отделения русского языка и словестности [Академии наук]. Т. XIII. Кн. 1. СПб., 1908.

441. Шодуар С., де. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древнейших времен / Пер. с фр. Ч. I. СПб., 1837.

442. Шпилев А. Г. Курские клады куфических монет и северянское Посеймье // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История . Т. I.

Природа. Археология. Музейное дело. Тула, 2003.

443. Шпилев А. Г. Северянское Посемье. Курское княжение // Очерки истории Курского края с древнейших времён до XVII в. Курск, 2008.

444. Щавелев А. С., Фетисов А. А. К исторической географии Восточной Европы IX — начала X века. Карта кладов и конфигурация торговых путей // Историческая география. Т. 2. М., 2014.

445. Щавелев С. П. Клады арабского серебра в Курском Посемье // Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002.

446. Щукин М. Б., Мачинский Д. А., Воронятов С. В. «Готский путь», плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка // Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. СПб., 2011.

447. Щукин М. Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.

448. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 7 (*golvačь — *gyžati) / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1980.

449. Юрченко А. Г. Клятва на золоте: тюркский вклад в монгольскую дипломатию // Тюркологический сборник. 2007–2008: История и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М., 2009.

450. Янина С. А. Второй Неревский клад куфических монет X в. // Новые методы в археологии: Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. III. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 117.) М., 1963.

451. Янина С. А. Куфические монеты из могильника Мыдлань-шай // Древнеудмуртский могильник Мыдлань-шай. (Вопросы археологии Урала. Вып. 3. Труды Удмуртской археологической экспедиции. Т. I.) Свердловск, 1962.

452. Янина С. А. Неревский клад куфических монет X века // Труды Новгородской археологической экспедиции. Т. I. (Материалы и исследования по археологии СССР. № 55.) М., 1956.

453. Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. IV. (Материалы и

исследования по археологии СССР. № 111.) М., 1962.

454. Янина С. А. Описание куфических монет из раскопок 1957–1961 гг. на городище Титчиха // Москаленко А. Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж, 1965.

455. Янин В. Л. Берестяные грамоты и проблема происхождения новгородской денежной системы XV в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Т. III. Л., 1970.

456. Янин В. Л. Денежно-весовые системы домонгольской Руси и очерки истории денежной системы средневекового Новгорода. М., 2009.

457. Янин В. Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

458. Янин В. Л. К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья // История СССР. 1973. № 3.

459. Янин В. Л. Нумизматика и проблемы товарно-денежного обращения в древней Руси // Вопросы истории. 1955. № 8.

460. Янин В. Л. Русская княгиня Олисава-Гертруда и ее сын Ярополк // Нумизматика и эпиграфика. Т. IV. М., 1964.

461. Янин В. Л. Русские денежные системы IX–XV вв. // Древняя Русь: Город, замок, село. (Археология СССР.) М., 1985.

462. Adamczyk D. Silber und Macht. Fernhandel, Tribute und die piastische Herrschaftsbildung in nordosteuropäischer Perspektive (800–1100). (Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Studien. Bd. 28.) Wiesbaden, 2014.

463. Adamczyk J. Płacidła w Europie Środkowej i Wschodniej w średniowieczu. Formy, funkcjonowanie, ewolucja. Warszawa, 2004.

463. al-'Ush M. A.-F. Monnaies aglabides étudiées en relation avec l'histoire des Aglabides. (Publications d'Institut Français de Damas. [No.] 110.) Damas, 1982.

464. Album S. Checklist of Islamic Coins. Third Edition, November 2011. Santa Rosa CA, 2011.

465. Anderson W., mit Beiträgen von R. Vasmer. Der Chalifenmünzfund von Kochtel. (Acta et Commentationes Universitatis Dorpatensis. Ser. B: Humaniora. Vol.

VII.2.) Dorpat, 1926.

466. Anderson W., Vasmer R. Elf weitere Dirhems aus dem Chalifenmünzfund von Kochtel // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1928. Dorpat, 1930.

467. Anderson W. Achtzig neue Münzen aus dem Funde von Naginščina. (Acta et Commentationes Universitatis Tartuensis (Dorpatensis). Ser. B: Humaniora. Vol. XXXVII.4.) Tartu, 1935.

468. Anderson W. Der Münzfund von Vaabina // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1937. [Vol.] I. Tartu, 1938. S. 1–84, Taf 1–11.

469. An Icelandic-English Dictionary, based on the ms. collections of the Late Richard Cleasby, revised, enlarged and completed by Gudbrand Vigfusson. Oxford, 1874.

470. A Sanskrit-English dictionary, etymologically and philologically arranged... / By M. Williams. Oxford, 1872.

471. Bates M. L. The 'Abbasid Coinage System, 833–946: Unpublished paper presented at the Annual Meeting of The Middle East Studies Association, 1996.

472. Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. I. Topographische Übersicht der Münzfunde des Ostbaltikums. II. Topographische Übersicht der in den Grenzen des heutigen Rußlands (USSR) gefundenen Münzen // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XXXIX. Berlin, 1929.

473. Bauer N. Die russischen Funde abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts. III. Schlußbetrachtung. IV. Anhang: Einige bisher unedierte Funde aus Polen. [Errata zu S. 1–187.] Register der Fundplätze // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XL. Berlin, 1930.

474. Bauer N. Die Silber- und Goldbarren des russischen Mittelalters. Eine archäologische Studie. Teil I–II // Numismatische Zeitschrift. Bd. 62, 64. Wien, 1929, 1931.

475. Bauer N. Grívna // Wörterbüch der Münzkunde / Herausg. von F. Schrötter. Berlin; Leipzig, 1930. S. 237).

476. Bauer N. Nachträge zu den russischen Funden abendländischer Münzen des 11. und 12. Jahrhunderts // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XLII. Berlin, 1935. S.

477. Bhatt S. K. Nishka – the Rig Vedic money. Studies in proto-numismatics in

India. Indore, 1998.

478. Brather S. Frühmittelalterliche Dirham-Schatzfunde in Europa. Probleme ihrer wirtschaftsgeschichtlichen Interpretation aus archäologischer Perspektive // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Jahrgang 23/24 (1995/1996). 1997.

479. Busse H. Iran under the Būyids // The Cambridge History of Iran. Vol. 4: The Period from the Arab Invasion to the Saljuqs. Cambridge, 1975. P. 250–304.

480. Bykov A. A. Finds of Indian Mediaeval Coins in East Europe // The Journal of the Numismatic Society of India. Vol. 27. N. 2. 1965.

481. Conde J. A. Historia de la dominación de los árabes en España, sacada de varios manuscritos y memorias arábicas. T. I. Madrid, 1820.

482. Diler Ö. Islamic mints. Islâm darp yerleri. İstanbul, 2009. Vol. 1–3.

483. Egilssonius S. Historiæ regum magni boni, Harald Severi et filiorum ejus. (Scripta historica Islandorum de rebus gestis veterum Borealium. T. VI.) Hafniæ, 1835.

484. Einzig P. Primitive Money in its Ethnological, Historical and Economic Aspects. Second Edition (Revised and Enlarged). Oxford, 1966.

485. Eniosova N. Viking Age Gold from Old Rus' // Cultural interaction between east and west: Archaeology, artefacts and human contacts in northern Europe. (Stockholm Studies in Archeology. N. 44.) Stockholm, 2007. P

486. Eriksen M. H. The Powerful Ring. Door Rings, Oath Rings, and the Sacral Place // Viking worlds: things, spaces and movement. Oxford, 2014. P

487. Eustache D. Corpus des dirhams Idrīsites et contemporains: collection de la Banque du Maroc et autres collections mondiales, publiques et privées. (Études sur la numismatique et l'histoire monétaire du Maroc. [Vol.] I.) Rabat, 1970–1971.

488. Fomin A. Silver of the Maghrib and gold from Ghana at the end of the VIII–IXth centuries A. D. // Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989. (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. N. 6.) Stockholm; London, 1990.

489. Fraehn Ch. M. Neue Sammlung kleiner Abhandlungen die muhammedanische Numismatik betreffend. Leipzig, 1844.

490. Goldina R. D., Nikitin A. B. New finds of Sasanian, Central Asian and Byzantine

coins from the region of Perm', the Kama-Urals area // *Studies in Silk Road coins and culture : Papers in honour of Professor Ikuo Hirayama on his 65th birthday.* (Silk Road Art and Archaeology, special volume 1997.) Kamakura, 1997.

491. Granberg B. Förteckning över kufiska myntfynd i Finland. (Studia Orientalia. Vol. XXXIV.) Helsinki, 1966.

492. Gustin I. Mellan gåva och marknad. Handel, tillit och materiell kultur under vikingatid. (Lund Studies in Medieval Archaeology. N. 34.) Stockholm, 2004.

493. Göckenjan H., Zimonyi I. Orientalische Berichte über die Völker Osteuropas und Zentralasiens im Mittelalter: Die Ġayhānī-Tradition (Ibn Rusta, Gardīzī, Ḥudūd al-'Ālam, al-Bakrī und al-Marwazī). (Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altica. Bd. 54.) Wiesbaden, 2001.

494. Jankowiak M. Wer brachte im 10. Jahrhundert die Dirhems in die polnischen Gebiete und warum? // *Fernhändler, Dynasten, Kleriker. Die piastische Herrschaft in kontinentalen Beziehungsgeflechten vom 10. bis zum frühen 13. Jahrhundert.* (Deutsches Historisches Institut Warschau. Quellen und Studien. Bd. 30.) Wiesbaden, 2015.

495. K. Mūlenbacha Latviešu valodas vārdnīca / Rediģējis, papildinājis, turpinājis J. Endzelīns. Rīgā, 1923–1925. I. sēj.

496. Kainov S. Yu. Swords from Gnēzdovo // *Acta Militaria Mediaevalia.* 2012. T. VIII.

497. Kilger C. Silver-handling traditions during the Viking Age — Some observations and thoughts on the phenomenon of pecking and bending // *Coinage and History in the North Sea World, c. AD 500–1250: Essays in Honour of Marion Archibald.* (The Northern World. North Europe and the Baltic c. 400–1700 AD: Peoples, Economies and Cultures. Vol. 19.) Leiden; Boston, 2006.

498. Klat M. G. Catalogue of the Post-Reform Dirhams: The Umayyad Dynasty. London, 2002.

499. Kovalev R. K., Kaelin A. C. Circulation of Arab Silver in Afro-Euroasia: Preliminary Observations // *History Compass.* No. 5:2. Hoboken NJ, 2007.

500. Kovalev R. K. Commerce and Caravan Routes Along the Northern Silk Road (Sixth-Ninth Centuries) — Part I: The Western Sector // *Archivum Eurasiae Medii Aevi.*

Vol. 14 (2005). Wiesbaden, 2005.

501. Kovalev R. K. Creating Khazar Identity through Coins. The Special Issue Dirhams of 837/8 // East Central and Eastern Europe in the Early Middle Ages. Ann Arbor, 2005.

502. Kovalev R. K. Dirham Mint Output of Samanid Samarqand and its Connection to the Beginnings of Trade with Northern Europe (10th century) // *Histoire et Mesure*. Vol. 17, no. 3–4. Paris, 2002.

503. Kovalev R. K. Grand Princess Olga of Rus' Shows the Bird: Her 'Christian Falcon' Emblem // *Russian History*. Vol. 39. Leiden, 2012.

504. Kovalev R. K. Mint Output in Tenth-Century Bukhara: A Case Study of Dirham Production and Monetary Circulation in Northern Europe // *Russian History*. Vol. 28: Festschrift for Th. S. Noonan, Vol. I. Paris, 2001.

505. Kovalev R. K. Mint output in tenth-century Bukhara: a case study of dirham production and monetary circulation in northern Europe // *Russian History/Histoire Russe*. Vol. 28, No. 1–4. Leiden, 2001.

506. Kovalev R. K. The Infrastructure of the Northern Part of the 'Fur Road' Between the Middle Volga and the East During the Middle Ages // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 11 (2000–2001). Wiesbaden, 2001.

507. Kovalev R. K. The Mint of al-Shash: The Vehicle For the Origins and Continuation of Trade Relations Between Viking-Age Northern Europe and Samanid Central Asia // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 12 (2002–2003). Wiesbaden, 2003.

508. Kovalev R. K. What Does Historical Numismatics Suggest About the Monetary History of Khazaria in The Ninth Century? — Question Revisited // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 13 (2004). Wiesbaden, 2004.

509. Kovalev R. K. Клад дирхамов 913/14 гг. из деревни Пальцево Тверской губернии // *Клады: состав, хронология, интерпретация: Материалы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.)*. СПб., 2002.

510. Kroonen G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston, 2013.

511. Kropotkin V. Bulgarian tenth-century coins in Eastern Europe and around the Baltic. Topography and distribution routes // *Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna*

Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989. (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. N. 6.) Stockholm; London, 1990.

512. Lane E. W. An Arabic-English Lexicon. Beirut–Lebanon, 1968. P. 1894c.

513. Leimus I. En ny fuglemønt fra Estland // Nordisk Numismatisk Unions Medlemsblad. Nr. 3. September 2014.

514. Leimus I. Sylloge of Islamic Coins 710/1–1013/4 AD. Estonian public collections. (Estonian History Museum. Thesaurus Historiae. II.) Tallinn, 2007.

515. Lowick N. Early ‘Abbāsīd Coinage: A Type Corpus. 132–218 H / AD 750–833. London, 1996.

516. Lönnroth L. Saga and Jartegn. The appeal of mystery in saga texts // Die Aktualität der Saga: Festschrift für Hans Schottmann. Berlin; New York, 1999. (Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Ergänzungsbände. Bd. 21.)

517. Łosiński W. Chronologia, skala i drogi napływu monet arabskich do krajów europejskich u schyłku IX i w X w. // Slavia Antiqua. Vol. 34. Poznań, 1993. S. 1–40.

518. Łosiński W. Chronologia napływu najstarszej monety arabskiej na terytorium Europy // Slavia Antiqua. Vol. 31. Poznań, 1988.

519. Malek H. M. The Dābūyid Ispahbads and Early ‘Abbāsīd Governors of Tabaristān: History and Numismatics. (Royal Numismatic Society Special Publication No. 39.) London, 2004.

520. Molvõgin A. Die Funde westeuropäischer Münzen des 10. bis 12. Jahrhunderts in Estland. (Numismatische Studien. Heft 10.) Hamburg, 1994.

521. Noonan T. S., Kovalev R. K. Клад 873/74 гг. из Любыни: войны и захоронение кладов в эпоху Рюрика // Клады: состав, хронология, интерпретация. Мат-лы тематической научной конференции (Санкт-Петербург, 26–29 ноября 2002 г.). СПб., 2002.

522. Noonan Th. S. A ninth-century dirham hoard from Devitsa in southern Russia // American Numismatic Society Museum Notes. Vol. 27. New York, 1982.

523. Noonan Th. S. Did the Khazars Possess a Monetary Economy? An Analysis of the Numismatic Evidence // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 2. Wiesbaden, 1982.

524. Noonan Th. S. Dirham exports to the Baltic in the Viking Age: some preliminary

observations // *Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989*. (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. N. 6.) Stockholm; London, 1990.

525. Noonan Th. S. Early ‘Abbāsīd Mint Output // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. Vol. 29. No. 2. Leiden, 1986.

526. Noonan Th. S. Fluctuations in Islamic Trade with Eastern Europe during the Viking Age // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 16. No. 3/4. 1992.

527. Noonan Th. S. Khazaria as an Intermediary between Islam and Eastern Europe in the Second Half of the Ninth Century: The Numismatic Perspective // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Vol. 5. Wiesbaden, 1985.

528. Noonan Th. S. Ninth-century dirham hoards from European Russia: a preliminary analysis // *Viking-Age Coinage in the Northern Lands: The Sixth Oxford Symposium on Coinage and Monetary History*. (BAR International Series. [No.] 122 (i).) Oxford, 1981.

529. Noonan Th. S. Ninth-Century Dirham Hoards from Northwestern Russia and the Southeastern Baltic // *Journal of Baltic Studies*. Vol. 13. No. 3: Relations between Scandinavia and the Southeastern Baltic/Northwestern Russia in the Viking Age. London, 1982.

530. Noonan Th. S. Scandinavians in European Russia // *The Oxford Illustrated History of the Vikings*. Oxford, 1997. P

531. Noonan Th. S. The Circulation of Byzantine Coins in Kievan Rus’ // *Byzantine Studies: Études Byzantines*. No. 7. 1980.

532. Noonan Th. S. The Impact of the Islamic Trade Upon Urbanization in the Rus’ Lands: The Tenth and Early Eleventh Centuries // *Les centres proto-urbains russes entre Scandinavie, Byzance et Orient*. (Réalités byzantines. Vol. 7.) Paris, 2000.

533. Noonan Th. S. The Islamic World, Russia and the Vikings, 750–900: The Numismatic Evidence. (Variorum Collected Studies. Vol. 595.) Aldershot, 1998.

534. Noonan Th. S. The Monetary History of Kiev in the Pre-Mongol Period // *Harvard Ukrainian Studies*. Vol. 11. No. 3/4. 1987.

535. Noonan Th. S. The Regional Composition of Ninth-Century Dirham Hoards from European Russia // *The Numismatic Chronicle*. Vol. 144. London, 1984.

536. Noonan Th. S. *The Vikings in the East: Coins and Commerce // Developments around the Baltic and the North Sea in the Viking Age. (Birka Studies. [Vol.] 3: The Twelfth Viking Congress.)* Stockholm, 1994.

537. Noonan Th. S. *What Does Historical Numismatics Suggest About the History of Khazaria in the Ninth Century? // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 3.* Wiesbaden, 1983.

538. Noonan Th. S. *When, how, and why dirhams first reached European Russia: A numismatic critique of the Pirenne theory // Proceedings of the 9th International Congress of Numismatics.* Bern, 1979.

539. Noonan Th. S. *When Did Dirhams First Reach the Ukraine? // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 2. No. 1.* 1978.

540. Noonan Th. S. *Why Dirhams First Reached Russia: The Role of Arab-Khazar Relations in the Development of the Earliest // Islamic Trade with Eastern Europe. (Archivum Eurasiae Medii Aevi. Vol. 4.)* Wiesbaden, 1984.

541. Noonan Th. S. *Why the Vikings First Came to Russia // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Bd. 34. H. 3.* Stuttgart, 1986.

542. Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.* Bern, 1959. Bd. 2.

543. Pritsak O. *The Origins of the Old Rus' Weights and Monetary Systems. Two Studies in Western Eurasian Metrology and Numismatics in the Seventh to Eleventh Centuries. (Harvard Series in Ukrainian Studies.)* Cambridge (Mass.), 1998.

544. Rau W. *Metalle und Metallgeräte im vedischen Indien. (Akademie der Wissenschaften und Literatur. Abhandlungen der geistes- und sozialwissenschaftlichen Klasse. Jahrgang 1973. N 8)* Mainz; Wiesbaden, 1974.

545. Rispling G. *Coins With Crosses and Bird Heads — Christian Imitations of Islamic Coins? // Fornvännen. Vol. 82.* Stockholm, 1987.

546. Rispling G. *Ninth-century dirham hoards in Russia and the Baltic region: A report on progress // Magister Monetae: Studies in Honour of Jørgen Steen Jensen. (Publications of the National Museum. Studies in Archaeology and History. Vol. 13.)* Copenhagen, 2007. P. 101–109.

547. Rispling G. *The Volga Bulgarian imitative coinage of al-Amir Yaltawar*

(‘Barman’) and Mikail b. Jafar // *Sigtuna Papers: Proceedings of the Sigtuna Symposium on Viking-Age Coinage 1–4 June 1989*. (Commentationes de nummis saeculorum IX–XI in Suecia repertis. Nova series. N. 6.) Stockholm; London, 1990.

548. Sanskrit-Wörterbuch / Herausgegeben von der kaiserl. Akademie der Wissenschaften, bearbeitet von O. Böhtlingk und R. Roth. 4. Theil. SPb., 1865.

549. Semyonova M. F. On Russian-Latvian Language Contacts // *Acta Baltico-Slavica*. Vol. VI. Białystok, 1969.

550. Shamma S. Aḥdāt ‘aṣr al-Ma’mūn ka-mā tarwihā al-nuqūd: The time of Al-Ma’mūn in the light of numismatic evidence. *Irbid*, 1995.

551. Shams Eshragh A. Silver Coinage of the Caliphs (a Fully Illustrated Catalogue). London, 2010.

552. Stein-Wilkeshuis M. Scandinavians swearing oaths in tenth-century Russia: Pagans and Christians // *Journal of Medieval History*. Vol. 28. 2002.

553. Steuer H. Waagen und Gewichte aus dem mittelalterlichen Schleswig. Funde des 11. bis 13. Jahrhunderts aus Europa als Quellen zur Handels- und Währungsgeschichte. (Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters. Beiheft 10.) Köln; Bonn, 1997.

554. Strumiński B. Linguistic Interrelations in Early Rus’: Northmen, Finns, and East Slavs (Ninth to Eleventh Centuries). (Collana di filologia e letterature slave, nuova serie. Vol. II.) Roma; Edmonton; Toronto, 1996.

555. Talbi M. L’Émirat Aghlabide. 184–296, 800–909: Histoire politique. (Publication de la Faculté des lettres [de] Tunis.) Paris, 1966.

556. Talvio T. Coins and coin finds in Finland, AD 800–1200. (ISKOS. No. 12.) Helsinki, 2002.

557. Treadwell L. Buyid coinage: A die corpus (322–445 A.H.). Oxford, 2001.

558. Tschernyschow K. Der neue Fund mit deutschen Denaren des XI. Jahrhunderts aus dem Pskov-Gebiet // Beiträge zur brandenburg-preußischen Numismatik. Numismatisches Heft Nr. 24. Osnabrück, 2016.

559. Tõnisson E. Eesti aardeleidud 9.–13. sajandist // Muistsed kalmed ja aarded: Arheoloogiline kogumik II. Tallinn, 1962.

560. Urtāns V. Senākie depoziṭi Latvijā (līdz 1200. g.). Rīga, 1977.

561. Vardanyan A. R. Islamic Coins Struck in Historic Armenia. I. Armīniya, Arrān (Madīnat Arrān), Barda‘a, Dabīl, Hārūnābād / al-Hārūniya and Ma‘din Bājunays. Early ‘Abbāsīd Period (142–277 AH / 759–891 AD). Yerevan, 2011.

562. Vasmer R. [Rez.:] E. A. Pachomow. Monetnyje klady Azerbajġana (Die Münzfunde von Azerbajġan). Baku, 1926 (Trudy obščestwa izučeniġa i obsledowanija Azerbajġana III). 100 Seiten. 8° // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XXXVI. Heft 3/4. Berlin, 1926.

563. Vasmer R. Beiträge zur muḥammedanischen Münzkunde. II. Über die Münzen der Wolga-Bulgaren. I. Die Münzen der Abū Dā’udiden. II. Über die Münzen der Wolga-Bulgaren // Numismatische Zeitschrift. [Bd.] 58. Wien, 1925.

564. Vasmer R. Der kufische Münzfund von Friedrichshof in Estland // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1925. Dorpat, 1926.

565. Vasmer R. Der Münzkund von Peuth // Beiträge zur Kunde Estlands. Bd. XII. Heft 4–5 (Doppelheft Februar 1927). Reval, 1927. S

566. Vasmer R. Die Eroberung Ṭabaristāns durch die Araber zur Zeit des Chalifen al-Manšūr // Islamica. Vol. III. Fasc. 1. Leipzig, 1927.

567. Vasmer R. Die kufischen Münzen des Fundes von Luurila, Kirchspliel Hattula. (Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikakauskirja. XXXVI, N:o 3. Eripainos.) Helsinki, 1927.

568. Vasmer R. Ein im Dorfe Staryġ Dedin in Weissrussland gemachter Fund kufischer Münzen. (Kungl. Antikvitets Akademiens Handlingar. Del. 40:2.) Stockholm, 1929.

569. Vasmer R. Ein neuer Münzfund des elften Jahrhunderts in estnischem Privatbesitz // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1934. Tartu, 1936.

570. Vasmer R. Zur Chronologie der Ġastāniden und Sallārīden // Islamica. Vol. III. Fasc. 2. Leipzig, 1927.

571. Vasmer R. Zur Geschichte und Münzkunde von ‘Omān im X. Jahrhundert // Zeitschrift für Numismatik. Bd. XXXVII. Heft 1/4. Berlin, 1927.

572. Vasmer R. Zur Münzkunde der Qarāḥāniden // Mitteilungen des Seminars für Orientalische Sprachen zu Berlin. Jahrgang XXXIII. Abteilung II: Westasiatische Studien. Berlin, 1930.

573. Vasmer R. Über die Münzen der Šaffāriden und ihrer Gegner in Fārs und Ḥurāsān // Numismatische Zeitschrift. Bd. 63. Wien, 1930.

574. Vasmer R. Über dreizehn in Privatbesitz verbliebene Münzen des Friedrichshofer Fundes // Sitzungsberichte der Gelehrten Estnischen Gesellschaft. 1928. Dorpat, 1930.

575. Zambaur E. Die Münzprägungen des Islams zeitlich and örtlich geordnet. Bd. I: Der Westen und Osten bis zum Indus, Mit synoptischen Tabellen. Wiesbaden, 1968.

ПРИЛОЖЕНИЕ

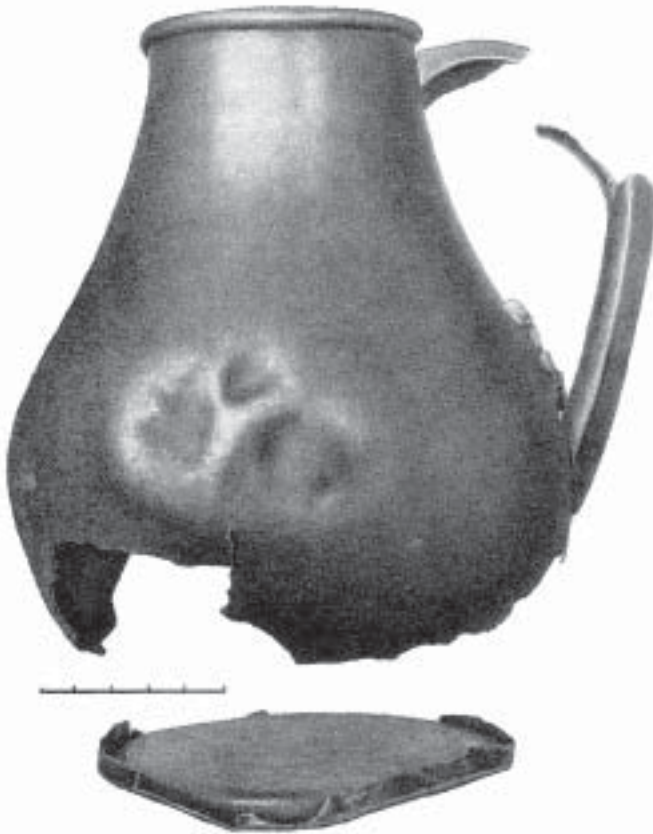
1

2

3

4

Седьярский кувшин. Гос. Эрмитаж

ТАБЛ. 1

1

2

3

4

ТАБЛ. 2

الأستاذ
عبد العزيز الأمير
أبو محمد

100-1000
1000-1000
1000-1000

الأمير أبو
الحسن علي بن
الإخشيدي

1000-1000
1000-1000
1000-1000

1

2

3

4

ПОДПИСИ К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

ТАБЛ. 1. Эмблематика Хазарии IX в.

- 1 — дирхам с тамгой в виде трезубца с левым отростком на оборотной стороне¹;
 2 — рунический дирхам, тип А²;
 3 — рунический дирхам, тип В (фото К. Йунссона) и графическая схема тамги в виде сердцевидного трезубца на рунических дирхамах (рис. В. С. Кулешова);
 4 — Седьярский кувшин с рунической надписью на ручке³, деталь: тамга в виде сердцевидного двузубца и ее графическая схема (рис. В. С. Кулешова).

ТАБЛ. 2. Эмблематика Волжской Булгарии X в. (фото К. Йунссона).

- 1 — дирхам Мика'ила ибн Джа'фара с тамгой в виде крестовидного трезубца;
 2 — суварский дирхам с тамгой в виде ветви с отростком;
 3 — суварский дирхам Му'мина ибн Ахмада с тамгой в виде ветви с отростком и боковым штрихом;
 4 — болгарский дирхам Му'мина ибн ал-Хасана с тамгой в виде греческой альфы с ломаной гастой.

ТАБЛ. 3. Русская эмблема середины X в. в виде геометрической фигуры с навершием в виде птичьей (соколиной) головки, увенчанной равноконечным крестом на подражательных дирхамах Rispling FM/BC⁴.

- 1 — тип I (фото К. Йунссона);
 2 — тип II (собрание Эрмитажа; фото Д. Бобровой);
 3 — тип III (фото К. Йунссона).

¹ Девицкий клад. Фото по: *Быков А. А.* О хазарском чекане VIII–IX вв.: Доклад на III Всесоюзной конференции арабистов // Труды Гос. Эрмитажа. Т. XII. Нумизматика. Вып. 4. Л., 1971. Рис. 3.

² Частная коллекция. Фото по: www.zeno.ru, #93487.

³ Собрание Эрмитажа. Фото по: *Даркевич В. П.* Художественный металл Востока VIII–XIII вв. Произведения восточной торевтики на территории Европейской части СССР и Зауралья. М., 1976. Табл. 20, 6.

⁴ Все фото по: *Кулешов В. С.* Дирхам с изображением увенчанного крестом сокола (Rispling FM/BC II) в собрании Эрмитажа // Русское денежное обращение в X–XVII вв.: Нумизматический сборник к 60-летию П. Г. Гайдукова. М., 2015. Рис. 1.

ТАБЛ. 4. Ихшидидский должностной знак с именами Абу Мухаммада и Абу-л-Хасана ‘Али¹.

ТАБЛ. 5. Памятники эмблематики Руси X в. — подвески и монеты с граффити.

1 — дирхам с граффито в виде двузубца²;

2 — монета с парными граффити из Свирьстройского клада³ (собрание Эрмитажа; фото В. С. Кулешова);

3 — подвеска с княжеской эмблемой в виде двузубца. Серебро, гравировка, позолота (частная коллекция);

4 — подвеска из некрополя Пскова⁴, середина X в. Серебро, чернь.

---

¹ Собрание Эрмитажа. Фото по: *Кулешов В. С.* Ихшидидский должностной знак из собрания Эрмитажа и монета-подвеска с парными граффити из Свирьстройского клада: некоторые общие вопросы формы и функции // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2016 года (22 и 23 ноября 2016 г.): Материалы докладов и сообщений. М., 2016. Рис. 1, 1.

² Собрание Эрмитажа. Фото по: *Кулешов В. С.* Эпоха Ибн Фадлана в памятниках нумизматики // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. М., 2016. С. 513. Кат. № 518.

³ Собрание Эрмитажа. Фото по: *Кулешов В. С.* Ихшидидский должностной знак из собрания Эрмитажа и монета-подвеска с парными граффити из Свирьстройского клада: некоторые общие вопросы формы и функции // Нумизматические чтения Государственного Исторического музея 2016 года (22 и 23 ноября 2016 г.): Материалы докладов и сообщений. М., 2016. Рис. 1, 2.

⁴ Собрание Псковского музея-заповедника. Рисунок по: *Ершова Т. Е.* Камерное погребение 6 // Древнерусский некрополь Пскова X — начала XI века. Т. 2. Камерные погребения Пскова (по материалам археологических раскопок 2003–2009 гг. у Старовознесенского монастыря). СПб., 2016. С. 293. Рис. 1.